902.6:(Р).
4-46
5107

ЗНАЧЕНІЕ КЛАДОВЪ

СЪ КУФИЧЕСКИМИ МОНЕТАМИ,

найденныхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ.

А. И. Черепнина.

Изданіе Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

5107

РЯЗАНЬ.
Типографія Губ. Правленія.
1892.

902.6/47.38)
Ч-46
902.6 (С133)
Ч-46
5107.

ЗНАЧЕНІЕ КЛАДОВЪ

СЪ КУФИЧЕСКИМИ МОНЕТАМИ,

найденныхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ.

А. И. Черепнина.

Изданіе Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

РЯЗАНЬ.
Типографія Губ. Правленія.
1892.

Печатано по опредѣленію Рязанской Ученой Архивной Комиссіи.

607

Значеніе кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ.

I.

Занимаясь нѣсколько лѣтъ наблюденіями надъ случайными находками, въ которыхъ встрѣчались восточныя монеты, я съ особеннымъ интересомъ слѣдилъ за кладами съ куфическими монетами. Эти клады относятся къ тому періоду Русской исторіи, о которомъ наши лѣтописи даютъ неясныя и отрывочныя свѣдѣнія, такъ что изслѣдованія остатковъ трехвѣковыхъ сношеній нашихъ предковъ съ востокомъ представляютъ возможность открыть многое изъ того, о чемъ умолчали наши лѣтописцы, и этимъ самымъ у каждаго любителя отечественной старины возбуждаютъ къ себѣ большой интересъ.

Живя по многу лѣтъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, я не упускалъ представлявшихся мнѣ случаевъ пріобрѣтать древнія монеты и на мѣстѣ собирать свѣдѣнія какъ о кладахъ съ куфическими монетами, такъ и о другихъ находкахъ, относившихся къ болѣе или менѣе отдаленному прошлому.

Въ Тульской губерніи куфическіе клады, преимущественно, находили по берегамъ рѣкъ— Оки, Упы и Смедвы. Особенно часто они попадались въ Ка[illegible]ть уѣздѣ, по теченію Оки и Смедвы. О многихъ изъ подобныхъ находокъ въ народѣ сохранилось только смутное воспоминаніе; немало преданій держится среди сельскаго люда о кладахъ, открытыхъ еще въ прошломъ столѣтіи; но за нынѣшнее столѣтіе по Каширскому уѣзду, внѣ всякихъ сомнѣній, извѣстны слѣдующія находки. Само собою разумѣется, что нижеприведенный перечень кладовъ, открытыхъ въ текущемъ столѣтіи въ одномъ уѣздѣ, даетъ только приблизительное понятіе о дѣйствительномъ числѣ находокъ, сдѣланныхъ во всей губерніи.

Около 1807 года, близъ города Каширы, крестьянинъ нашелъ кладъ съ куфическими монетами, серебряными прутиками, шейными гривнами, подвѣсками, серьгами и кольцами. Вѣсъ клада былъ свыше трехъ фунтовъ. Небольшая часть находки (нѣсколько вещей и монетъ) была куплена сосѣднимъ помѣщикомъ, который впослѣдствіи подарилъ г. Челищеву серебряное кольцо съ изумрудомъ и пять монетъ изъ этого клада. Отъ Челищева кольцо перешло къ Н. А. Янькову; у г. Янькова мнѣ случилось видѣть это кольцо,—оно несомнѣнно восточнаго происхожденія. Изъ монетъ у Челищева осталось только два экземпляра, которые я видѣлъ у него. Обѣ монеты были аббасидскіе диргемы конца VIII или начала IX вѣка. Г. Челищевъ и другіе помѣщики Каширскаго уѣзда принимали диргемы за татарскія монеты. Объ остальныхъ вещахъ и монетахъ этого клада мнѣ не удалось получить никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній (1).

Въ 1861 году крестьянинъ села Баскачъ, Каширскаго уѣзда, поднимая паръ подъ посѣвъ ржи, нашелъ глиняный кувшинъ съ монетами цѣлыми и дробленными, кусочками серебряныхъ прутиковъ и двумя серебряными бляшками. Вѣсъ клада былъ около двухъ фунтовъ. Крестьянинъ продалъ кладъ сосѣднему кабатчику. С. И. Сахаровъ купилъ у кабатчика шесть цѣлыхъ монетъ и нѣсколько мелкихъ частей. Четыре монеты перешли отъ Сахарова ко мнѣ. Это были аббасидскіе диргемы VIII и IX столѣтія, халифовъ: Абу-Джафара (148 г. гиджры, т. е. 765—766 года по Р.Х.), Эль-Мегди и два диргема—Гарунъ-Аль-Рашида (192 г. гиджры, т. е. 807—808 года по Р. Х.); послѣдніе два диргема чеканены въ г. Багдадѣ. Кабатчикъ продалъ кладъ въ городѣ Каширѣ золотыхъ дѣлъ мастеру (2).

Свѣдѣнія, полученныя мною отъ разныхъ лицъ, о кладахъ, найденныхъ въ другихъ уѣздахъ Тульской губерніи, не настолько достовѣрны, чтобы упоминать объ нихъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ не пришлось видѣть монеты изъ тѣхъ кладовъ.

Привожу рядъ кладовъ, найденныхъ въ Тульской губерніи и описанныхъ Х. М. Френомъ и другими нумизматами. Текстъ беру изъ сочиненій: П. С. Савельева—„Мухамеданская Нумизматика", стр. 17-я, и барона В. Г. Тизенгаузена— „Монеты Восточнаго Халифата", стр. XXXIV-я.

„Въ 1821 году одинъ крестьянинъ, вспахивая землю, верстахъ въ семи отъ Тулы, нашелъ сосудъ съ 200 куфическихъ монетъ (около $1^1/_2$ фунтовъ). Въ 1823 году, точно такимъ же образомъ, въ Крапивенскомъ уѣздѣ, близъ селеній Лапоткова и Покровскаго, найдены 62 монеты, двѣ серебряныя рукоятки и обломокъ печати, какъ кажется, на зеленомъ воскѣ. По опредѣленію Х. М. Френа, древнѣйшая изъ нихъ 92 г.

(1) Этотъ кладъ нигдѣ не описанъ.

(2) Тоже.

гиджры (710—711 г. по Р.Х.), новѣйшая—201 г. (816—817 г. по Р. Х.). Онѣ были частію азіатскія, частію африканскія. Первыя образуютъ наибольшее число и за исключеніемъ шести испегбедіевъ, состоятъ всѣ изъ монетъ халифовъ 92—201 г. гиджры (отъ 710—711 г. по 816—817 годъ по Р.Х.) и биты въ Васетѣ (на Тигрѣ), Мединетъ-эль-селямѣ (Багдадѣ), Баерѣ, Куфѣ, Джеѣ, Теймерѣ (близъ Исфагани), Седжистанѣ (т. е. Зереджѣ, главномъ городѣ этой области), Мервѣ, Балхѣ, Мухаммедіе (т. е. Реѣ, близъ Тегерана), Табаристанѣ (т. е. Амолѣ) и Арранѣ (т. е. Берда'а, бывшей столицѣ Африки). Монеты испегбедовъ частью двуязычныя, съ пеглевійскими и арабскими надписями, частью только съ одними первыми. Изъ послѣднихъ, на трехъ находится куфическимъ шрифтомъ имя Омара, т. е. Омара-Ибнъ-эль-Аала, который былъ намѣстникомъ халифовъ Мансура и Мегди въ Табаристанѣ отъ 155 по 161 г. и потомъ отъ 165 по 167 годъ гиджры (772—778 и 781—783 г. по Р.Х.). Африканоарабскія монеты этаго клада, числомъ двѣнадцать, биты частью въ городахъ Африкіе (т. е. Кайрованѣ, столицѣ этой области и Аббасіе); частью въ Магребъ-эль-аксá, въ городѣ Беда'а, первыя въ 163—175 г. (779—792 г. по Р.Х.), Мухаллебидами, намѣстниками халифовъ въ Африкіе; послѣднія въ 174—187 г. (790—803 г. по Р.Х.) Идрисидами, которые основали независимое государство въ Магребъ-эль-аксá. Саманидскихъ монетъ здѣсь не оказалось ни одной." Вѣсъ клада, повидимому, не превышалъ одного фунта.

„Въ 1829 году въ Бѣлевѣ найдены три монеты: Гарунъ-Аль-Рашида, битая въ Багдадѣ, въ 191 г. (т. е. 806—807 г. по Р.Х.). Нуха I, битая въ Самаркандѣ въ 340 г. (т. е. 951—952 г. по Р.Х.). Идриса II, битая въ Велилé въ 180 г. (т. е. 796—797 г. по Р.Х.). Городъ Велилé находился въ Африкѣ, на одинъ день пути къ западу отъ Феса." Можно предположить, что кладъ былъ очень небольшой.

„Въ 1834 году былъ вырытъ кладъ близъ села Остроговъ Каширскаго уѣзда. Монеты были халифскія и другихъ типовъ; первыя съ 739 по 816 г. по Р.Х., послѣднія съ 862 по 870 г. по Р.Х. Доставлено было только девять монетъ." Кладъ былъ не болѣе одного фунта, въ немъ имѣлись половинки, четверти и болѣе мелкія части диргемовъ. По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ передавалъ владѣлецъ села Остроговъ объ этомъ кладѣ.

„Въ томъ же уѣздѣ, близъ селъ Растовецъ и Остроговъ, въ 1865 году, отысканы аббасидскіе диргемы 160—250 г. (т. е. 776—865 г. по Р.Х.). См. Изв. Арх. Общ. VI, от. 2-й, стр. 136-я".

„Въ томъ же уѣздѣ, въ селѣ Гритчинѣ, на берегу Большой Смедвы, найдены куфическія монеты. См. Труды Московск. Археолог. Общ. II стр. 174.

При описаніи послѣднихъ шести кладовъ не упоминается о дробленыхъ диргемахъ и другихъ вещахъ. Безъ сомнѣнія, какъ части диргемовъ, такъ и другія вещи были, если не во всѣхъ шести описанныхъ кладахъ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Полученныя мною свѣдѣнія о содержаніи клада, найденнаго близъ села Остроговъ, отчасти подтверждаютъ справедливость моего предположенія и относительно другихъ кладовъ, о которыхъ мнѣ неизвѣстно никакихъ подробностей.

Цѣлые, нетронутые клады очень рѣдко попадаютъ къ изслѣдователямъ въ большинствѣ случаевъ, къ нимъ поступаютъ только части находокъ, изъ которыхъ, обыкновенно, находчики предварительно выбираютъ серебряныя украшенія и другія бытовыя вещи, какъ болѣе интересныя или пригодныя для женскихъ украшеній. Мнѣ случалось видѣть на крестьянкахъ старинныя серьги, кольца и очень древнія бусы. Части диргемовъ, находившіяся въ кладахъ, также не всегда доходятъ полностію до изслѣдователей, потому что въ рѣдкихъ случаяхъ ихъ всѣ выбираютъ изъ земли, особенно, когда кладъ не заключается въ крѣпкомъ горшечкѣ, ящичкѣ или другой какой-либо, хорошо закрытой, посудѣ; потомъ нерѣдко выдѣляютъ изъ кладовъ части диргемовъ, какъ не заслуживающій вниманія хламъ. Да и лица, описывавшія куфическіе клады, не всегда обращали на нихъ должное вниманіе. По крайней мѣрѣ, мнѣ неизвѣстно ни одного описанія, въ которомъ было бы приведено точное число всѣхъ частей диргемовъ, —подраздѣленія ихъ по вѣсу и по наружной формѣ. Обыкновенно, интересуются только цѣлыми и хорошо сохранившимися диргемами или другими монетами, встрѣтившимися въ кладѣ; мелочь же часто оставляютъ безъ всякаго изслѣдованія.

Во всѣхъ описанныхъ кладахъ, найденныхъ въ Тульской губерніи, нигдѣ не упоминается ни о византійскихъ, ни о западно-европейскихъ монетахъ, хотя послѣдній изъ этихъ кладовъ, судя по диргему Нуха I, относится ко второй половинѣ X-го столѣтія. Въ Тульской губерніи мнѣ случалось осматривать небольшія собранія древнихъ монетъ у мѣстныхъ любителей—помѣщиковъ, священниковъ, купцовъ; въ этихъ монетныхъ собраніяхъ часто встрѣчались диргемы, какъ цѣлые такъ и дробленые. Несомнѣнно, что эти монеты были получены изъ мѣстныхъ находокъ; но ни разу мнѣ не приходилось видѣть въ этихъ маленькихъ коллекціяхъ западно-европейскихъ монетъ не только IX-го, но даже X-го и XI столѣтій; тогда какъ монеты XIV, XV и XVI столѣтій встрѣчались нерѣдко.

Считаю нелишнимъ привести здѣсь народное повѣрье, которое мнѣ случалось слышать не одинъ разъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ о происхожденіи дробленыхъ диргемовъ въ кладахъ. „Многіе клады были зарыты въ землю съ какимъ-нибудь зарокомъ и ввѣрены охранѣ нечистаго. Когда Богу угодно награ-

дить добраго человѣка кладомъ, то нечистый ничего не можетъ подѣлать противъ предназначенія Господа Бога и волей-неволей долженъ отдать кладъ счастливцу. Однако, по своей дьявольской натурѣ, нечистый не въ состояніи уступить кладъ безъ всякой пакости и чтобы хоть чѣмъ-нибудь досадить нашедшему кладъ, такъ перетолчетъ деньги, точно ихъ по заказу ломали и рубили". Повѣрье характерно само по себѣ и интересно въ томъ отношеніи, что прямо указываетъ на частыя находки дробленыхъ диргемовъ въ Тульской и Рязанской губерніяхъ. Будь подобныя находки рѣдки или встрѣчайся онѣ не на большомъ пространствѣ, повѣрье, вѣроятно, не могло бы сложиться среди деревенскаго люда.

Болѣе ничего опредѣленнаго мнѣ неизвѣстно о кладахъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ текущемъ столѣтіи въ Тульской губерніи; хотя, внѣ всякаго сомнѣнія, ихъ было открыто несравненно больше, но многочисленные разсказы и слухи о другихъ подобныхъ находкахъ были такъ неточны, сбивчивы и видимо преувеличены, что я не нахожу возможнымъ приводить ихъ здѣсь. Общее же впечатлѣніе, вытекающее изъ моихъ наблюденій надъ находками, такое: Тульская губернія богата остатками VIII, IX и X столѣтій, которые открываются, преимущественно, по берегамъ рѣки Оки и ея главныхъ притоковъ. Эти остатки обнаруживаются какъ въ монетныхъ кладахъ, такъ въ могильникахъ и курганахъ той эпохи, въ которую широко были развиты торговыя сношенія древней Руси съ востокомъ.

Перехожу къ описанію кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ Рязанской губерніи за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ.

На хуторѣ купца Логинова, близъ села Канищева, недалеко отъ рѣки Оки, верстахъ въ десяти отъ города Рязани, найдены были два клада съ куфическими монетами. Первый, въ концѣ сороковыхъ годовъ, былъ открытъ двумя мальчиками, пасшими лошадей на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь разбитъ фруктовый садъ. Роясь въ пескѣ, мальчики нашли кучку монетъ. Старшій изъ нихъ запугалъ меньшаго тѣмъ, что такія находки опасно трогать и посовѣтовалъ найденное немедленно зарыть въ землю. Меньшой согласился и монеты были засыпаны пескомъ. Возвратясь домой, старшій мальчикъ разсказалъ своему отцу о находкѣ; тотъ, не теряя ни минуты, отправился съ сыномъ на указанное мѣсто и выбралъ кладъ изъ земли. Этотъ крестьянинъ, благодаря находкѣ, сталъ зажиточнымъ человѣкомъ. Подробности о дальнѣйшей участи клада мнѣ неизвѣстны, но рязанскіе старожилы увѣряютъ, что кладъ превышалъ десять фунтовъ и что монеты изъ него совершенно походили на тѣ, которыя были найдены впослѣдствіи рабочими близъ мѣста первой находки, на томъ же хуторѣ въ 1880 году, при рытьѣ подвала въ усадьбѣ Логинова. На этотъ разъ, вмѣстѣ съ монетами, найдены были пять или шесть серебряныхъ прутиковъ и нѣсколько штукъ серебряныхъ украшеній. Находка была разобрана рабочими и разошлась въ разныя стороны. Часть монетъ и одинъ или два прутика перешли къ А. В. Антонову, давнишнему рязанскому собирателю разныхъ древностей. Монеты были куфическія, преимущественно аббасидскія IX и саманидскія начала X-го вѣка; вмѣстѣ съ цѣлыми монетами были и дробленыя. Свѣдѣнія объ этихъ кладахъ получены мною отъ Логинова и Антонова; по ихъ словамъ, вѣсъ послѣдней находки былъ болѣе двухъ фунтовъ.

Въ 1891 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, В. А. Городцовъ, дѣйствительный членъ Рязанской ученой архивной комиссіи, нашелъ одинъ диргемъ Насра I (914—943 г. по Р. Х.) близъ хутора г. Логинова, у подножія одного древняго кургана; въ этомъ же мѣстѣ, на поверхности земли имъ были найдены части мелкихъ бронзовыхъ украшеній, обломки ножей курганнаго типа и много черепковъ отъ древнихъ гончарныхъ издѣлій. Вся эта мѣстность, прилегающая къ берегамъ рѣки Оки, представляетъ большой интересъ и вполнѣ заслуживаетъ вниманія археологовъ.

Въ 1869 году, близъ г. Рязани, на берегу Оки, гдѣ въ настоящее время находится пристань, соединенная вѣткою съ рязанскимъ вокзаломъ, найденъ былъ кладъ арабскихъ монетъ саманидскаго чекана. Кладъ былъ болѣе одного фунта вѣсомъ; въ немъ были ломаныя и рубленыя части диргемовъ. Нѣсколько монетъ изъ этой находки были куплены Сгибневымъ (часовыхъ дѣлъ мастеръ въ г. Рязани), у котораго я случайно увидалъ эти монеты и отобралъ для себя три экземпляра лучшей сохранности. Всѣ монеты были саманидскаго чекана; изъ пріобрѣтенныхъ мною одинъ диргемъ былъ Насра I-го 321 г. гиджры, т. е. 933—934 года по Р. Х.; другой—Измаила, чеканенъ въ Шашѣ въ 284 г. гиджры, т. е. 897—898 г. по Р. Х.; третій диргемъ плохо сохранился, разобрать его надпись было невозможно.

Спустя нѣкоторое время, мною были куплены еще три диргема саманидскаго чекана у мѣстнаго торговца, по словамъ котораго, монеты принадлежали тому же кладу; но мнѣ не настолько извѣстенъ этотъ торговецъ, чтобы вѣрить его показаніямъ. Три послѣдніе диргема были Насра I-го, Нуха I-го и Мансура I-го, т. е. относились ко времени съ 914 г. по 975 г. по Р. Х.

Въ 1874 году, одновременно, были найдены два клада въ Борковскомъ могильникѣ; они лежали въ землѣ, саженяхъ въ 10—12 одинъ отъ другого. Прошлою осенью, мною съ штабсъ-капитаномъ В. С. Андріевскимъ, было изслѣдовано положеніе Борковскаго могильника и мы пришли къ тому заключенію, что южная сторона его и часть западной остались нетронутыми.

Древняя могила, случайно открытая В. С. Андріевскимъ, доказала справедливость моихъ предположеній о цѣлости нѣкоторыхъ частей могильника. Теперь для меня нѣсколько выяснилось и мѣстонахожденіе кладовъ по отношенію къ могильнику: одинъ изъ нихъ былъ зарытъ въ площади самаго могильника,—другой же находился саженяхъ въ 7-ми къ сѣверозападу отъ пограничной черты его. Оба найденные клада состояли почти изъ однихъ аббасидскихъ диргемовъ VIII-го и IX вѣка. Древнѣйшій диргемъ былъ халифа Омейядской династіи —Мервана II, чеканенный въ г. Васитѣ, въ 129 г. гиджры, т. е. въ 746—747 г. по Р.Х., и новѣйшій диргемъ саманидскій—Насра I-го, чеканенный въ г. Шашѣ, 914—943 г. по Р.Х. Всѣ прочіе диргемы изъ этихъ кладовъ, которые мнѣ пришлось видѣть, были халифовъ аббасидской династіи: Абу-Джафара, Эль-Мегди, Гарунъ-аль-Рашида, Эль-Мамуна, Эль-Мустаинъ-Билляха и Эль-Мутеззъ-Билляха, слѣдовательно, они относятся ко времени съ 736 г. по 869 годъ по Р.Х.; чеканены въ Куфѣ, Мухаммедіи, Арменіи (столицѣ этой области—Девинъ или Дебиль) и въ Багдадѣ. Въ кладахъ были найдены ломаные и рубленые диргемы,—половинки, четверти и восьмыя части. Въ прошломъ ноябрѣ я снова пересматривалъ дробленныя части диргемовъ изъ Борковскаго могильника, сохранившіяся до настоящаго времени у М. М. Селиванова, и между ними нашелъ два небольшіе обломка отъ диргемовъ саманидскаго чекана. Прежнее мое предположеніе, что диргемъ Насра I-го попалъ къ М. М. Селиванову не изъ кладовъ Борковскаго могильника, благодаря двумъ обломкамъ саманидскихъ диргемовъ, оказалось ошибочнымъ: въ одномъ изъ кладовъ могильника были саманидскіе диргемы и части ихъ. Клады были зарыты въ землю въ разное время, одинъ въ IX столѣтіи, другой въ X-мъ; промежутокъ между ихъ зарытіемъ въ землю, повидимому, былъ около ста лѣтъ. Вѣсъ кладовъ былъ неодинаковый: большій изъ нихъ имѣлъ фунта полтора, другой же—менѣе фунта.

Монетныя находки въ Борковскомъ могильникѣ и близъ него особенно интересны въ томъ отношеніи, что онѣ даютъ приблизительное понятіе о древности самаго могильника, если только допустить существованіе какой-нибудь связи между найденными арабскими монетами и могильникомъ (3). Разсказы о нахожденіи отдѣльныхъ диргемовъ среди могилъ, на мой взглядъ, съ достаточною вѣроятностью устанавливаютъ эту связь. Тѣмъ болѣе, что настоящій случай далеко не единственный: во множествѣ открытыхъ могильниковъ находили арабскія монеты.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1891 года, въ селѣ Коростовѣ, на лѣвомъ берегу рѣки Оки, въ восьми верстахъ отъ города Рязани, крестьянинъ, роя яму для картофеля, нашелъ на глубинѣ $2^1/_2$ аршинъ кладъ, вѣсившій одинъ фунтъ тридцать золотниковъ. Монеты лежали кучкою въ землѣ; остатковъ горшечка или другого какого-нибудь сосуда, вмѣщавшаго кладъ, не оказалось. Кладъ состоялъ изъ 15 цѣлыхъ диргемовъ, девяти сотъ разной величины частей диргемовъ, двухъ цѣлыхъ серебряныхъ монетъ западно-европейскихъ, Оттона I-го (императора 962—973 г.), одной серебряной монеты Іоанна Цимисхія (съ 969 по 976 г. по Р. Х.), одного серебрянаго прутика, изогнутаго въ видѣ наружнаго очертанія продольно разрѣзанной груши и одной серебряной подвѣски, повидимому служившей амулетомъ. Древнѣйшая изъ монетъ—диргемъ аббасидскаго чекана, халифа Абуль-Фадль-Эль-Муктадиръ-Билляха (съ 295 по 320 г. гиджры, т. е. съ 908 по 932 по Р. Х.), битъ въ Мысрѣ. Новѣйшая монета—диргемъ саманидскаго чекана Нуха II-го, битый въ 985—986 году по Р.Х. Кладъ относится къ концу X столѣтія и былъ зарытъ въ землю, вѣроятно, не ранѣе начала XI-го. Между частями диргемовъ было нѣсколько штукъ правильно обрѣзанныхъ, въ видѣ кружковъ, разной величины и вѣса; остальные были рубленые и ломаные; по вѣсу онѣ распадались на нѣсколько группъ. Самыя мелкія части вѣсили отъ 1-го грана до $1^1/_4$ грана, самыми крупными были половинки диргемовъ. Между этими крайними частями оказался цѣлый рядъ дробей диргема: $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_8$, $^1/_{10}$, $^1/_{12}$ и $^1/_{24}$. Мною еще не закончено изслѣдованіе клада и потому я не привожу ни числа экземпляровъ каждой группы, ни точнаго вѣса ихъ. Въ кладѣ нашлось штукъ девять частей западно-европейскихъ и двѣ части византійскихъ монетъ, вѣсъ ихъ не разнился отъ вышеприведенныхъ дробей.

Коростовскій кладъ замѣчателенъ какъ по большому числу частей диргемовъ (мнѣ неизвѣстно другого клада, который содержалъ бы большее число частей), такъ и нахожденію въ немъ серебрянаго прутика (4). До настоящаго времени на прутики, находимые въ кладахъ средней и западной Руси, мало обращали вниманія. По моему мнѣнію они заслуживаютъ серьезнаго изслѣдованія, потому что, какъ кажется, представляютъ опредѣленныя части арабскаго вѣса VIII, IX и X столѣтій; вмѣстѣ съ этимъ они имѣютъ прямое отношеніе къ древнѣйшимъ нашимъ гривнамъ. Они служили образцомъ для гривенъ средней и сѣверной Руси: Рязанскія гривны, найденныя въ 1888 году, въ Спасскомъ уѣздѣ, близъ села Исадъ, напоминаютъ своею формою прутики восточнаго издѣлія, хотя Рязанскія гривны не старѣе XIII вѣка и по вѣсу соотвѣтствуютъ новой новгородской гривнѣ; но типъ,—сходство по наружной формѣ,—древнѣйшихъ кунныхъ гривенъ въ нихъ еще сохранил-

(3) Подробности о Борковскомъ могильникѣ и случайно открытой древней могилѣ помѣщены въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи 1891 г. №№ 7-й и 8-й.

(4) Описаніе Коростовскаго клада помѣщено въ Трудахъ Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, томъ VII, № 3-й.

ся ([5]). Серебряные прутики обращались въ древней Руси или, покрайней мѣрѣ, въ областяхъ Окскаго и Волжскаго бассейновъ, какъ опредѣленныя части первоначальной русской гривны (шейнаго украшенія).

Въ 1875 и 1878 годахъ, были найдены куфическія монеты въ Спасскомъ уѣздѣ; одинъ небольшой кладъ былъ открытъ близъ Старой Рязани, а другой къ сѣверу востоку отъ города Спасска, близъ села Дегтянаго. Объ этихъ находкахъ мнѣ сообщалъ г. Буковскій, но не могъ точно обозначить ни мѣстонахожденія кладовъ, ни ихъ содержаніе. У него было нѣсколько диргемовъ изъ этихъ кладовъ; два изъ нихъ онъ подарилъ мнѣ. Всѣ монеты были аббасидскаго чекана VIII и IX вѣковъ. Полученныя мною диргемы были—одинъ Гарунъ Эль-Рашида, чеканенный въ 792—793 году по Р.Х., другой диргемъ былъ плохой сохранности, повидимому, IX вѣка.

Въ 1877 году, однимъ крестьяниномъ былъ найденъ кладъ съ восточными монетами близъ села Кудакова, на берегу рѣки Осетра, верстахъ въ двѣнадцати отъ города Зарайска. Кладъ былъ небольшой. Г. Дурасовъ передалъ мнѣ два диргема изъ этого клада, оба аббасидскіе,—халифа Эль-Мамуна, чеканенный въ Самаркандѣ въ 202 г. гиджры, т. е. въ 817—818 г. по Р. Х. и халифа Абуль-Фадль-Джафаръ-Мутевекиля, чеканенный въ г. Серменраѣ въ 237 г. гиджры, т. е. въ 851—852 году по Р. Х.

Въ 1888 году, графъ Гл. Д. Толстой пожертвовалъ въ Рязанскій Музей пять диргемовъ, полученныхъ имъ изъ клада, найденнаго въ Скопинскомъ уѣздѣ. Всѣ диргемы аббасидскаго чекана: три—халифа Абу-Джафари 145 и 146 г. гиджры, т. е. 763 и 764 г. по Р. Х., одинъ халифа Эль-Мегди 166 г. гиджры, т. е. 783 г. по Р. Х. и послѣдній—халифа Эль-Мамуна 203 г. гиджры, т. е. 819 г. по Р. Х. Мѣстонахожденіе клада точно неизвѣстно.

Въ другихъ уѣздахъ Рязанской губерніи я бывалъ только проѣздомъ и не имѣлъ возможности прослѣдить въ нихъ находки восточныхъ монетъ; хотя нѣтъ сомнѣнья, что клады съ куфическими монетами были открыты и въ другихъ уѣздахъ Рязанской губерніи, особенно—въ Егорьевскомъ, Касимовскомъ, Пронскомъ и Сапожковскомъ, примыкающихъ къ рѣкѣ Окѣ непосредственно или при посредствѣ большихъ притоковъ, впадающихъ въ Оку (рѣки—Цна, Истья, Проня и Пара). Разсказы о находкахъ кладовъ, древнія украшенія и бытовые предметы получаемые Рязанскою Ученою Архивною Комиссіею, имѣющіеся въ этихъ уѣздахъ древніе курганы указываютъ на изобиліе памятниковъ старины въ этой мѣстности.

Описаніе кладовъ съ куфическими монетами, найденыхъ въ Рязанской губерніи, заканчиваю тремя находками, которыя только и были извѣстны въ нашей нумизматической литературѣ. Первый кладъ былъ описанъ В. В. Григорьевымъ, два послѣдніе П. С. Савельевымъ.

„Въ 1839 году, Зарайскаго уѣзда, въ селѣ Бѣломъ Омутѣ, на берегу Оки, между Коломною и Рязанью, вырыто было работниками, при рытьѣ фундамента для одного дома, 33 цѣлыхъ серебряныхъ монеты и 24 рубленыхъ пополамъ или на четверти. Всѣ онѣ относятся къ X вѣку по Р. Х., кромѣ одной, которая 286 г. гиджры, (=889 г. по Р. Х.). Двѣ изъ нихъ аббасидскихъ халифовъ и биты въ городѣ Багдадѣ, въ 286 и 337 г. гиджры. Другія принадлежатъ саманидамъ 326—364 г.,—онѣ составляютъ большую часть находки, и монетнымъ дворамъ городовъ Самарканда, Бухары, Шаша (Ташкента), Балха и Рашета. Третью часть составляютъ пять монетъ государей изъ дому Зіяръ, и чеканены въ городахъ—Джорджанѣ, Астрабадѣ и Амолѣ въ 357—363 годахъ гиджры. Четвертая часть, наконецъ, состоитъ изъ двухъ для насъ особенно занимательныхъ монетъ Волжскихъ Булгаръ, битыхъ въ Булгарѣ и Суварѣ въ годахъ гиджры 338 (949 г. по Р. Х.) и 366 (976 г. по Р.Х.); но обѣ состоятъ только изъ половинокъ“ ([6]).

Въ томъ же селѣ былъ найденъ кладъ въ 1850 году; второй кладъ состоялъ изъ разныхъ куфическихъ монетъ и серебряныхъ издѣлій; саманидскіе диргемы составляли большую часть клада (Записки Импер. Арх. Общ. Томъ VI, стр. 420).

„Въ 1856 году кладъ найденъ въ Зарайскомъ уѣздѣ, въ 20-ти верстахъ отъ уѣзднаго города, въ селѣ Желѣзницахъ, близъ рѣки Осетра. Онъ содержалъ въ себѣ болѣе трехъ фунтовъ серебряныхъ издѣлій и монетъ. Издѣлія состояли изъ шейныхъ гривенъ (обручей), запястій, колецъ, серегъ, привѣсокъ и блахъ. Монеты, числомъ 258 за исключеніемъ одной сассанидской, всѣ куфическія, преимущественно аббасидскія. Древнѣйшая изъ нихъ (сассанидская) 618 г. отъ Р. Х., новѣйшая 878 г; большая же часть второй половины IX-го вѣка. Саманидскихъ нѣтъ ни одной. Многія монеты оказались рѣдкими или даже вовсе еще неизвѣстными. Эту находку пріобрѣло Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ“ ([7]).

Рязанской губерніи какъ-во особенно не посчастливилось: въ нашей нумизматической литературѣ по этой губерніи, въ текущемъ столѣтіи записаны только три клада, которыми закончень вышеприведенный мною перечень извѣстныхъ находокъ съ куфическими монетами. Между тѣмъ мнѣ удалось, въ теченіе десяти лѣтъ прожитыхъ мною въ Рязани, узнать и прослѣдить шесть кладовъ съ арабскими монетами, найденныхъ за послѣднія сорокъ лѣтъ близъ Рязани,

([5]) Описаніе Рязанскихъ гривенъ помѣщено въ Каталогѣ Рязанскаго Музея, Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи, томъ VI №№ 4 и 5-й.

([6]) П. С. Савельевъ—„Мухаммеданская Нумизматика“, стр. 16-я.

([7]) Извѣстія Императорскаго Археологическаго Общества, 2 вып. 1857 г.

два въ Спасскомъ и одинъ въ Зарайскомъ уѣздахъ. Объ этихъ находкахъ сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ ничего не было сообщено.

По этому единичному примѣру уже можно составить понятіе о томъ—какая ничтожная часть кладовъ съ диргемами, открытыхъ въ Европейской Россіи въ теченіи XIX столѣтія, стала достояніемъ науки, и какое изумительное количество ихъ было извлечено изъ земли въ продолженіе восьми вѣковъ.

Что арабскія монеты находили въ большомъ количествѣ въ отдаленныя отъ насъ времена, на это есть неясныя указанія въ нашихъ лѣтописяхъ и болѣе многочисленныя—въ народныхъ преданіяхъ, гдѣ подъ именемъ бусурманскихъ и татарскихъ монетъ можно предполагать клады какъ съ сассанидскими и арабскими, такъ и съ татарскими монетами. „Нигдѣ простые люди не говорятъ столько о кладахъ и тайныхъ сокровищахъ, какъ въ земляхъ славянскихъ",—говоритъ Карамзинъ. Клады съ куфическими монетами находили и при татарахъ, въ этомъ мнѣ дважды пришлось убѣдиться. Въ 1883 году одинъ еврей предлагалъ мнѣ купить у него часть клада съ татарскими монетами, найденнаго въ Елатомскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. При осмотрѣ монетъ меня удивило то, что вмѣстѣ съ татарскими оказалось двадцать штукъ обрѣзанныхъ саманидскихъ диргемовъ; обрѣзкою имъ была придана величина татарскихъ монетъ. Быть можетъ найденные въ XIV столѣтіи саманидскіе диргемы нарочно были обрѣзаны для того, чтобы они легче могли обращаться за татарскія; но вѣроятнѣе всего—въ кладѣ съ куфическими монетами, открытомъ въ концѣ XIII-го или началѣ XIV-го стол., нашлись обрѣзанные диргемы, по величинѣ равные татарскимъ серебрянымъ монетамъ; они были выбраны изъ клада и пущены въ обращеніе за татарскія монеты. При изслѣдованіи поверхностей и обрѣзовъ диргемовъ, съ помощію сильной лупы, было замѣтно, что степень окисленія металла какъ на поверхностяхъ, такъ и на обрѣзахъ монетъ не представляла никакого различія. Обрѣзанные диргемы почти всѣ имѣли одинаковый вѣсъ—отъ $17^1/_2$ до $18^1/_2$ грановъ, т. е. равнялись приблизительно одной трети средняго вѣса саманидскихъ диргемовъ. И такъ какъ въ кладахъ съ арабскими монетами часто встрѣчаются рубленные на части диргемы, а иногда и правильно обрѣзанные въ видѣ кружковъ, то послѣднее предположеніе о происхожденіи обрѣзанныхъ диргемовъ, найденныхъ вмѣстѣ съ татарскими монетами, имѣетъ болѣе вѣроятія. Татарскія монеты были всѣ джучидскія, хановъ: Узбека, Джанибека, Бирдибека, Науруза и Кульна; древнѣйшая монета была хана Узбека, 723 г. гиджры, т. е. 1323 по Р.Х., бита въ городѣ Булгарѣ; новѣйшая—была хана Науруза, 761 г. гиджры, т. е. 1360 г. по Р.Х., бита въ городѣ Гюлистанѣ. Прочія татарскія монеты были биты въ городахъ: Сараѣ, Новомъ Сараѣ, Гюлистанѣ и Азакѣ (Азовѣ). Въ 1889 году мною было получено изъ Петербурга отъ С. Григорьева (главный приказчикъ въ мѣняльной лавкѣ Малкова) около пятидесяти татарскихъ серебряныхъ монетъ, которыя, по сообщенію Григорьева, поступили въ лавку изъ клада, найденнаго въ Нижегородской губерніи. Между татарскими монетами хановъ: Узбека, Джанибека, Бирдибека и Хызра оказалось тринадцать штукъ обрѣзанныхъ диргемовъ, повидимому саманидскаго и тагиридскаго чекановъ, весьма плохой сохранности. Форма обрѣзки, величина и вѣсъ ихъ были сходны съ тѣми обрѣзанными диргемами, которые мнѣ пришлось видѣть въ 1883 году.

Чѣмъ не вызвана была обрѣзка диргемовъ, но несомнѣнно то, что обрѣзанные диргемы были найдены въ кладахъ съ татарскими монетами, слѣдовательно вновь зарыты были въ землю въ концѣ XIV столѣтія.

Можно предполагать, что нахожденіе диргемовъ или частей ихъ въ кладахъ съ татарскими монетами случается не особенно рѣдко, и было бы интересно прослѣдить это явленіе на значительномъ числѣ находокъ.

Съ увѣренностію можно утверждать, что арабскіе клады начали извлекать изъ земли еще въ XII столѣтіи, если не ранѣе. Съ того времени эти находки непрерывно открываются до нашихъ дней. Несмотря на продолжительный періодъ, въ теченіе котораго находятъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, клады съ куфическими монетами, періодъ, вмѣщающій не менѣе восьми вѣковъ,—эти клады еще не истощились и не проходитъ года, чтобы въ томъ или другомъ мѣстѣ Европейской Россіи не было найдено одного или нѣсколько подобныхъ кладовъ.

Число записанныхъ находокъ съ арабскими монетами представляетъ каплю въ морѣ, по сравненію съ дѣйствительнымъ количествомъ ихъ, вырытымъ изъ земли до настоящаго времени.

Невольно могъ возникнуть вопросъ,—по какимъ причинамъ въ такомъ изумительномъ количествѣ появились куфическія монеты въ сѣверо-восточной Европѣ. Этотъ вопросъ былъ затронутъ еще въ концѣ XVIII столѣтія извѣстнымъ нѣмецкимъ оріенталистомъ нумизматомъ Тихсеномъ; затѣмъ, по отношенію къ нашему отечеству, въ общихъ чертахъ, разрѣшенъ нашимъ знаменитымъ оріенталистомъ нумизматомъ Х. М. Френомъ, и болѣе подробно разработанъ нашими извѣстными учеными П. С. Савельевымъ, В. В. Григорьевымъ и барономъ В. Г. Тизенгаузенъ.

Множество кладовъ съ куфическими монетами, находимыхъ въ Европейской Россіи, вышеназванные ученые, одинаково со многими другими, объясняютъ обширными и постоянными торговыми сношеніями племенъ, населявшихъ сѣверо-восточную Европу, съ Восточнымъ Халифатомъ, Мавераннегромъ (нынѣшняя Хива и

Бухара) и Прикаспійскими областями Персіи (Табаристанъ и Азарбеджанъ).

Эти торговыя сношенія начались издавна, судя только по однимъ арабскимъ кладамъ, начало ихъ можно отнести къ концу VII-го или началу VIII-го столѣтія, и шли непрерывно до начала XI столѣтія, при посредничествѣ Волжскихъ Булгаръ и Хозаръ (8).

Чтоже касается начала торговыхъ сношеній сѣверо-восточной Европы съ востокомъ (Азіею), то оно скрыто отъ насъ въ глубинѣ вѣковъ, и мы не имѣемъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, которыя хотя приблизительно указывали-бы на эпоху начальныхъ сношеній сѣверо-восточной Европы съ Азіею. Нашъ древній лѣтописецъ такъ обозначаетъ водные пути, которыми пользовалась древняя Русь для сношеній съ иноземными народами: „Поляномъ же, жившимъ особѣ по горамъ симъ, бѣ путь изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру и верхъ Днѣпра волокъ до Ловоти, и по Ловоти внити въ Илмерь озеро великое, из негоже озера потечетъ Волховъ и втечетъ в озеро великое Нево, и того озера внидетъ устье в море Варяжьское, и по тому морю ити до Рима, а отъ Рима прити по тому же морю къ Царюгороду, а отъ Царягорода прити в Понтъ море, въ неже втечетъ Днѣпръ рѣка. Днѣпръ бо потече из Волковьскаго лѣса, и потечетъ на полъдне, а Двина пс гогоже лѣса потечетъ, а идетъ на полунощье и внидетъ в море Варяжьское: пс того же лѣса потече Волга на въстокъ, и вътечетъ семьюдесятъ жерелъ в море Хвалисьское. Тѣмже и из Руси можетъ ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалисы, и на въстокъ допти въ жребий Симовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, отъ Рима же и до племени Хамова. А Днѣпръ втечетъ в Понетьское море жереломъ, еже море словетъ Руское“.... Первыми точными и вполнѣ достовѣрными свидѣтелями этихъ сношеній служатъ открытые клады съ сассанидскими монетами и вещами той же эпохи въ камскомъ и нижне-Волжскомъ бассейнахъ.

Изъ кладовъ съ сассанидскими монетами V-го и VI-го вѣка, открытыхъ въ текущемъ столѣтіи, извѣстны слѣдующіе: „Въ 1846 году въ имѣніи графа С. Г. Строганова, въ Соликамскомъ уѣздѣ, близъ береговъ рѣки Камы найденъ былъ весьма примѣчательный кладъ, состоявшій исключительно изъ серебряныхъ сассанидскихъ монетъ V и VI вѣка по Р. Х. и изъ изъ серебряной чаши, покрытой неизвѣстными Средне-азіатскими письменами. Монеты принадлежатъ тремъ государямъ—Ездигерду II, Кобаду и Хозрою II, царствовавшимъ отъ 441 по 594 г. послѣ Р. Х.“...

„Въ 1851 году, въ южной части Пермской губерніи, именно въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, близъ деревни Шестаковой и берега рѣки Иргина, вырытъ былъ новый столь-же замѣчательный кладъ. Онъ состоялъ изъ серебрянаго кувшина вѣсомъ въ $2^1/_2$ фунта, серебрянаго искусно витаго жгута съ застежками, того-же металла подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ горнаго хрусталя, сердолика и другихъ камней и болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ сассанидскихъ, византійскихъ и индо-бактрійскихъ, пятаго, шестаго и начала седьмаго вѣка по Р. Х. Древнѣйшая изъ монетъ сассанидская, половины V вѣка; новѣйшая—императора Ираклія и сына его Ираклія-Константина, 613—614 годовъ“ (9).

При проведеніи С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, во время раскопки огромнаго кургана Малые Струги (Псковской губерніи и уѣзда), было найдено въ немъ рабочими множество восточныхъ монетъ и различнаго оружія (мечей, копій и т. п.). Случайно сохранилась изъ этого клада одна серебряная монета Хозроя II Парвиза, вычеканенная въ 28 годъ его царствованія или въ 618 году по Р.Х. (10). Вѣроятно кладъ содержалъ значительное число сассанидскихъ монетъ.

Въ моей нумизматической практикѣ были случаи, которые наводятъ на догадку, что подобные клады находили и въ средне-волжскомъ бассейнѣ. Въ Нижегородской, Казанской и Самарской губерніяхъ у нѣкоторыхъ мелкихъ торговцевъ, промышляющихъ скупкою и перепродажею разнаго старья, иногда попадались отдѣльные экземпляры сассанидскихъ монетъ и преимущественно VI-го и начала VII вѣка. Въ тѣхъ же мѣстахъ, въ колекціяхъ любителей старины встрѣчаются сассанидскія монеты V, VI и VII вѣка. Эти монеты были пріобрѣтены любителями въ большинствѣ случаевъ въ мѣстахъ ихъ жительства. Можно съ большею вѣроятностью предполагать, что если не всѣ, то значительная часть сассанидскихъ монетъ была получена изъ мѣстныхъ кладовъ, неизвѣстно когда и кѣмъ открытыхъ. Клады съ сассанидскими монетами могли оказаться въ вышесказанныхъ мѣстахъ, какъ остатки торговыхъ сношеній племенъ, заселявшихъ берега средней Волги, съ сассанидскою Персіею.

Какъ монетные клады и находки серебряныхъ блюдъ, ковшей, чашъ и кувшиновъ сассанидской эпохи въ Пермской и Вятской губерніяхъ, такъ и признаки сассанидскихъ кладовъ въ отдѣльныхъ монетахъ, сохраняющихся въ коллекціяхъ провинціальныхъ любителей старины, можно считать достовѣрными свидѣтелями торговыхъ сношеній племенъ Камскаго и Волжскаго бассейновъ съ востокомъ въ эпоху, предшествовавшую появленію арабовъ на берегахъ Каспія.

Древняя средняя и сѣверная Русь была тѣсно связана съ Волгою, и несомнѣнно съ давнихъ

(8) П. С. Савельевъ —„Мухаммеданская Нумизматика“. С.П.Б. 1846 г. Хвольсонъ—„Извѣстія о Славянахъ и Руссахъ Ибнъ-Даста“. С.П.Б. 1869 г.

(9) Графъ И. И. Толстой и Н. Кондаковъ. „Русскія Древности“. Выпускъ III-й, С.П.Б. 1890 г., стран. 72-ая.

(10) Извѣстія Император. Археол. Общества. Томъ VI, отдѣлъ 2-й, стр. 81-я.

временъ,—посредственно или непосредственно, пользовались этимъ свободнымъ и легкимъ путемъ къ востоку для торговыхъ цѣлей. Въ настоящей статьѣ мы ограничиваемся только краткимъ обзоромъ торговыхъ сношеній древней Руси съ востокомъ и не касаемся торговли съ Византіею и западною Европою, какъ не имѣющей прямого отношенія къ содержанію статьи.

По поводу значенія Волги и Оки для сношеній сѣверо-восточной Европы съ Азіею И. Е. Забѣлинъ пишетъ: „Отсюда ему (сѣверному Славянству) открывалась новая дорога прямо на Востокъ, по руслу Волги. Естественно, что и по этой дорогѣ Русское Славянство начало свои пути тоже въ очень отдаленное время. Оно двигалось по этому пути и сверху, изъ Лѣса Волховъ, или Волоковъ, и съ южнаго бока отъ Днѣпровской Десны прямо по Окѣ, стало быть прямо къ средней Волгѣ"... „Какъ бы ни было, но русло Волги и русло Оки съ незапамятныхъ временъ сдѣлалось поприщемъ для Славянской предпріимчивости, пробивавшейся по этой широкой дорогѣ дальше къ Востоку. Въ началѣ нашей Исторіи Руссы были уже свои люди въ Волжской Болгаріи, близъ устья Камы; были свои люди и въ далекой Астрахани, въ устьяхъ Волги, на Каспійскомъ морѣ" ([11]).

Арабскіе писатели X и XI столѣтій, за исключеніемъ Ибнъ Хордадбе ([12]), почти ничего не говорятъ о непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ славянъ съ Восточнымъ Халифатомъ и Мавераннегромъ; но неоднократно упоминаютъ о ежегодныхъ пріѣздахъ славянъ съ товарами въ города Итиль и Булгаръ. Въ Итилѣ (столицѣ Хазаръ при устьѣ Волги) славяне останавливались въ восточной торговой части города, имѣли здѣсь амбары для склада товаровъ и проживали въ городѣ по нѣсколько недѣль, до окончанія своихъ торговыхъ оборотовъ. Каждую весну сюда приходили караваны арабскихъ купцовъ изъ Мавераннегра, и по Каспію приплывали корабли съ товарами изъ Прикаспійскихъ областей Восточнаго Халифата. Подобное же ежегодное стеченіе арабовъ, славянъ и другихъ народовъ было и въ городѣ Булгарѣ (столицѣ Волжскихъ Булгаръ), лежавшемъ верстъ на 125 ниже нынѣшней Казани. Здѣсь русскіе купцы также имѣли свои временныя жилища, въ которыхъ помѣщались во время торговаго періода, начинавшагося съ мая мѣсяца.

Десять вѣковъ тому назадъ въ Итилѣ и Булгарѣ совершался тотъ же обмѣнъ товаровъ и тоже сближеніе сѣверо-восточной Европы съ Азіею, какое мы видимъ и теперь въ Астрахани и Нижнемъ-Новгородѣ.

Предметами вывозаизъ древне русскихъ областей, какъ извѣстно, были шкурки пушныхъ звѣрей, которыя составляли главную статью отпуска. Арабы особенно высоко цѣнили шкурки чернобурыхъ лисицъ, соболей, бобровъ, куницъ; а также въ большомъ количествѣ шли на востокъ и менѣе цѣнныя шкурки красной и пестрой лисицъ, выдры, бѣлки и горностая. Кромѣ пушнаго товара славяне сбывали на востокъ выдѣланныя и сырыя кожи, моржовыя зубы, мамонтову кость, воскъ, медъ, рогожи, циновки, рабовъ и рабынь. Изъ Азіи получались золотыя, серебряныя и бронзовыя украшенія, бисеръ, разнородныя бусы, шелковыя и бумажныя ткани, цвѣтные камни, пряности, вино и булатные клинки.

Отпускъ славянскихъ товаровъ въ Азію значительно превосходилъ привозъ восточныхъ товаровъ въ Россію. Славянскія, финскія и чудскія племена, населявшія Русь еще не были знакомы съ роскошью и удовлетворяли свои главныя потребности предметами мѣстнаго производства, тогда какъ роскошь Восточнаго Халифата съ VIII-го столѣтія прогрессивно увеличивалась и расширялась нетолько въ высшихъ и богатыхъ классахъ общества, но и среди обезпеченныхъ, зажиточныхъ слоевъ населенія; вмѣстѣ съ роскошью развивалась мода на цѣнную мѣховую одежду. Въ IX-мъ и X-мъ столѣтіяхъ какъ въ Азіатскомъ, такъ въ Африканскихъ и Испанскомъ халифатахъ мѣховыя отдѣлки одежды, почетныя шубы, шапки и простая верхняя мѣховая одежда распространились по всему мусульманскому міру. Ежегодно требовалось огромное количество шкурокъ и древняя Русь снабжала арабовъ пушнымъ товаромъ, вмѣстѣ съ другими предметами своего отпуска.

При торговыхъ сношеніяхъ съ востокомъ перевѣсъ отпуска былъ постоянно на сторонѣ племенъ древней Руси: арабамъ ежегодно приходилось дѣлать крупныя доплаты серебряною монетою и отчасти серебряными слитками для уравненія торговаго баланса. Торговля сѣверной и средней Руси съ востокомъ росла и расширялась. Притокъ монеты и серебра изъ Азіи на Русь постепенно увеличивался. Въ концѣ VIII-го столѣтія онъ былъ уже такъ значителенъ и постояненъ, что монеты и серебра въ слиткахъ доставало не только на общественныя нужды, торговыя обороты и частный обиходъ племенъ, заселявшихъ древнюю Русь, но, при скромности потребностей и привычекъ населенія, являлась возможность дѣлать сбереженія. У нашихъ предковъ не было банковъ и иныхъ учрежденій, куда можно было бы сдавать деньги и драгоцѣнности на храненіе, не было еще у нихъ и каменныхъ храмовъ, которые позднѣе служили мѣстомъ храненія дорогого имущества прихо-

---

([11]) И. Е. Забѣлинъ—„Исторія Русской Жизни". Томъ I, стр. 30 и 31-я.

([12]) „Русскіе купцы—они же суть племя изъ славянъ—вывозятъ мѣха бобровые, мѣха черныхъ лисицъ и мечи изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Черному морю, за что царь Ромейскій (византійскій) беретъ съ нихъ десятину (пошлину). А если желаютъ, то ходятъ на корабляхъ по рѣкѣ Славоніи (Волга), проходятъ по заливу Хозарской столицы, гдѣ ея владѣтель беретъ съ нихъ тоже десятину. Затѣмъ они ходятъ къ морю Джурджана (къ юго-восточнымъ берегамъ Каспія) и выходятъ на любой имъ берегъ... Иногда же они привозятъ свои товары на верблюдахъ въ Багдадъ". Исторія Русской Жизни. Томъ I, стран. 444 и.

жавъ; между тѣмъ—войны, народныя смуты, похищенія, пожары случались—нужно было припрятывать денежныя сбереженія и цѣнныя вещи въ безопасныя мѣста. Такимъ мѣстомъ была земля. Въ нее то наши предки и зарывали свое добро, свои деньги. На Руси привычка прятать въ землю свои денежныя сбереженія сохранялась многіе вѣка, вплоть до исчезновенія изъ обращенія серебряной и золотой монеты. Еще въ половинѣ XIX-го столѣтія наши крестьяне хранили въ землѣ рублевики, полтины и даже серебряную мелочь. Въ Рязанской губерніи рѣдкій годъ не находятъ кладовъ, которые состоятъ исключительно изъ однихъ мѣдныхъ монетъ. Въ одномъ изъ подобныхъ кладовъ оказались мѣдныя монеты Александра I и первыхъ лѣтъ царствованія Николая I-го. Поэтому можно судить какъ крѣпко держатся въ народѣ привычки, унаслѣдованныя отъ предковъ. Не говоря уже о значительномъ для крестьянина капиталѣ, даже ничтожную сумму денегъ, состоявшую изъ полусотни грошей и пятаковъ,—все-таки прячутъ въ землю.

Наши предки, начиная съ конца VIII-го столѣтія, оставили въ землѣ въ наслѣдство потомству послѣдующихъ вѣковъ огромное количество своихъ капиталовъ и небольшихъ сбереженій. Множество открытыхъ кладовъ, сравнительно—въ короткій промежутокъ времени, вполнѣ убѣждаетъ насъ, что древняя Русь въ IX, X и XI вѣкѣ была богата драгоцѣнными металлами въ монетѣ, слиткахъ и украшеніяхъ. Само собою понятно, что не вся монета, серебряныя слитки и украшенія, бывшія въ рукахъ нашихъ предковъ, были запрятаны въ землю. Значительная часть монеты и благородныхъ металловъ, вѣроятно, вывозилась за предѣлы Руси, въ видѣ дани, напримѣръ Хазарамъ и Варягамъ, за наемъ иноземныхъ дружинъ, за привозные товары; много того и другаго утрачивалось при пожарахъ и другихъ несчастныхъ случайностяхъ, въ родѣ потопленій, ограбленій иноземцами и прочая. Потомъ, многія драгоцѣнности переходили изъ рода въ родъ цѣлые вѣка и уходили изъ Россіи или уничтожались въ болѣе позднія эпохи. Нужно также помнить, что намъ извѣстна только небольшая часть открытыхъ въ нынѣшнемъ столѣтіи монетныхъ и иныхъ находокъ, которыя въ свою очередь представляютъ ничтожную величину по сравненію съ общей массой зарытыхъ въ землю кладовъ въ теченіе VIII-го, IX-го, X-го и первой половины XI-го столѣтія. Можно думать, что сѣверная и средняя Русь никогда, ни раньше, ни позднѣе не была такъ богата серебромъ, какъ въ періодъ съ конца VIII-го до половины XI ст. Принявши въ соображеніе все это, въ нашемъ умѣ возникаетъ грандіозное представленіе о количествѣ монеты и серебра, перешедшихъ изъ Азіи въ Россію въ теченіе трехъ столѣтій—VIII-го, IX-го и X-го. Источникомъ этихъ богатствъ мы считаемъ главнымъ образомъ Азію, потому что содержаніе кладовъ, относящихся къ обозначенному періоду, состоитъ преимущественно изъ арабской монеты, серебряныхъ и золотыхъ украшеній восточнаго происхожденія. Въ средней и сѣверной Россіи не открывались значительные клады римскихъ, византійскихъ и западно-европейскихъ монетъ или, по крайней мѣрѣ, они не извѣстны намъ. Западно-европейскія монеты попадаются только въ кладахъ начала XI-го столѣтія. Правда, случались и случаются единичныя находки римскихъ и древне-византійскихъ монетъ, но число ихъ такъ незначительно, что, на основаніи однихъ этихъ находокъ, нельзя построить никакихъ правильныхъ заключеній: онѣ могли быть дѣломъ простого случая. Мнѣ нерѣдко приходилось встрѣчать мѣдныя римскія и византійскія монеты между старою монетою, вынутою изъ церковныхъ кружекъ. На первый взглядъ такое появленіе въ кружкахъ римской и византійской монеты, среди старыхъ русскихъ денежекъ и грошей можетъ показаться страннымъ; но оно легко объясняется частыми походами русскихъ солдатъ въ Европейскую и Азіатскую Турцію, откуда они приносили въ Россію, вмѣстѣ съ ходячими турецкими деньгами, римскія и византійскія монеты.

Южная и юго-западная Русь была богата серебромъ и золотомъ и въ болѣе раннюю эпоху: многочисленные клады римской и византійской монеты, находимой одновременно съ арабскими, свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ.

Большіе приливы изъ Азіи серебра въ монетѣ, слиткахъ и украшеніяхъ въ среднюю и сѣверную Россію объясняются съ одной стороны давностью и постоянствомъ торговыхъ сношеній съ востокомъ и,—о чемъ выше было уже упомянуто,—скромностью привычекъ и потребностей населенія древней Руси, а съ другой стороны обширностью торговыхъ оборотовъ. Широкіе размѣры торговли поддерживались значительнымъ и повсемѣстнымъ развитіемъ промысловъ, во главѣ которыхъ стояло звѣроловство. Русь искони была богата цѣннымъ пушнымъ звѣремъ: здѣсь водились бобры, выдры, чернобурыя, красныя и пестрыя лисицы, соболь, куницы, голубыя и рыжеватыя бѣлки, горностай и другіе. Что соболь и куница водились у насъ одновременно и нисколько не мѣшали другъ другу, объ этомъ сохранились извѣстія въ нашихъ письменныхъ памятникахъ; да и въ настоящее время объ этомъ можно получить подтвержденія отъ охотниковъ старожиловъ Тульской и Рязанской губерній. Старые охотники, заслуживающіе полнаго довѣрія, передавали мнѣ, что въ прошломъ столѣтіи въ лѣсахъ Веневскаго, Каширскаго и Зарайскаго уѣздовъ нерѣдко попадались соболь, куница и даже встрѣчались чернобурыя лисицы; въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, на ихъ памяти, въ лѣсахъ близъ села Аксиньина были убиты соболь, двѣ куницы и одна чернобурая лисица. Если эти цѣнные звѣрки въ ничтожномъ числѣ удержались въ здѣшнихъ

мѣстахъ до начала XIX-го столѣтія, то какое же количество ихъ водилось тутъ, да и по всей средней, сѣверной и сѣверо-восточной Руси въ VIII-мъ, IX-мъ и X-мъ столѣтіяхъ. (13). Даже теперь куницы и бѣлки попадаются въ сѣверныхъ уѣздахъ Тульской и Рязанской губерній. Несомнѣнно также и то, что въ сѣверной части Рязанской губерніи и прилегающей къ ней уѣздахъ Московской и Владимірской губерній, изобилующихъ озерами, въ старину водились бобры и выдры. Озера и болота этой мѣстности, не смотря на свою значительность по размѣрамъ и числу, въ настоящее время не представляютъ и слабой тѣни того, чѣмъ они были здѣсь одиннадцать вѣковъ тому назадъ.

Разсыпанные по всей Европейской Россіи клады съ арабскими монетами наглядно убѣждаютъ насъ въ продолжительности, постоянствѣ и обширности торговыхъ сношеній древней Руси съ востокомъ. Конечно русскіе товары шли не въ одну Азію, они также отправлялись въ Византію и черезъ Новгородъ и Волинъ, при участіи въ торговлѣ Поморскихъ Славянъ и Варяговъ, въ западную Европу и даже Африку. Но преобладаніе въ сношеніяхъ и размѣрѣ торговыхъ оборотовъ оставались за востокомъ: туда направлялась большая часть русскихъ товаровъ. Для средней, сѣверной и сѣверо-восточной Руси, востокъ былъ главнымъ и постояннымъ мѣстомъ сбыта нашихъ продуктовъ и производствъ съ конца VII-го и до начала XI-го столѣтія. Благодаря уже однимъ торговымъ сношеніямъ съ Азіею, Русь располагала большимъ количествомъ серебра въ восточной монетѣ, слиткахъ и изтѣліяхъ. Нѣкоторую, безъ сомнѣнія весьма малую, часть ея богатствъ мы имѣемъ передъ глазами въ видѣ кладовъ съ куфическими монетами и украшеніями.

Первый нашъ изслѣдователь кладовъ съ арабскими монетами, Х. М. Френъ, приписывая происхожденіе ихъ главнымъ образомъ торговлѣ славянскихъ и финскихъ племенъ съ востокомъ, относитъ часть этихъ находокъ къ грабительскимъ набѣгамъ, которые въ X столѣтіи предпринимали Руссы на южные и западные берега Каспійскаго моря. Нахожденіе же въ нашихъ кладахъ африканскихъ и испанскихъ диргемовъ Х. М. Френъ приписываетъ Норманнамъ, которые неоднократно грабили Испанію и Африку въ IX столѣтіи, и будто бы принесли эти монеты съ собою въ Россію; прочно основавшись на Руси, Норманны оставили африканскіе и испанскіе диргемы въ своемъ новомъ отечествѣ. (14). Оспаривать два послѣднія мнѣнія знаменитаго ученаго нахожу излишнимъ: онѣ явились въ трудахъ Х. М. Френа, какъ неизбѣжное слѣдствіе существовавшихъ въ то время увлеченій норманскою теоріею. Не одинъ Х. М. Френъ увлекался норманнами, у него было много предшественниковъ (Байеръ, Миллеръ, Шлецеръ) и оказалось немало послѣдователей въ средѣ русскихъ ученыхъ, которые въ этомъ отношеніи иногда заходили дальше своихъ знаменитыхъ учителей, и до призванія князей смотрѣли на древнюю Русь,—по мѣткому выраженію И. Е. Забѣлина, какъ на пустое мѣсто; и только съ появленіемъ Варяжскихъ князей на Руси рѣшались признать въ ней зачатки гражданственности и начало культурнаго развитія, какъ будто призванные князья обладали волшебнымъ жезломъ, мановеніемъ котораго изъ ничего создавалось все.

Африканскіе и испанскіе диргемы, точно также какъ и азіатскіе, появились на Руси путемъ торговыхъ сношеній. Вопросъ же о томъ-черезъ кого они получились—отъ азіатскихъ ли арабовъ, поморскихъ-ли славянъ или варяговъ,—не представляетъ въ настоящемъ случаѣ особенной важности. Африканскіе и испанскіе диргемы встрѣчались во многихъ кладахъ, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, между прочимъ въ Тульской губерніи въ Крапивенскомъ уѣздѣ и въ городѣ Бѣлевѣ; объясняя нахожденіе этихъ монетъ появленіемъ норманновъ на Руси въ IX вѣкѣ, неизбѣжно пришлось бы допустить другое уже совсѣмъ невѣроятное предположеніе, что наплывъ норманновъ былъ такъ многочисленъ, что ихъ было достаточно для разселенія по всѣмъ областямъ древней Руси, въ которыхъ они и зарыли въ землю вынесенные изъ Скандинавіи капиталы. Между тѣмъ памятники IX и начала X-го вѣка, открытые въ кладахъ и могильникахъ Окскаго и средне Волжскаго бассейновъ, да и во многихъ другихъ мѣстахъ средней Россіи, не представляютъ достовѣрныхъ и безспорныхъ указаній на пребываніе норманновъ въ этихъ мѣстностяхъ въ IX и началѣ X-го столѣтій.

Нашъ извѣстный историкъ, покойный С. М. Соловьевъ, также отчасти касался вопроса объ арабскихъ кладахъ и высказалъ мнѣніе, что

(13) С. А. Усовъ, въ статьѣ—„Замѣтка о древне-русскихъ деньгахъ", помѣщенной во II-мъ выпускѣ XI тома Древностей, приводитъ мнѣніе К. М. Бэра, который не допускаетъ совмѣстнаго и одновременнаго распространенія соболя и куницы. К. М Бэръ говоритъ: „соболь по крайней мѣрѣ теперь, исключительно принадлежитъ Сибири,—объ этомъ едва-ли нужно упоминать. Напротивъ, вообще тамъ нѣтъ куницы. Эти животныя исключаютъ другъ друга. Только на Уралѣ, западномъ Алтаѣ и вообще на границахъ Сибири встрѣчаются соболь и куница вмѣстѣ. Болѣе древніе источники утверждаютъ, что онъ нѣкогда водился въ сѣверной части европейской Россіи и даже въ Лапландіи. Но замѣчаемое теперь взаимное исключеніе соболя и куницы не позволяетъ довѣрчиво относиться къ такимъ извѣстіямъ.» К. М. Бэръ допускаетъ совмѣстное распространеніе соболя и куницы на Уралѣ, Алтаѣ и границахъ Сибири, почему же нельзя допустить, что они одновременно водились въ средней, сѣверной и сѣверо-восточной Руси въ VII, VIII, IX и X столѣтіяхъ. За тысячу лѣтъ мѣстныя условія на Руси такъ измѣнились, что по настоящему нельзя судить о давно-прошедшемъ. Что же касается свѣдѣній нашихъ древнихъ письменныхъ памятниковъ о соболяхъ, то сомнѣваться въ ихъ полной достовѣрности мы не имѣемъ никакого основанія.

(14) П. С. Савельевъ—«Мухаммеданская Нумизматика», стр. XLIV и съ 3-ей до 16-ой.

распространеніе ихъ на Руси является результатомъ торговыхъ сношеній съ востокомъ; между прочимъ С. М. Соловьевъ говорилъ: «никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятъ куфическія монеты, напримѣръ X-го вѣка, могли зайти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однихъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси» ([15]).

Что арабская монета была въ обращеніи на Руси и нѣкоторые диргемы могли долгое время переходить изъ рукъ въ руки, а также и изъ рода въ родъ, служа нашимъ предкамъ ходячею монетою,—это несомнѣнно; но чтобы значительные клады арабской монеты, открываемые на Руси, накоплялись въ теченіе многихъ вѣковъ,—съ этимъ мнѣніемъ нашего почтеннаго историка нельзя согласиться,—помимо всѣхъ другихъ соображеній, уже только потому, что самыя монетныя находки наглядно противорѣчатъ подобному предположенію. Во многихъ извѣстныхъ и богатыхъ кладахъ IX-го и X-го вѣка большая часть монетъ хорошей сохранности. Эта сохранность ясно указываетъ на то, что монеты, по выпускѣ ихъ съ монетнаго двора, были въ обращеніи не продолжительное время. Монеты, побывавшія въ рукахъ нетолько нѣсколько вѣковъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ, настолько сглаживаются, теряютъ отчетливость надписей и свой первоначальный наружный видъ, что, при одномъ взглядѣ на нихъ, можно составить приблизительно вѣрное понятіе о времени ихъ обращенія. Затѣмъ, если бы значительные клады накоплялись многими вѣками, то между древнѣйшими и новыми монетами этихъ кладовъ оказались бы промежутки между ихъ чеканомъ въ нѣсколько столѣтій. Ничего подобнаго въ кладахъ съ куфическими монетами,—найденныхъ въ Европейской Россіи до настоящаго времени,—не замѣчается. Обыкновенно разница во времени чекана монетъ, составлявшихъ извѣстные намъ клады, изрѣдка превышаетъ одно столѣтіе; въ большинствѣ же монетныхъ находокъ не превосходитъ 70,-и—80-и лѣтъ. Графъ Ив. Ив. Толстой въ своемъ капитальномъ трудѣ,—«Древнѣйшія Русскія монеты Вел. Княжества Кіевскаго»,—на страницѣ 156-й пишетъ: «Почти во всѣхъ кладахъ замѣчаются слѣдующія неизмѣнныя явленія: 1) Разстояніе времени между годомъ чекана древнѣйшей монеты въ кладѣ и новѣйшей бываетъ сравнительно невелико (рѣдко болѣе 60-и, 70-и лѣтъ) 2.) Число новѣйшихъ монетъ больше и онѣ принадлежатъ или той странѣ, гдѣ зарытъ кладъ, или ближайшимъ съ ней, тогда какъ болѣе древнія монеты принадлежатъ странамъ болѣе отдаленнымъ; конечно отдѣльныя монеты въ кладѣ будутъ всегда составлять исключеніе изъ этого общаго правила, но, тѣмъ не менѣе, для всей массы оно окажется вѣрнымъ.»

Между кладами, найденными въ Европейской Россіи за текущее столѣтіе, очень мало крупныхъ. Извѣстны только два богатыхъ клада—Великолуцкій, открытый въ Псковской губерніи, близъ города Великія-Луки, на берегу рѣки Ловати въ 1802 году, ([16]) и Муромскій, найденный во Владимірской губерніи, въ городѣ Муромѣ въ 1868 году. ([17]) Вѣсъ перваго клада былъ свыше семи пудовъ, вѣсъ второго—свыше двухъ пудовъ. О другихъ же крупныхъ кладахъ съ куфическими монетами,—Ладожскомъ, Могилевскомъ и Кіевскомъ имѣются только неполныя свѣдѣнія: Могилевскій кладъ, ([18]) состоявшій изъ арабскихъ монетъ VIII-го и начала IX-го столѣтія и частію изъ Испегбедіевъ, ([19]) неизвѣстно гдѣ и при какихъ условіяхъ найденъ; Ладожскій кладъ, открытый на берегу Ладожскаго озера, верстахъ въ двѣнадцати отъ устья рѣки Волхова въ 1809 или въ 1810 году, ([20]) какъ кажется, былъ самымъ большимъ изъ до селѣ извѣстныхъ кладовъ,—неизвѣстно какого времени содержалъ монеты. Кіевскій кладъ, найденный въ 1706 году во время постройки новой Печорской крѣпости,—тоже неизвѣстно изъ какихъ арабскихъ монетъ состоялъ ([21]). Клады: Великолуцкій, Могилевскій и Муромскій, по чекану содержащихся въ нихъ монетъ, относятся къ X-му столѣтію.

Древнѣйшіе изъ извѣстныхъ арабскихъ кладовъ состоятъ, сравнительно съ болѣе поздними кладами, изъ небольшого количества одной монеты или, вмѣстѣ съ монетою, въ нихъ находятъ слитки серебра (прутики) и украшенія. Малочисленность крупныхъ монетныхъ находокъ,—никто не знаетъ сколько ихъ было найдено въ предшествовавшіе вѣка,—нисколько не умаляетъ значенія и размѣровъ торговли съ востокомъ въ VIII, IX и X столѣтіяхъ.

Дѣйствительно,—клады невелики, но ихъ очень много и они довольно густо разсыпаны въ нѣкоторыхъ пунктахъ древне русскихъ областей и преимущественно близъ береговъ рѣкъ, которыя служили нашимъ предкамъ торговыми путями. Малый вѣсъ огромнаго большинства кладовъ,

([15]) С. М. Соловьевъ—«Исторія Россіи».—Москва, 1851 г. томъ I, стр. 252-ая.

([16]) П. С. Савельевъ—«Мухаммеданская Нумизматика». Стран. 22-ая.

([17]) Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ—«Монеты Восточнаго Халифата.» Стр XXXIV-ая.

([18]) П. С. Савельевъ—«Мухам. Нумизм.». Стран. 25-ая

([19]) Х. М. Френъ такъ называетъ монеты мелкихъ царскихъ князей, которые утвердились въ Мазандеранѣ и сопредѣльныхъ прикаспійскихъ областяхъ, послѣ покоренія арабами персіи и паденія династіи Сассанидовъ.

([20]) П. С. Савельевъ—«Мухаммед. Нумизм.». Стр. 35-ая.

([21]) Н. Бѣляшевскій—«Монетные клады Кіевской губерніи». Кіевъ, 1889 года, стр. 7-ая.

по моему мнѣнію, указываетъ только на то, что промыслы были широко распространены между славянскими и финскими племенами, (послѣдніе, повидимому, занимались главнымъ образомъ звѣроловствомъ), заселявшими обширную площадь русской равнины, и большая часть населенія принимала непосредственное участіе въ нихъ, и имѣло возможность сберегать часть своихъ заработковъ про черный день. Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ участіи большинства населенія въ промыслахъ и сбытѣ продуктовъ промысловъ и производствъ, мною названы торговыя сношенія древней Руси съ востокомъ обширными. Понятно заработки одного промышленника или даже цѣлой семьи не были настолько велики, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, откладывая избытки за удовлетвореніемъ личныхъ или семейныхъ нуждъ,—можно было собрать значительный капиталъ. Сбереженія нашихъ предковъ, находимыя въ кладахъ, на самомъ дѣлѣ оказываются, въ большинствѣ случаевъ, довольно скромными: полфунта монеты, фунтъ, рѣже-полтора и еще рѣже—свыше двухъ, трехъ фунтовъ. При оцѣнкѣ стоимости этихъ находокъ, нужно помнить, что въ то отдаленное время цѣнность серебра, по отношенію къ главнымъ предметамъ потребленія, была вѣроятно, въ пять, шесть разъ,—если только не болѣе,—выше теперешней.

Отсутствіе богатыхъ монетныхъ находокъ между древнѣйшими кладами даетъ намъ поводъ предполагать, что въ концѣ VIII-го, въ IX и началѣ X-го столѣтія въ средней и сѣверной Руси еще не появлялись крупные торговцы и капиталисты, или ихъ было очень немного. Вѣроятно внѣшняя торговля, по крайней мѣрѣ въ Окскомъ и средне-Волжскомъ бассейнахъ, была вначалѣ въ рукахъ Булгаръ, которые, какъ извѣстно, служили дѣятельными посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Восточнаго Халифата съ сѣверо-восточною Европою; булгарскіе купцы свободно плавали вверхъ по Волгѣ въ страну Веси и по рѣкѣ Окѣ для продажи своихъ и арабскихъ товаровъ, а также для скупки пушнаго товара и другихъ мѣстныхъ продуктовъ Волжской и Окской Руси. Плаваніе Булгаръ по Волгѣ и Окѣ съ торговыми цѣлями, повидимому, не мѣшало славянамъ ежегодно отправляться съ своими товарами въ Булгаръ и Итиль. Здѣсь славяне имѣли возможность вести непосредственные торговые обороты съ арабскими купцами.

Десятое столѣтіе оставило намъ нѣсколько очень большихъ кладовъ, найденныхъ въ мѣстахъ, которыя несомнѣнно служили въ то время торговыми центрами. Въ бойкихъ торговыхъ пунктахъ въ X вѣкѣ могли появиться богатые торговцы и капиталисты, которые лично уже не занимались промыслами и были только предпринимателями, скупщиками или посредниками между дѣйствительными промышленниками и иноземными или соплеменными покупателями. Крупныхъ монетныхъ находокъ сдѣлано мало и, если принять во вниманіе только извѣстные намъ большіе клады, то можно заключать, что древняя средняя и сѣверная Русь была небогата крупными торговыми капиталистами и что между трудомъ и пользованіемъ результатами труда было еще мало посредниковъ. Въ этомъ явленіи, если только мы вѣрно понимаемъ его, можно видѣть скорѣе отрадную, чѣмъ печальную сторону древне-русской жизни.

И такъ многочисленныя находки кладовъ съ куфическими монетами служатъ очевиднымъ и неоспоримымъ доказательствомъ торговыхъ сношеній древней Руси съ востокомъ, которыя начались задолго до призванія Варяжскихъ князей. Древняя Русь была обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ дѣятельной предпріимчивости и скромности потребностей своего населенія и давнишнимъ торговымъ связямъ съ иноземцами.

Тульская и Рязанская губерніи богаты кладами съ арабскими монетами; это обстоятельство даетъ намъ право утверждать, что племена, заселявшія Окскій бассейнъ, принимали живое и постоянное участіе въ торговыхъ сношеніяхъ съ востокомъ, начиная съ VIII-го вѣка и до временнаго прекращенія ихъ въ самомъ началѣ XI-го. Этотъ трехвѣковой періодъ торговли древней Руси съ арабами весьма опредѣленно обозначается временемъ чекана найденныхъ въ кладахъ диргемовъ. Но по монетнымъ датамъ отнюдь нельзя заключать, что сношенія сѣверной, средней и сѣверо-восточной Руси съ Азіею начались только съ VIII-го столѣтія. Выше были приведены указанія на существующіе признаки, которые даютъ нѣкоторое основаніе отодвинуть начало торговыхъ сношеній племенъ Волжскаго и Окскаго бассейновъ съ востокомъ на одно или два столѣтія, т. е. къ концу V-го или къ VI-му вѣку.

Вотъ первое и самое важное значеніе кладовъ съ арабскими монетами, какъ для Тульской и Рязанской губерній, такъ и для всѣхъ сосѣднихъ съ ними, а равно и для всѣхъ древне-русскихъ областей, гдѣ въ значительномъ количествѣ находили и находятъ клады съ куфическими монетами.

II.

Какъ простое слѣдствіе всего вышеизложеннаго возникаетъ вопросъ—чѣмъ же эти массы монеты, въ теченіе трехъ столѣтій непрерывно притекавшія изъ Азіи въ Россію,—служили нашимъ предкамъ. Простымъ ли запасомъ серебра, какъ товара, полученнаго отъ арабовъ или булгаровъ за русскіе товары и предназначавшагося нашими предками для обмѣна при внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ оборотахъ и частію потреблявшагося на украшенія, или арабская монета выполняла въ древне-русской

вую кожаную монету, т. е. съ новыми клеймами». Почему новыя куны, выдаваемыя какимъ-то Домажиричемъ должны быть непремѣнно кожаными, а не металлическими монетами новаго выпуска, быть можетъ, другого достоинства по качеству металла или по вѣсу,—Карамзинъ ничего не говоритъ.

Затѣмъ слѣдуютъ ссылки на иностранныхъ писателей Герберштейна, Гваньини и Рубруквиса; о послѣднемъ Карамзинъ такъ выражается: «Наконецъ самое важнѣйшее свидѣтельство о нашихъ древнихъ кожаныхъ деньгахъ есть извѣстіе монаха Рубруквиса, бывшаго въ Россіи около 1253 года: (см. въ Бержер. Uoyag. I, Uoyage de Rubruquis, 91)». Герберштейнъ, бывшій въ Россіи въ началѣ XVI-го вѣка, писалъ, что русскіе ввели металлическую монету лѣтъ сто тому назадъ и ранѣе употребляли вмѣсто денегъ головки и ушки векшъ и другихъ животныхъ. Вѣроятно Герберштейнъ, слушая разсказы о древне-русскихъ деньгахъ, былъ введенъ въ заблужденіе названіями древней русской монеты и, по сходству ихъ съ названіями частей звѣриныхъ шкурокъ, принялъ послѣднія за древне-русскія ходячія деньги. Гваньини же говорилъ о цѣлыхъ шкуркахъ бѣлокъ и другихъ животныхъ, обращавшихся на Руси вмѣсто денегъ прежде, чѣмъ началось употребленіе металлической монеты. Впрочемъ, звѣриныя шкурки иногда замѣняли деньги и при существованіи металлической монеты какъ общеупотребительный товаръ, имѣвшій постоянный спросъ и вѣрный сбытъ; но это обстоятельство не имѣетъ ничего общаго съ кожаными деньгами.

Другіе иностранцы,—напримѣръ Контарини, посѣтившій Россію въ 1475 году, ничего не говоритъ о кожаныхъ деньгахъ, а цѣну вещей опредѣляетъ на золото и серебро; о мѣхахъ же говоритъ какъ о предметѣ торговли.

Кампензе, бывшій въ Россіи въ XVI-мъ вѣкѣ, писалъ что Московія весьма богата монетою ([25]).

Что же касается свидѣтельства Рубруквиса, то, по поводу его словъ о кожаныхъ деньгахъ, вотъ что пишетъ П. Н. Дроздовскій: «Сторонники кожаныхъ денегъ обыкновенно приводятъ въ подтвержденіе своихъ словъ свидѣтельства иностранцевъ о Россіи; преимущественно же ссылаются на слова Рубруквиса, который будто-бы говоритъ, что русская монета состоитъ изъ маленькихъ кусочковъ раскрашенной кожи (petites pie'ces de cuir marquete'es de couleurs). Но если читать это свидѣтельство въ связи съ предшествующими словами, то окажется, что Рубруквисъ вовсе не говоритъ о русской монетѣ, онъ говоритъ о монетѣ татарской, которая, по повелѣнію хана, должна была имѣть курсъ въ Россіи, и описываетъ внѣшній видъ ханскихъ монетъ, обязательныхъ для различныхъ странъ, находившихся подъ татарскимъ игомъ. Эти монеты были снабжены надписями, дѣлавшимися для каждаго изъ подвластныхъ народовъ на его языкѣ; для Россіи надпись замѣнялась разноцвѣтной окраской кусочковъ, которые и по величинѣ отличались отъ всякой другой монеты, ходившей въ татарскихъ владѣніяхъ. Таковъ смыслъ свидѣтельства Рубруквиса. Здѣсь дѣло въ томъ, что подданныхана, находясь въ Россіи, также хану подвластной, за все платили такими пестрыми кожаными монетами, и Русскіе были обязаны принимать ихъ вмѣсто серебра и золота».

«Такимъ образомъ, извѣстно, что въ Монголію обращались не металлическія деньги; эти деньги обязательно принимались во всѣхъ странахъ, подвластныхъ хану, но, само собою разумѣется, что это ничуть не мѣшало существованію мѣстныхъ денежныхъ системъ, отличныхъ отъ обще-татарской. Слѣдственно, если разноцвѣтные кожаные лоскутки были обязательно принимаемы на русскомъ рынкѣ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы они уничтожили старинныя русскія металлическія куны; тѣмъ менѣе можно, на основаніи свидѣтельства Рубруквиса, утверждать, что эти кожаныя монеты были русскія: онѣ были выдѣлываемы по повелѣнію хана для торговли на русскихъ рынкахъ съ тою цѣлью, чтобы благородные металлы не вывозились за предѣлы собственно Монголіи и Золотой Орды и не переходили бы въ руки русскихъ купцовъ. Это изобрѣтеніе татарское, а не русское» ([26]).

Въ заключеніе Карамзинъ описываетъ кожаные лоскутки, которые ему пришлось видѣть: «Въ дѣвичьемъ Александровскомъ монастырѣ, въ Владимірской губерніи, еще недавно хранились въ боченкѣ, вмѣстѣ съ другими старинными вещами, многіе кожаные лоскутки, внесенные въ опись монастырскую подъ именемъ кожаныхъ денегъ: я съ любопытствомъ разсматривалъ оные».

На небольшихъ кожаныхъ лоскуткахъ, имѣющихъ видъ четыреугольныхъ прямоугольниковъ, были изображенія крючка или звѣздочки; на одномъ было напечатано слово—«куна».

Происхожденіе кожанныхъ лоскутковъ, которые видѣлъ Карамзинъ въ монастырѣ, вѣроятно, относится къ XVII столѣтію, когда на Руси былъ большой недостатокъ въ мелкой размѣнной монетѣ. Нѣкоторые монастыри, въ то время, также могли испытывать недостатокъ въ мелкихъ деньгахъ и, при разсчетахъ за разныя работы своихъ и сосѣднихъ крестьянъ, могли выдавать вмѣсто денегъ кожаные лоскутки съ своими мѣтками. Эти лоскутки снова возвращались въ монастырскую казну въ видѣ уплаты оброковъ и другихъ повинностей, которые крестьяне были обязаны выполнять за

([25]) П. С. Казанскій.—„Изслѣдованіе о древне русской монетной системѣ". Записки Император. Археолог. Общества. Томъ III, стр. 155-ая.

([26]) П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій.—„Изслѣдованія о Русской Правдѣ." Выпускъ I. стран. 48, 49 и 50-ая

нія и распространенія этихъ знаковъ на Руси, ни о прекращеніи ихъ обращенія.

Нашъ знаменитый историкъ—Карамзинъ пишетъ: «Народъ торговый не можетъ обойтись безъ денегъ, или знаковъ, представляющихъ цѣну вещей. Но деньги не всегда бываютъ металломъ: донынѣ, вмѣсто ихъ жители Мальдивскихъ острововъ употребляютъ раковины. Такъ и Славяне Россійскіе цѣнили сперва вещи не монетами, а шкурами звѣрей, куницъ и бѣлокъ: слово куны означало деньги. Скоро неудобность носить съ собою цѣлыя шкуры для купли подала мысль замѣнить оныя мордками и другими лоскутами, куньими и бѣльими. Надобно думать, что правительство клеймило ихъ, и что граждане сначала обмѣнивали въ казнѣ сіи лоскутки на цѣлыя кожи. Однакожь, зная цѣну серебра и золота, предки наши издревле добывали ихъ посредствомъ внѣшней торговли»... и далѣе: «Нѣтъ сомнѣнія, что и внутри Государства ходило серебро въ монетахъ: Радимичи вносили въ казну шляги или шилинги, безъ сомнѣнія полученные ими отъ Козаровъ. Однакожь мордки или куны долгое время оставались еще въ употребленіи: ибо малое количество золота и серебра не было достаточно для всѣхъ торговыхъ оборотовъ и платежей народныхъ. Именемъ гривны означалось извѣстное число кунъ, нѣкогда равное цѣною съ полуфунтомъ серебра; но сіи лоскутки, не имѣя никакого существеннаго достоинства, въ теченіе времени болѣе и болѣе унижались въ отношеніи къ металламъ, такъ, что въ XIII вѣкѣ гривна серебра содержала въ себѣ уже семь гривенъ Новгородскими купами» (24).

Знаменитый историкъ, предполагая обращеніе кожаныхъ денегъ, допускалъ одновременно съ ними употребленіе металлической монеты на Руси. Условныя же деньги, по его мнѣнію, пополняли недостатокъ въ благородныхъ металлахъ, и обращеніе ихъ поддерживалось только тѣмъ, что Русь была бѣдна золотомъ и серебромъ. Это обстоятельство повидимому служило Карамзину главнымъ доводомъ въ пользу признанія продолжительнаго употребленія условныхъ денежныхъ знаковъ на Руси. Его ссылки на лѣтописныя извѣстія представляютъ шаткія свидѣтельства. Въ приведенныхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ (примѣчанія: 472—474 и 475-е) съ большимъ основаніемъ можно видѣть указанія на металлическую монету, а не на кожаныя деньги. Намъ уже извѣстно, что древняя Русь была богата благородными металлами и не терпѣла никакого недостатка въ нихъ въ эпоху, къ которой историкъ относитъ обращеніе кожаныхъ денегъ. При достаточномъ количествѣ благородныхъ металловъ пользованіе условными денежными знаками являлось бы совершенно излишнимъ и непонятнымъ.

(24) Карамзинъ,—„Исторія Государства Россійскаго“ Томъ I, страницы 249 и 250 (изданіе 1833 г. С. П.).

Въ Примѣчаніи 472-мъ Карамзинъ пишетъ: «Имя мордки происходитъ отъ морды животныхъ.» Справедливо, но изъ этого еще не слѣдуетъ—что подъ именемъ мордокъ мы должны непремѣнно понимать части шкурокъ. Въ Рязанской губерніи, среди народа старинныя серебряныя деньги и копѣйки называются мордками. Съ названіемъ—«мордка» соединяется представленіе о мелкой серебряной монетѣ, а не морды животнаго. На серебряныхъ деньгахъ В. К. Рязанскаго Ивана Федоровича изображена мордочка куницы, а на мелкихъ серебряныхъ монетахъ выбита бѣлка или куница. Нѣтъ сомнѣнія, что эти деньги также именовались мордками; но эти мордки не имѣли ничего общаго съ лоскутками кожи. На серебряныхъ деньгахъ В. К. Рязанскаго Василія Ивановича также изображена бѣлка или куница. Весьма вѣроятно, что обычай изображать животныхъ на княжескихъ деньгахъ перешелъ отъ названій древнѣйшихъ металлическихъ денегъ, употреблявшихся на Руси съ VIII-го столѣтія (диргемы и части диргемовъ).

Ссылка на лѣтописное свидѣтельство, что въ началѣ XV-го вѣка Новгородцы замѣнили прежнія свои деньги (куны) новыми и ввели въ обращеніе—«лобцы, литовскія гроши и нѣмецкіе артуги, а куны отложиша»,—не представляетъ никакихъ данныхъ на то, чтобы подразумѣвать здѣсь изъятіе изъ обращенія кожаныхъ денегъ: лѣтописное извѣстіе указываетъ на замѣну старыхъ металлическихъ денегъ новыми. Въ Никоновской лѣтописи и въ Русскомъ Временникѣ къ словамъ «куны отложиша» сдѣлано прибавленіе: «иже есть мортки куньи». Въ этой припискѣ мы видимъ простое поясненіе какая монета извлекалась изъ обращенія. Прекращалось употребленіе мордокъ кунныхъ, т. е. мелкихъ частей металлической монеты—куны. Въ древней Руси купами назывались деньги вообще и арабскіе диргемы въ частности. Слѣдовательно, изъ словъ лѣтописи: «въ 1410 году Новгородцы начаша торговати промежи себѣ лобцы и гроши литовскими и артугами нѣмецкими, а куны отложиша, иже есть мортки куньи,»—мы не имѣемъ основанія утверждать, что лобцами, литовскими грошами и ортугами были замѣнены кожаныя деньги. Черезъ девять лѣтъ у Новгородцевъ мы видимъ новую перемѣну въ денежной системѣ,—они оставляютъ употребленіе иностранной монеты и чеканятъ собственныя серебряныя деньги. «Въ 1420 году Новгородцы начаша торговати деньги серебряными, а Артуги продаша Нѣмцемъ». (Новгород. Лѣтопись).

Далѣе у Карамзина въ примѣчаніи 472-мъ читаемъ: «Въ Уставѣ Новгородскаго Князя Святослава Ольговича, изданномъ въ 1137 году, написано: «емлеть Пискупъ за десятину отъ виръ и продажъ 100 гривенъ новыхъ кунъ, иже выдаеть Домажиричъ»: «слѣдовательно казна отъ времени до времени выпускала но-

гильникахъ, но отъ времени истлѣли и безслѣдно уничтожились. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли истлѣть и исчезнуть; но клады нерѣдко находили на сухихъ возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ доступъ влаги невозможенъ, гдѣ нетолько металлъ, кость, кожа или дерево, но даже менѣе прочные предметы, напримѣръ ткани,—сохраняются настолько, что виденъ ихъ узоръ и другія подробности. Могильники той же эпохи и даже болѣе древніе представляютъ намъ много подобныхъ примѣровъ. Притомъ клады иногда находятъ въ прочныхъ глиняныхъ кубышкахъ, а изрѣдка и въ металлическихъ плотно укрытыхъ сосудахъ, и тѣмъ не менѣе въ нихъ не было обнаружено никакихъ слѣдовъ кожаныхъ лоскутковъ, мордочекъ или чего нибудь подобнаго, что можно было бы принять за древнія условныя деньги. При раскопкахъ упокойнаго графа А. С. Уварова было открыто множество остатковъ бытовыхъ предметовъ изъ кости, дерева, кожи, а также были найдены и сохранившіеся кусочки ткани ([21]). Въ Борковскомъ могильникѣ, случайно открытомъ въ 1874 году, въ одной верстѣ отъ города Рязани, между прочимъ найденъ былъ серебряный наконечникъ отъ узкаго ремня; въ расщепѣ наконечника сохранились остатки тонкаго ремешка. Въ Каширскомъ уѣздѣ, на берегу рѣки Смедвы, въ курганахъ, раскопанныхъ А. В. Селивановымъ и Ф. Н. Китаевымъ въ 1884 и 1885 годахъ, нашлись серьги, прикрѣпленныя къ лоскуту кожи; кожа оказалась порядочно сохранившеюся. Вещи изъ Борковскаго и Каширскаго могильниковъ хранятся въ Рязанскомъ Музеѣ. Въ Курманскомъ могильникѣ верстахъ въ семнадцати отъ города Касимова, на берегу рѣки Оки, въ 1888 году графъ Ѳ. А. Уваровъ между прочимъ нашелъ части шерстяной одежды и волоса ([22]). Названные могильники относятся къ эпохѣ торговыхъ сношеній славянъ съ арабами; нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно, принадлежатъ даже къ болѣе древнему времени. Такихъ примѣровъ сохранности остатковъ глубокой старины легко привести нѣсколько десятковъ.

Можно также допустить, что наши предки не скрывали въ землѣ своихъ условныхъ денегъ, опасаясь ихъ поврежденія или порчи. Конечно было бы рискованно зарывать ихъ прямо въ землю; но на нѣкоторое время прятать въ землю условные денежные знаки, въ прочныхъ и хорошо укрытыхъ сосудахъ, можно было безъ всякаго опасенія за ихъ сохранность. Въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія, въ Епифанскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, не далеко отъ села Себина, былъ вырытъ изъ земли небольшой чугунный котелокъ, прикрытый сковородкою; въ котелкѣ оказались пяти и десяти рублевыя ассигнаціи Екатерины II-ой. Въ концѣ XVIII столѣтія у насъ находили возможнымъ зарывать въ землю очень непрочныя бумажныя деньги,—за тысячу лѣтъ назадъ подобный способъ храненія денегъ былъ и естественнѣй, и употребительнѣй. Почему же въ кладахъ того времени, которые были помѣщены въ крѣпкіе глиняные, а иногда и въ металлическіе сосуды, не находили кожаныхъ или иныхъ условныхъ денежныхъ знаковъ? Нельзя предполагать, что до настоящаго времени не случилось открыть ни одной удачной находки, въ которой были помѣщены условные денежные знаки, и что современемъ счастливый случай дастъ ихъ наконецъ въ руки изслѣдователей. Скорѣе можно думать, что въ тотъ періодъ времени, когда наши предки скрывали въ землѣ серебряные слитки, арабскія монеты и другія драгоцѣнности, на Руси уже не было въ обращеніи условныхъ денежныхъ знаковъ.

Вопросъ объ условныхъ деньгахъ необходимо разсмотрѣть, если не подробно, то, покрайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ,—во первыхъ въ виду того, что въ настоящее время его нельзя еще считать вполнѣ рѣшеннымъ, и во вторыхъ потому, что этотъ вопросъ имѣетъ прямое и существенное отношеніе къ содержанію настоящей статьи.

Наши извѣстные историки и нумизматы разно рѣшали вопросъ объ условныхъ денежныхъ знакахъ,—одни изъ нихъ признавали (и признаютъ) и доказывали существованіе этихъ знаковъ (Татищевъ, Карамзинъ, Шолуаръ, Бекетовъ, Рейхель, Соловьевъ, Заблоцкій, Лешковъ, Шубертъ, Ланге), другіе же (Френъ, Кругъ, Каченовскій, Строевъ, Казанскій, Куникъ, Савельевъ, Погодинъ, Сонцовъ, Бартоломей, Прозоровскій, Забѣлинъ, Мрочекъ-Дроздовскій, Черневъ)—сомнѣваются или рѣшительно отвергаютъ ихъ существованіе. Нашъ извѣстный нумизматъ графъ Ив. Ив. Толстой, неоспоримо доказавшій въ своемъ превосходномъ трудѣ—«Древнѣйшія русскія монеты Вел. Княж. Кіевскаго»—существованіе монетъ русскаго чекана въ южной Руси,—еще не высказался о кожаныхъ деньгахъ но, повидимому, его мнѣніе по этому вопросу на сторонѣ послѣдней группы ученыхъ изслѣдователей ([23]).

Изъ приведеннаго перечня видно, что мнѣнія нашихъ извѣстныхъ ученыхъ объ условныхъ денежныхъ знакахъ не сходны между собою: одни утверждаютъ обращеніе ихъ среди племенъ древней Руси, другіе—отрицаютъ ихъ.

Но и тѣ ученые, которые доказывали употребленіе условныхъ денежныхъ знаковъ на Руси, не приводили безспорныхъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе своихъ мнѣній и не давали опредѣленныхъ указаній ни о времени появле-

([21]) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, Томъ II-ой стр. 731—750.

([22]) Графъ Ѳ. А. Уваровъ. «Курманскій могильникъ». Москва 1890 г. стр. 8-ая.

([23]) Графъ Ив. Ив. Толстой.—„Монеты Великаго Новгорода". С. П. 1884 г., стр. 12-ая.

жизни и другое какое нибудь назначеніе? При наличности вещественныхъ свидѣтельствъ, которыя мы имѣемъ въ кладахъ съ куфическими монетами, отвѣтъ не представляетъ особыхъ затрудненій. Серебряные слитки, арабскіе диргемы и части диргемовъ обращались на Руси какъ ходячая монета.

Мы не знаемъ другихъ денежныхъ знаковъ, которыми пользовалась средняя и сѣверная Русь VIII-го, IX-го и X-го вѣка. Начало чекана сребренниковъ в. к. Владиміра, по моему мнѣнію, относится къ началу XI ст., и повидимому эта монета не была распространена въ сѣверной и средней Руси: ни въ одномъ изъ извѣстныхъ кладовъ, найденныхъ въ названной части Россіи, не оказалось сребренниковъ.

Когда торговля находится въ первобытномъ, неразвитомъ состояніи, то главнымъ и часто единственнымъ факторомъ обмѣна обыкновенно является предметъ, который наиболѣе употребителенъ въ народѣ и при томъ представляетъ постоянную и наибольшую цѣнность среди продуктовъ его производства или промышленности; такими предметами бывали раковины, соль, слоновая кость, шкурки звѣрей и проч. По мѣрѣ развитія торговли, подобныя орудія обмѣна представляютъ большія затрудненія; народъ начинаетъ сознавать ихъ неудобства и, при первомъ знакомствѣ съ благородными металлами, оставляетъ свои прежнія мѣновыя цѣнности и замѣняетъ ихъ золотомъ или серебромъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Благородные металлы входятъ въ обращеніе вначалѣ по вѣсу, и только съ дальнѣйшимъ развитіемъ и оживленіемъ торговыхъ сношеній, при наличности благопріятнаго политическаго устройства, народъ замѣняетъ вѣсовое обращеніе золота и серебра монетною системою, и тогда вѣсовыя единицы благородныхъ металловъ замѣняются числительными единицами чеканенной монеты. Многіе народы до введенія монеты собственнаго чекана пользуются монетами сосѣднихъ государствъ, стоявшихъ по своему экономическому положенію и политическому устройству на высшей ступени развитія.

Въ древней Руси, исключая южной, шкурки цѣнныхъ звѣрей добывались во множествѣ и, составляя коренной, исконный промыселъ славянскихъ и финскихъ племенъ, служили главнымъ предметомъ внѣшней и внутренней торговли, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ болѣе отдаленную эпоху, являлись единственными цѣнностями какъ при мѣстномъ обмѣнѣ, такъ и при торговыхъ сношеніяхъ съ ближними одноплеменниками и отдаленными иноземцами. Шкурки цѣнныхъ звѣрей замѣняли деньги, употреблялись нашими предками какъ монета, въ тѣ времена, когда притокъ благородныхъ металловъ изъ сосѣднихъ странъ былъ еще весьма незначителенъ, и среди племенъ, заселявшихъ среднюю и сѣверовосточную Русь, существовала исключительно одна мѣновая торговля товара на товаръ.

Шкурки отчасти сохранили подобное значеніе и тогда, когда древняя Русь ввела въ обращеніе металлическую монету и особенно была богата золотомъ и серебромъ, т. е. въ IX, X и XI столѣтіяхъ. Даже въ болѣе поздній періодъ, во время преобладанія В. К. Московскаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ употребленіе пушнаго товара въ качествѣ денегъ продолжало существовать какъ среди частныхъ лицъ, такъ и правительственныхъ учрежденій.

Въ эпоху предшествовавшую VIII-му столѣтію, быть можетъ, вмѣстѣ съ шкурками цѣнныхъ звѣрей, одновременно или нѣсколько позднѣе, были введены въ обращеніе для удобства и облегченія мѣстныхъ торговыхъ разсчетовъ и иныхъ уплатъ, а также для размѣна крупныхъ цѣнностей,—условные денежные знаки, соотвѣтствовавшіе стоимости шкурокъ или частей ихъ или какимъ нибудь другимъ обусловленнымъ цѣнностямъ. Эти условные денежные знаки (кусочки кожи, мордочки, ушки и проч.) могли существовать въ обращеніи у нѣкоторыхъ племенъ древней Руси болѣе или менѣе продолжительное время, при мѣстномъ обмѣнѣ и уплатахъ разнаго рода, не выходя за предѣлы тѣхъ общинъ или поселеній, которыя ввели ихъ у себя. Допуская возможность употребленія условныхъ денежныхъ знаковъ на Руси, мы должны сказать, что до сего времени не имѣемъ нетолько неоспоримыхъ, но рѣшительно никакихъ достовѣрныхъ доказательствъ въ пользу подобнаго предположенія.

Клады и отчасти древніе могильники даютъ намъ опредѣленныя указанія на время появленія и распространенія арабской монеты на Руси; но ни въ одномъ изъ нихъ,—ни въ самыхъ древнѣйшихъ, ни въ болѣе позднихъ не было открыто кожаныхъ денежныхъ знаковъ, и никакихъ слѣдовъ подобныхъ условныхъ денегъ не было замѣчено.

Наши предки зарывали въ землю,—иногда вмѣстѣ съ цѣнными украшеніями,—серебряные слитки (гривны или части ихъ) и арабскія монеты какъ свои ходячія деньги, сбереженныя для будущаго и на время ввѣренныя подъ охрану земли. Если-бы въ тѣ времена, когда зарывались въ землю клады съ арабскими монетами, т. е. въ IX-мъ, X-мъ и XI столѣтіяхъ, на Руси существовали въ обращеніи другіе представители денегъ, кромѣ арабской монеты и слитковъ серебра, то безъ сомнѣнія они попадали-бы въ клады, и мы, хотя изрѣдка, находили-бы ихъ вмѣстѣ съ диргемами, серебряными слитками и украшеніями. Но ни особенныхъ металлическихъ монетъ, ни другихъ какихъ либо предметовъ, которые можно было-бы признать за древне-русскую условную монету,—ни кожаныхъ лоскутковъ, ни иныхъ частей звѣриныхъ шкурокъ въ кладахъ IX, X и XI-го вѣка до сихъ поръ не оказывалось.

Можно предполагать, что кожаные или другіе денежные знаки были въ кладахъ или мо-

въ золотѣ и серебрѣ; а эти драгоцѣнные металлы открыли въ прежнихъ знакахъ цѣны свою замѣну».

«Но какимъ образомъ кожаные лоскутки могли замѣнить и замѣнять дорогіе для всѣхъ золото и серебро? Кто могъ обезпечить и обезпечивалъ продавца и кредитора, что они за эти ничтожные лоскутки получатъ предметы настоящей цѣны и дѣйствительные драгоцѣнные металлы? На этотъ вопросъ, столь трудный, для пониманія въ наше время, при нашихъ обстоятельствахъ, должно искать отвѣта въ самомъ быту давно прошедшемъ. Переносясь же мыслію въ этотъ бытъ, чувствуемъ, что нашъ вопросъ не умѣстенъ. Если нужда, потребности времени и общій обычай необходимо вызвали къ употребленію кожаныя деньги; то эта же нужда, эти же потребности и этотъ же обычай должны были поддержать ходъ такихъ денегъ и довѣренность къ нимъ. Съ другой стороны, не забудемъ, что юридическая связь народа, по которой община была свидѣтельницею и судьею во всякомъ дѣлѣ владѣнія, уступокъ и споровъ объ имуществѣ, —что эта связь народа должна была могущественно поддерживать общее довѣріе къ знакамъ цѣны и орудіямъ сдѣлокъ, каковы бы эти знаки ни были. Наконецъ, господствующее въ Русской Правдѣ общее начало и постоянно повторяемое требованіе Правды, чтобы всякую сдѣлку купли, мѣны, займа и поклажи совершать при свидѣтеляхъ, необходимо обезпечивало сдѣлку, по смыслу условія, все равно, будетъ ли уплата производиться кунами, или золотомъ. Исключеніе изъ этого правила дѣлалось только для сдѣлокъ купеческихъ, гдѣ послухи, или свидѣтели не были необходимы. И такъ весь народъ и своими нуждами, и своимъ устройствомъ, и своимъ законодательствомъ обезпечивалъ довѣріе къ своимъ орудіямъ мѣны и торга, и укрѣплялъ ихъ прочное отношеніе къ мѣрѣ цѣны, къ золоту и серебру.» Изложивши свое воззрѣніе на характеръ древне—русской денежной системы, В. Н. Лешковъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія свидѣтельства Рубруквиса, Длугоша, Герберштейна и Карамзина; ссылается на слова лѣтописи «куны отложиша», на паденіе въ XIII столѣтіи кунной гривны по отношенію къ новгородской серебряной гривнѣ. И вопросъ о кунахъ заканчиваетъ такъ:... «предположеніе, что, въ древней Руси, рядомъ съ серебряною монетою, или слитками, ходили знаки ея, мордки, куны, клейменые кожаные лоскутки, это предположеніе, при тщательномъ пересмотрѣ дѣла, превращаются въ необходимую достовѣрность» (31).

Здѣсь приведены мнѣнія самыхъ выдающихся сторонниковъ кожаныхъ денегъ. При безпристрастномъ отношеніи къ вопросу, ясно видно, что мнѣнія эти не представляютъ достаточной достовѣрности и убѣдительности въ дѣйствительномъ обращеніи условныхъ денежныхъ знаковъ въ древней Руси.

Сторонники кожаныхъ денегъ не приводятъ никакихъ вещественныхъ доказательствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, заключенія ихъ прямо противорѣчатъ открытымъ памятникамъ той эпохи (клады и могильники), которые наглядно раскрываютъ передъ нами богатство Руси IX, X и XI ст. въ монетѣ и благородныхъ металлахъ.

Закончивши обзоръ мнѣній сторонниковъ условныхъ цѣнностей, позволю себѣ въ сжатой формѣ привести общія заключительныя соображенія по этому вопросу. Характеръ и сущность орудій обмѣна у каждаго народа, въ началѣ его формированія въ государственный организмъ, зависятъ не отъ свободнаго выбора, а отъ совокупности условій экономическихъ, культурныхъ, политическихъ и отчасти географическихъ (мѣсто-жительство народа), въ которыхъ находится извѣстный народъ въ начальную эпоху своего государственнаго существованія. Характеръ и сущность орудій мѣны являются прямымъ результатомъ приведенныхъ условій и ни коимъ образомъ не могутъ считаться случайными или зависящими отъ непосредственнаго и произвольнаго выбора народа. Приступая къ рѣшенію вопроса—какіе денежные знаки употреблялъ народъ въ извѣстную эпоху,—если нѣтъ точныхъ и безспорныхъ свѣдѣній объ нихъ,—необходимо предварительно выяснить экономическое состояніе народа, политическое устройство его и отношеніе къ сосѣднимъ народамъ, съ которыми онъ имѣлъ торговыя или иныя связи въ данное время.

По моему мнѣнію, въ исторіи древней Руси до XVII ст., можно указать только три эпохи, въ которыя, если не всѣ, то многія обстоятельства древне—русской жизни благопріятствовали введенію въ обращеніе условныхъ денежныхъ знаковъ и не исключали возможности распространенія ихъ и пользованія ими. Именно, въ глубокой древности, о чемъ выше было уже упомянуто, когда племена, заселявшія сѣверную и среднюю Русь не вели значительныхъ внѣшнихъ торговыхъ сношеній и потому не располагали достаточнымъ количествомъ серебра, которое давало бы имъ возможность ввести у себя металлическую денежную систему; мѣстной же добычи серебра или золота въ древней Руси не существовало. Славянскіе колонисты, впервые проникшіе въ земли Финновъ и Чуди, вѣроятно, застали еще тамъ мѣновую торговлю, въ которой шкурки пушныхъ звѣрей служили общепринятыми и главными цѣнностями. Очень возможно, что славяне, какъ племя болѣе развитое и промышленное, нѣсколько видоизмѣнили систему цѣнностей, существовавшую у финно—чудскихъ племенъ, и внесли въ нее нѣкоторыя перемѣны.

(31) В. Н. Лешковъ—„Русскій народъ и Государство". Москва, 1858 г., стр. 175—181-ая.

тель (Каченовскій), отвергавшій кожаныя деньги, смѣялся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднѣйшій изслѣдователь (Казанскій), находитъ это извѣстіе замѣчательнымъ: по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ мелкую серебряную монету, для сохранности, укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться у иностранцевъ мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куньи мордки или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но надежныя для храненія монетъ» (30).

С. М. Соловьевъ не отвергалъ употребленія кожаныхъ денегъ на Руси на основаніи ясныхъ (по его мнѣнію), не подлежащихъ сомнѣнію, извѣстій современниковъ и очевидцевъ — Рубруквиса и Жильберта де—Ланноа. О свидѣтельствѣ Рубруквиса было уже говорено выше. Ланноа, посѣтившій Россію въ 1412—1414 годахъ, пишетъ: «У Новгородцевъ мелкою монетою служатъ куньи и бѣличьи мордки (...est leur menue monnoye de testes de gris et martres)». Ланноа, во время своего пребыванія въ Новгородѣ, вѣроятно слышалъ и быть можетъ видѣлъ куньи и бѣльи мордки—ходячую мелкую металлическую монету, которую Новгородцы съ 1410 года замѣнили серебряными иностранными монетами—лобцами, литовскими грошами и шведскими ортугами. Замѣна прежней монеты была вызвана или неполнымъ и неоднообразнымъ вѣсомъ бывшей въ обращеніи мелкой монеты или недоброкачественностью ея металла, а, быть можетъ, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Ланноа, повидимому, передалъ существовавшее въ то время названіе ходячей монеты; предполагать въ его словахъ извѣстіе о кожаныхъ деньгахъ мы не имѣемъ основанія, потому что лѣтописныя свидѣтельства удостовѣряютъ насъ о замѣнѣ съ 1410 года въ Новгородѣ одной монетной системы другою; о кожаныхъ же деньгахъ нигдѣ не упоминается. Новгородъ велъ обширную торговлю съ западомъ и востокомъ, входилъ въ составъ Ганзейскаго союза и былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ торговыхъ центровъ древней Руси, и допустить употребленіе кожаныхъ денегъ въ такомъ богатомъ городѣ положительно невозможно.

С. М. Соловьевъ, ссылаясь на извѣстія Рубруквиса и Ланноа, не рѣшается утверждать что кожаныя деньги выпускали русскіе князья. Такая осторожность нашего извѣстнаго историка совершенно понятна: обширное и основательное знаніе лѣтописныхъ и иныхъ памятниковъ русской старины не позволяло Сергѣю Михайловичу допустить подобное утвержденіе въ своемъ трудѣ.

В. Н. Лешковъ также признавалъ обращеніе кожаныхъ денегъ въ древней Руси: «Собственно деньги ходячія временъ Русской Правды состояли въ такъ называемыхъ кунахъ, ногатахъ, мордкахъ и т. д., которыя были знаками цѣны, а именно извѣстнаго количества золота и серебра, удобнымъ средствомъ передачи и передвиженія цѣнностей, вообще орудіемъ мѣны и торга. Но какъ драгоцѣнные металлы представляли собою цѣну предметовъ, такъ куны и ногаты обозначали извѣстное количество золота и серебра, къ которымъ относились онѣ, какъ названіе къ вещи. Въ кунахъ и ногатахъ ничего реальнаго и все нарицательно; и подлѣ золота и серебра онѣ имѣли значеніе нашихъ позднѣйшихъ мѣдныхъ и бумажныхъ денегъ, или, пожалуй, кредитныхъ билетовъ. Ихъ существованіе, ихъ ходъ въ оборотѣ и народѣ условленъ предположеніемъ, что за извѣстное число этихъ мѣновыхъ знаковъ можно имѣть соотвѣтственное ихъ названію количество золота, или серебра. И такъ эти знаки могли состоять изъ чего угодно, только бы они были легки, для передачи,—уютны, при сохраненіи,—не легко уступали разрушенію, переходѣ изъ рукъ въ другія. Наши предки дѣлали такіе знаки изъ кожи, и, кажется, противъ выбора вещества нельзя сказать многаго; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кожа, въ этомъ случаѣ, удобнѣе мѣди. Не даромъ и въ XVIII столѣтіи, при недостаткѣ размѣнной монеты, въ средоточіи Россіи, кожаные лоскутки опять получили право гражданства, и имѣли обращеніе въ народѣ (въ Калужской губерніи. Указъ 11-го марта 1700 года, Полное Собр. Закон: «а въ Калугѣ—торгуютъ кожаными жеребьями»). Съ другой стороны, выборъ кожи, для отправленія должности ходячей монеты, во времена Правды, былъ условленъ самою исторіею русской древней промышленности. Было время, когда Россія находила богатство только внѣ себя, на западѣ и югѣ своихъ предѣловъ, посредствомъ вымѣна необходимаго у болѣе богатыхъ сосѣдей на шкуры и мѣха своихъ пушныхъ звѣрей, куницъ, бѣлокъ, горностаевъ и т. д. И богатство русскаго человѣка измѣрялось богатствомъ этихъ мѣховъ и кожъ, такъ что о богатомъ человѣкѣ того времени можно было говорить: у него столько—то куницъ или кунъ,—столько—то бѣлокъ, или векшъ и т. п.; онъ занималъ мѣха у другихъ, онъ давалъ мѣха въ займы другимъ; онѣ были его богатствомъ и средствомъ къ богатству,—основаніемъ его довольства и благосостоянія, тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи сдѣлались для него золото и серебро, и чѣмъ въ позднѣйшее время стали для него деньги. Скоро однакожъ, при развитіи внутреннихъ промысловъ, при разнообразіи предметовъ и случаевъ сдѣлокъ, удобство потребовало замѣнить движеніе или обращеніе цѣлыхъ шкуръ ихъ частями, знаками, лоскутками шкуръ, рѣзанами, мордками, ногатами и т. д. Наконецъ, цѣнность предметовъ и богатство нашли свое полное выраженіе

(30) С. М. Соловьевъ—«Исторія Россіи». Москва 1857 г. Томъ 4-й, стран. 281—283.

съ арабскими и иными монетами, которые наглядно убѣждаютъ насъ въ обращеніи металлической монеты на Руси.

Баронъ Шодуаръ въ своемъ капитальномъ трудѣ—«Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ»—также допускаетъ обращеніе кожаныхъ лоскутковъ вмѣсто денегъ, но только въ одной мѣстной мелочной торговлѣ.

Привожу подлинное изложеніе мнѣній барона Шодуара о кожаныхъ деньгахъ: «Въ Россіи денежное дѣло шло и развивалось такимъ порядкомъ: сперва былъ мѣновой торгъ вещами, потомъ металлами на вѣсъ, а наконецъ введена битая монета»... «Когда же торговля сѣверныхъ областей Россіи утвердилась съ Ганзейскими городами, то сіи города, около конца XIV-го столѣтія, даже запрещали ввозъ золота и серебра въ Россію, и, если сколько нибудь ввозилось, не смотря на сіе запрещеніе, то развѣ тайно. И такъ сіи металлы составляли во Россіи просто одинъ лишь товаръ, и надобность въ мелочной торговлѣ заставила Русскихъ употреблять кожи куницъ, бѣлокъ или соболей и горностаевъ, вмѣсто ходячихъ денегъ. Отъ того-то сіи мѣха пріобрѣли опредѣленную цѣну и сравнительную между ними цѣнность, а потому служили платежемъ при покупкѣ разныхъ предметовъ. Въ послѣдствіи времени, когда обширность и сила торговли постепенно возрастали, живо почувствовали неудобство, сопряженное съ мѣною такой громоздкой и непрочной числимости, и оно подало мысль къ разрѣзыванію сихъ шкурокъ, или кожъ, на мелкіе куски и дѣлать на нихъ знаки, или клейма. Должно думать, что сначала, а можетъ быть и всегда, большіе и малые города имѣли свои собственныя кожаныя деньги, которыя употреблялись только въ мелочной торговлѣ; а при большихъ, оптовыхъ покупкахъ были въ обращеніи цѣлые мѣха и серебро вѣсомъ» (28). Далѣе идутъ ссылки на иностранныхъ писателей: Гваньини, Стрышковскаго, Герберштейна, Рубруквиса и другихъ.

Баронъ Шодуаръ, подобно Карамзину, главною причиною появленія кожаныхъ денегъ на Руси считаетъ крайній недостатокъ благородныхъ металловъ, который, будто-бы, испытывала древняя Русь.

Нашъ извѣстный историкъ, С. М. Соловьевъ, о древне-русской монетной системѣ пишетъ: «Общимъ названіемъ, соотвѣтствующимъ теперешнему нашему деньги, было куны, которое замѣнило встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе скотъ. Высшею монетною единицею была гривна-кусокъ металла въ извѣстной формѣ, равный извѣстному вѣсу, носившему тоже самое названіе гривны, другимъ словомъ, гривна была монета, заключавшая въ себѣ гривну (вѣсъ) извѣстнаго металла, благороднаго, золота или серебра»... «Кромѣ гривенъ существовала еще серебряная монета—сребреники»... «О существованіи кожаныхъ денегъ существуютъ ясныя свидѣтельства иностранцевъ и своихъ; въ одномъ хронографѣ прямо говорится: куны еже есть мордъ куней»... (29) «Такъ какъ отъ описываемаго времени дошли до насъ прямыя извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, то мы обязаны здѣсь подробнѣе разсмотрѣть этотъ давній, важный и запутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. Здѣсь должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращавшихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, и вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ шкуры извѣстнаго животнаго, не имѣющихъ никакой цѣнности сами по себѣ, и обращающихся въ видѣ денегъ условно. Относительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей крайнія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи металлической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣхами; другіе, наоборотъ, подлѣ металлической монеты не допускаютъ вовсе мѣховъ. Противъ перваго мнѣнія мы уже говорили; противъ втораго существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя, напр. въ уставной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго: «А се погородіе отъ Мьстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы: а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногатъ за лисицу.» Или: «Се заложилъ Власей св. Николѣ полсела въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки». Здѣсь мы ясно видимъ, что вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались въ уплату мѣха, и это самое показываетъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплатъ всякаго рода употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господствующимъ»... «Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: «а пять ногатъ за лисицу»—показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами»...

«Труднѣе объясненіе другаго явленія, именно собственно кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ явленій, которыхъ мы объяснить теперь не можемъ, и которыхъ однако отвергать не имѣемъ права, если о нихъ существуютъ ясныя, не подлежащія сомнѣнію, извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современниковъ и очевидцевъ—Рубруквиса и Гильберта де—Ланноа; названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна, за сто лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству, перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей; но какъ же отвергать свидѣтельства Рубруквиса и Ланноа—очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдова-

(28) Баронъ С. Шодуаръ—„Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ". Перев. В. А. С. П. Б. 1838 г. стран. 2-ая, 6—19-ая.

(29) С. М. Соловьевъ—Исторія Россіи. Томъ III, стр. 53-я Москва 1853 г.

пользованіе монастырскими землями и другими угодьями; или выпущенные лоскутки обмѣнивались на деньги, когда монастырская казна располагала достаточнымъ количествомъ металлической монеты. Такая временная и мѣстная замѣна настоящихъ денегъ условными знаками, безъ сомнѣнія, облегчала затрудненія въ разсчетахъ и денежныхъ дѣлахъ какъ частныхъ лицъ, такъ и общинъ. И въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ поденнымъ работникамъ и работницамъ выдаютъ вмѣсто денегъ записки, уплата по которымъ производится по недѣльно или помѣсячно. Но какъ кожаные лоскутки, такъ и записки не имѣютъ ничего общаго съ кожаными деньгами: первые представляютъ личное долговое обязательство, выданное на короткій срокъ, по взаимному согласію;—послѣдніе же имѣютъ повсемѣстное обращеніе и пріемъ ихъ обязателенъ для всѣхъ.

Въ концѣ XVII вѣка, въ обращеніи было такъ мало мелкой размѣнной монеты, что для замѣны ея въ разныхъ мѣстахъ Россіи рубили на части серебряныя копѣйки и даже употребляли кусочки кожи. Для устраненія такихъ неудобствъ Петромъ I введена была мелкая мѣдная монета. 11-го марта 1700 года былъ изданъ указъ: «Великій Государь указалъ: дѣлать мѣдныя денежки, и полушки, и полуполушки, для того, во многихъ низовыхъ и въ иныхъ городахъ, за скудостью денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебряныя копѣйки на двое и на трое, и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ; а въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ, торгуютъ же кожаными и иными жеребьями». (Полн. Собран. Законовъ).

Мнѣніе Карамзина о кожаныхъ деньгахъ и доказательства его объупотребленіи ихъ на Руси повторяютъ съ нѣкоторыми измѣненіями и другіе сторонники кожаныхъ денегъ.

Г. Бекетовъ пишетъ: «какого рода монеты были Куны? безъ малѣйшаго сомнѣнія смѣю отвѣчать утвердительно: условныя. Вотъ причины, на которыхъ основывается моя увѣренность:

«1.) Хотя древніе наши законы, грамоты, знакомя насъ съ названіями различныхъ монетъ, бывшихъ въ употребленіи, не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія ни о видѣ ихъ, ни о веществѣ, изъ котораго были сдѣланы, даже и въ древнѣйшихъ нашихъ лѣтописяхъ того не находимъ, вѣроятно, потому, что подобныя объясненія казались совершенно не нужными при именованіи вещей, каждому тогда извѣстныхъ; за то послѣдующіе писатели, тѣхъ уже временъ, когда условныя монеты вытѣснены были серебряными изъ обращенія, дали намъ нѣкоторое о нихъ понятіе, сказавъ: «въ 1410 году Новгородци начаша торговати промежи себѣ Лобци и Гроши Литовскими и Артугами Нѣмецкими, а Куны отложиша». «Въ 1420 Новгородци начаша торговати денги серебряными, а Артуги продаша Нѣмцемъ.» «Въ 1424 въ Псковѣ денги скованa, и почаша по всей Русской земли торговати денгами.» «Мы знаемъ,—продолжаетъ г. Бекетовъ,—что деньги были серебряныя: слѣдовательно Куны были не серебряныя. А два другіе списка къ словамъ: «Куны отложиша» прибавляютъ: Никоновскій «иже есть мортки куньи»; Русскій Временникъ «иже есть мортъ куней»: слѣдовательно Куны были кожаныя, условныя». Г. Бекетовъ также приводитъ свидѣтельство Рубруквиса, и затѣмъ прибавляетъ: «Нѣкоторые сомнѣваются однакоже, чтобы кожаные лоскутки, клейменые, могли обращаться въ Россіи вмѣсто монеты, полагая, что вѣрить сему значило бы тоже, что вѣрить существованію государственнаго кредита въ такое время, когда онъ нетолько созрѣть, но и прозябнуть еще не могъ»... «Въ подкрѣпленіе моего мнѣнія, что въ теченіи перваго періода ходячія въ Россіи монеты, Куны, были условныя, не нахожу нужнымъ присовокуплять доказательствъ, что металлической ходячей монеты до нашествія татаръ въ Россію не было: я уже предложилъ ихъ въ мнѣніи моемъ о сребрѣ Ярославлѣ»... «Но когда началось употребленіе условныхъ монетъ? Исторія нашей нумизматики, подобно исторіи народовъ, въ началѣ своемъ покрыта мракомъ, для насъ конечно уже непроницаемымъ. Кто можетъ опредѣлить точное время первоначальнаго учрежденія условныхъ монетъ въ Россіи, время, тысящелѣтіемъ уже отъ насъ отдѣленное, и никакихъ слѣдовъ по себѣ въ лѣтописяхъ не оставившее? Есть однакоже довольно вѣроятныя, кажется, причины къ предположенію, что оно предшествовало учрежденію монархіи» (27).

Даже поверхностный разборъ доводовъ г. Бекетова, въ пользу употребленія кожаныхъ денегъ на Руси, раскрываетъ несостоятельность ихъ. Оказывается, что г. Бекетовъ во всѣхъ лѣтописныхъ свѣдѣніяхъ XV столѣтія, говорящихъ о перемѣнахъ въ металлической денежной системѣ Новгорода и Пскова, усмотрѣлъ доказательства о существованіи кожаныхъ денегъ; хотя самъ заявляетъ, что древнѣйшія наши лѣтописи—«не даютъ намъ ни малѣйшаго понятія ни о видѣ ихъ (кунъ), ни о веществѣ, изъ котораго были сдѣланы». Такое одностороннее и пристрастное истолкованіе лѣтописныхъ свидѣтельствъ можно объяснить только тѣмъ, что г. Бекетовъ не обратилъ надлежащаго вниманія на внѣшнія торговыя сношенія древней Руси, которыя были уже довольно значительными въ VIII столѣтіи, и доставляли нашимъ предкамъ благородные металлы въ большомъ количествѣ; а также совершенно пренебрегъ свидѣтельствомъ кладовъ

(27) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ Часть VI. стр. 137, 138, 140, 141, 143 и 146-ая.

арабской монеты безпрерывно продолжался до нашествія монголовъ и покоренія ими Восточнаго Халифата, т. е. до половины XIII стол. (1258 г.).

Съ VIII столѣтія ежегодно переходило изъ Азіи на Русь, благодаря развивавшейся торговлѣ, большое количество арабской монеты. Въ послѣдствіи, по мѣрѣ расширенія внѣшней торговли, когда славяне, въ городахъ—Булгарѣ и Итилѣ, вступили въ непосредственныя сношенія съ арабскими купцами, количество серебра въ слиткахъ и монетѣ, уплачиваемаго арабами славянамъ, постепенно возрастало. Въ VIII столѣтіи торговля древней Руси съ востокомъ прочно установилась и значительный приливъ серебряной монеты сдѣлался надежнымъ и постояннымъ; съ этого времени употребленіе условныхъ денежныхъ знаковъ на Руси теряло всякій смыслъ: не оставалось никакой побудительной причины пользоваться ими при наличности достаточнаго количества металлической монеты. Если условныя деньги существовали въ мѣстномъ обращеніи сѣверной и средней Руси до появленія арабскихъ диргемовъ, то съ появленіемъ ихъ, потребность въ условныхъ денежныхъ знакахъ исчезала и они неизбѣжно должны были уступить мѣсто арабской монетѣ. Въ VIII столѣтіи наши предки могли вполнѣ ознакомиться съ достоинствами и превосходствомъ металлической монеты, которая вошла въ ихъ денежные разсчеты съ булгарскими и арабскими купцами, при всѣхъ торговыхъ сдѣлкахъ. Сознаніе преимуществъ и удобствъ металлическихъ денегъ, безъ сомнѣнія, быстро проникло въ среду торговаго и промышленнаго населенія, и древняя Русь, не имѣя никакихъ серьезныхъ причинъ поддерживать систему условныхъ цѣнностей, если только таковыя были въ обращеніи, покинула ее и перешла къ употребленію серебряной арабской монеты.

Такъ что VIII-ое столѣтіе съ увѣренностію можно считать началомъ металлической денежной системы въ сѣверной и средней Руси.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что славяне пользовались арабскими, западно-европейскими и византійскими деньгами, не какъ монетами опредѣленной цѣнности, а исключительно производили ими всѣ уплаты на вѣсъ. Однако такое мнѣніе не находитъ подтвержденія въ бытовыхъ памятникахъ той эпохи. Напротивъ, многочисленные бытовые предметы, находимые въ могильникахъ, современныхъ торговымъ сношеніямъ древней Руси съ востокомъ, затѣмъ особенности кладовъ съ арабскою монетою даютъ право заключать, что славянскія племена не могли ограничиваться одною вѣсовою расплатою при покупкахъ, продажахъ и другихъ повседневныхъ денежныхъ разсчетахъ. Взвѣшиваніе серебра при всѣхъ мелкихъ денежныхъ полученіяхъ и оплатахъ, потребовало бы всеобщаго и постояннаго употребленія вѣсовъ и гирекъ, что было немыслимо по своему неудобству и практической непримѣнимости. Такой порядокъ въ обмѣнѣ и разсчетахъ не только въ то время, но даже и теперь оказался бы крайне стѣснительнымъ, а въ ту отдаленную эпоху былъ положительно невозможенъ. Взвѣшиваніе благородныхъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ повсемѣстно употреблялось на Руси, при большихъ уплатахъ, при крупныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ торговыхъ оборотахъ, наконецъ —при повѣркѣ вѣса монеты и слитковъ; но вѣсоваго пріема монеты нельзя предполагать въ обыденномъ житейскомъ обиходѣ и въ обыкновенной мелочной торговлѣ. Всѣмъ извѣстно, что вѣсъ благороднаго металла начинаетъ примѣняться къ денежнымъ разсчетамъ только съ того времени, когда металлическія цѣнности становятся общеупотребительными, ходячими, —однимъ словомъ—когда обращеніе золотой и серебряной монеты вполнѣ установится.

Археологическія разысканія, которыя производились въ текущемъ столѣтіи въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, въ достаточной мѣрѣ подтверждаютъ мое мнѣніе въ простомъ обращеніи монеты среди славянскихъ племенъ, какъ въ небольшихъ частныхъ уплатахъ, такъ и въ мелочной торговлѣ. Въ Россіи раскопано нѣсколько тысячъ древнихъ кургановъ, въ нихъ найдено множество бытовыхъ вещей VIII-го, IX-го, X-го и послѣдующихъ вѣковъ; но среди находокъ, открытыхъ въ могилахъ, оказалось ничтожное число вѣсовъ и гирекъ, сравнительно съ массою вскрытыхъ могилъ и размѣрами площади, на которой могилы были обслѣдованы. Знаменитыя и самыя обширныя раскопки упокойнаго графа А. С. Уварова, въ Владимірской губерніи, дали всего пять вѣсовъ разной величины и нѣсколько гирекъ; между тѣмъ было разрыто свыше 7700 кургановъ (34). Трое вѣсовъ, изъ нихъ двое большихъ съ коромыслами и одни маленькіе, были найдены въ 1853 году, у села Городище, гдѣ было раскопано 1341 могила. Одни небольшіе вѣсы нашли у села Большая Брембола, здѣсь было разрыто триста кургановъ; и наконецъ—одни маленькіе вѣсы были найдены у села Васильки, во время раскопокъ 290 кургановъ. Находили въ небольшомъ числѣ древніе вѣсы и гирьки въ Лифляндіи и Эстляндіи. Одни гирки находили близъ Смоленска (хранятся въ Москвѣ, въ историческомъ Музеѣ), двѣ гирьки найдены недалеко отъ Твери (хран. въ тверскомъ музеѣ), одну гирьку нашли въ Кіевѣ, и въ 1891 году нашли пять гирекъ на городищѣ Старой Рязани (гирьки хранятся въ рязанскомъ музеѣ).

Небольшое число вѣсовъ, найденныхъ въ курганахъ и могильникахъ, относящихся ко времени съ VIII-го по XIII столѣтіе, указы-

(34) Труды перваго Археол. съѣзда въ Москвѣ. Томъ II-й, стр. 655—672-ая.

вомъ: «воръ», чтобы такіе воры впредь были знатны».

На Руси, какъ и вездѣ, едва-ли не съ самаго начала чекана металлической монеты, практиковалась порча и поддѣлка серебряныхъ денегъ, и, не смотря на энергичныя мѣры правительства и жестокія казни преступниковъ, зло не прекращалось. При употребленіи кожаныхъ денегъ, подобныя злоупотребленія также случались бы нерѣдко; и, конечно, въ лѣтописяхъ сохранились бы извѣстія о мѣрахъ и наказаніяхъ за выпуски частными лицами фальшивыхъ кожаныхъ денегъ. Отсутствіе письменныхъ свидѣтельствъ, а равно и находокъ съ кожаными деньгами доказываютъ намъ, что ни Великіе Князья самостоятельныхъ княжествъ, ни Новгородъ и Псковъ, ни цари Вел. Кн. Московскаго не вводили въ обращеніе условныхъ денежныхъ знаковъ; и до XVIII столѣтія намъ достовѣрно извѣстна только одна попытка введенія условной монеты. При Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, вслѣдствіе войнъ съ Швеціею и Польшею и другихъ причинъ, былъ большой недостатокъ въ монетѣ; желая выйти изъ затруднительнаго денежнаго положенія, правительство нѣсколько разъ выпускало въ обращеніе мѣдную монету съ одинаковымъ штемпелемъ и въ той же цѣнѣ-какъ бывшая серебряная монета. О результатахъ этой мѣры вотъ что говоритъ Кошихинъ: «Да въ тожъ время (1654 г.) дѣлали деньги полтинники мѣдные съ ефимокъ, и крестьяне, увидѣвъ такіе въ одну пору худые дѣланыя деньги, не ровныя и смѣшанныя, не почали въ городъ возить сѣна и дровъ и съѣстныхъ запасовъ—и почала быть отъ тѣхъ денегъ на всякіе товары дороговь великая. А служилымъ людемъ царское жалованье давано полное: а они покупали всякіе запасы и харчь и товары вдвое цѣною, и отъ того у нихъ въ году жалованья недоставало и скудость почала быть большая. Хотя о тѣхъ деньгахъ былъ указъ жестокой и казни, чтобъ для нихъ товаровъ и запасовъ никакихъ цѣною не подвышати: однако на то не смотрѣли. И видя царь, что въ тѣхъ деньгахъ не учало быти прибыли, и смута почала быть большая, велѣлъ на Москвѣ и въ Новѣгородѣ, и во Псковѣ, а потомъ и въ Кукона-узѣ, дѣлати на дворѣхъ своихъ деньги мѣдныя, алтынники, копѣйки, противъ старыхъ серебряныхъ копѣекъ, и отъ тѣхъ денегъ межъ крестьянъ потому жъ была смута, и тѣ прежнія деньги, и алтынники, и грошевики, велѣлъ царь принимати въ казну и передѣлывать въ мелкія копѣйки. И дѣланы послѣ того деньги мѣдныя жъ мелкія, и ходили тѣ же мелкія деньги многое время съ серебряными за одно».

Обращеніе мѣдныхъ копѣекъ съ обязательнымъ курсомъ было непродолжительно: мѣдныя копѣйки постепенно теряли свою цѣну въ сравненіи съ серебряными; быстрое паденіе ихъ вызвало народное волненіе. Въ 1663 году издано было нѣсколько указовъ, которыми прекращался чеканъ мѣдныхъ денегъ, запрещалось принимать ихъ въ казну въ уплату всякихъ пошлинъ и сборовъ, и предлагалось желающимъ приносить мѣдныя деньги въ казну и обмѣнивать рубль мѣдныхъ денегъ на одну серебряную копѣйку. Несмотря на крайнюю убыточность условій обмѣна, народъ, повидимому, усердно сдавалъ въ казну ненавистныя мѣдныя деньги; въ средней Россіи очень рѣдко находятъ клады мѣдныхъ копѣекъ Царя Алексѣя Михаиловича, и только на окраинахъ тогдашней Руси открыто два значительныхъ клада съ этими монетами. Въ 1856 году, въ Кіевѣ былъ найденъ кладъ съ 714 мѣдными копѣйками, и въ 1869 году, въ г. Симбирскѣ, на берегу рѣки нашли кладъ, состоявшій изъ 15000 мѣдныхъ копѣекъ Царя Алексѣя Михаиловича. Первыя попытки ввести въ употребленіе условную монету потерпѣли полную неудачу.

III.

Когда народъ достигаетъ той степени экономическаго развитія, при которой обмѣнъ товара на товаръ перестаетъ быть единственною формою внѣшнихъ торговыхъ оборотовъ и становится достояніемъ прошлаго; когда факторомъ обмѣна является драгоцѣнный металлъ въ слиткахъ и монетѣ, то, естественно, такой народъ въ своемъ повседневномъ обиходѣ, мѣстной и внѣшней торговли уже не можетъ обходиться ни одними шкурками звѣрей, ни размѣнными деньгами въ родѣ лоскутковъ кожи, мордокъ, ушекъ и т. п. Въ VIII столѣтіи сѣверная и средняя Русь имѣла арабскую монету и серебро въ такомъ количествѣ, котораго было достаточно на всѣ житейскія и торговыя нужды малочисленнаго ея населенія. Пользованіе знаками условныхъ цѣнностей могло существовать въ сѣверной и средней полосѣ древней Руси въ болѣе раннюю эпоху, предшествовавшую VIII столѣтію; но оно должно было прекратиться съ началомъ значительныхъ торговыхъ сношеній съ востокомъ, когда изъ Азіи ежегодно стало получаться большое количество серебра въ слиткахъ и монетѣ. Намъ извѣстно, что постоянный притокъ серебра изъ Азіи начался съ того времени, когда арабы, а вмѣстѣ съ ними и булгары, стали расплачиваться диргемами за русскіе товары. Чеканъ собственно арабской монеты былъ введенъ при шестомъ халифѣ Омейядской династіи, Абдулль—Малекѣ, приблизительно въ 696 году по Р. Х. (33). Абдулль — Малекъ установилъ постоянную форму и опредѣленный вѣсъ золотой и серебряной монеты. Съ этого времени чеканъ

(33) Баронъ В. Г. Тизенгаузенъ—„Монеты Восточнаго Халифата“,—стр. VII-ая.

Послѣ ужаснаго татарскаго разгрома, въ половинѣ XIII-го столѣтія, когда промышленность большей части древней Руси была сильно потрясена, торговля подорвана, когда Россія понесла громадныя имущественныя утраты, не говоря уже о многихъ потеряхъ и бѣдствіяхъ другого рода. Къ этому великому потрясенію экономическаго и торговаго строя древней Руси присоединились ежегодные и большіе отливы золота и серебра въ Орду, въ видѣ установленной дани, подарковъ и подкуповъ татарскихъ вельможъ. Запасы монеты и благородныхъ металловъ, при такихъ утратахъ и послѣдовавшихъ за ними крупныхъ ежегодныхъ расходахъ на Орду, должны были сильно и быстро уменьшаться. Промышленность и торговля, въ первые годы послѣ нашествія татаръ, не могли поддержать равновѣсіе между убылью монеты и благородныхъ металловъ изъ предѣловъ Руси и притокомъ ихъ на Русь извнѣ, какъ плату за русскіе товары, сбываемые заграницу.

При такихъ тяжкихъ условіяхъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ, могло оказаться большое истощеніе золота и серебра; въ общежитіи и торговлѣ могъ появиться серьезный недостатокъ въ металлической монетѣ. Въ казнохранилищахъ разоренныхъ княжествъ нельзя было найти свободныхъ запасовъ серебра и золота, которое можно было-бы выпустить въ обращеніе и тѣмъ облегчить или вполнѣ устранить стѣсненіе промышленности и торговли, вызванное, вмѣстѣ съ другими неблагопріятными условіями, недостаткомъ монеты. Въ это время естественно могла возникнуть мысль среди русскихъ князей о введеніи въ обращеніе условныхъ денежныхъ знаковъ, покрайней мѣрѣ для мѣстныхъ потребностей, въ предѣлахъ княжества. Тѣмъ болѣе, что въ то время татарскіе ханы выпускали кожаные и бумажные знаки, замѣнявшіе золотую и серебряную монету во всѣхъ подвластныхъ имъ земляхъ. Марко-Поло увѣряетъ, что выпускъ обязательной неметаллической монеты ханомъ дѣлается съ цѣлью накопленія благородныхъ металловъ въ ханской казнѣ, и что ни въ одной странѣ подвластной хану, никто подъ страхомъ смерти, не можетъ поддѣлывать этой монеты, ни отказываться принимать ее за деньги, не замѣнять ее другою въ торговлѣ.

Въ такое бѣдственное время на Руси, по примѣру татарскихъ хановъ, могли выпускать, хотя непродолжительное время, кожаные денежные знаки для облегченія мѣстной торговли и замѣны мелкой серебряной размѣнной монеты.

Однако ни конецъ XIII-го, ни начало XIV-го вѣка не оставили намъ положительныхъ свидѣтельствъ объ употребленіи кожаныхъ денегъ на Руси: мы не находили ихъ въ кладахъ того времени, не открывали ихъ въ могилахъ и городищахъ той эпохи. Наши лѣтописи также ничего не говорятъ о кожаныхъ деньгахъ. Существуй подобныя деньги въ XIII или началѣ XIV вѣка, въ лѣтописяхъ непремѣнно было-бы опредѣленное извѣстіе о нихъ; еслибы не оказалось постановленій о введеніи въ обращеніе кожаныхъ денегъ, то встрѣтились бы извѣстія о наказаніяхъ за поддѣлку кожаныхъ денегъ. Допуская употребленіе ихъ, нельзя не допустить и злоупотребленій этими деньгами. Кожаныя деньги легче поддѣлать, чѣмъ металлическія; однако въ лѣтописяхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній о преслѣдованіи и наказаніи поддѣлывателей кожаныхъ денегъ. Такое умолчаніе нашихъ лѣтописцевъ о кожаныхъ деньгахъ и злоупотребленіяхъ этими деньгами указываетъ на то, что древняя княжеская Русь не знала и не употребляла кожаныхъ денегъ. О поддѣлкѣ и порчѣ серебряной монеты лѣтописи даютъ намъ точныя извѣстія: «въ 1447 году начали Новгородцы хулить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія, между прочимъ посадникъ Сокира или Сѣкира, напоивши ливца и вѣсца серебрянаго, Ѳедора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допытываться, на кого онъ лилъ рубли? Жеребецъ оговорилъ 18 человѣкъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣкоторыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ домы разграбили, и даже вытащали имѣніе ихъ изъ церквей, чего прежде не бывало. Несправедливые бояре научили того же Ѳедора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію, но когда Жеребецъ протрезвился, то сталъ говорить: «я лилъ на всѣхъ, на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею съ ливцами». Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграбили. Чтобы помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ установили пять денежниковъ, и начали переливать старыя деньги, а новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ гривны по полуденьгѣ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ въ городѣ и по волостямъ» ([32]).

Въ Вел. Кн. Московскомъ, въ 1538 году при правительницѣ Еленѣ, «многіе люди» изъ разныхъ городовъ были казнены за порчу и поддѣлку монеты. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ за дѣланіе фальшивой монеты наказывали смертною казнью, заливая расплавленными поддѣльными деньгами горло преступнику. При Царѣ Михаилѣ Федоровичѣ былъ изданъ указъ, которымъ предписывалось: «уличенныхъ въ дѣланіи фальшивой монеты всѣхъ разрядовъ бить кнутомъ по торгамъ нещадно и разослать по городамъ въ тюрьмы на смерть, скованными, и желѣза залить до смерти, а для улики заклеймить ихъ на щекахъ сло-

([32]). С. М. Соловьевъ—«Исторія Россіи». Томъ IV, стр. 283—284-ая.

для облегченія мѣстныхъ торговыхъ сдѣлокъ и разнаго рода уплатъ. Можетъ быть, современа водворенія славянскихъ колонистовъ въ земляхъ финскихъ и чудскихъ племенъ были введены въ обращеніе условные денежные знаки, при чемъ въ названіяхъ ихъ могли сохранить ся имена пушныхъ звѣрей, шкурки которыхъ были главнымъ предметомъ мѣстныхъ промысловъ и единственными орудіями обмѣна. Ничего достовѣрнаго нельзя сказать—чья система цѣнностей удержалась въ общемъ употребленіи въ мѣстностяхъ, гдѣ произошло смѣшеніе славянскихъ и финскихъ племенъ или славянскихъ и чудскихъ. Удержалась ли денежная система древнѣйшихъ обитателей средней и сѣверной Руси или была принята система колонизаторовъ славянъ; наконецъ,—въ самой счетной и денежной системахъ могло отразить ся вліяніе племеннаго смѣшенія и выработать ся новая система. Можно только предполагать, что славянство, въ силу своего физическаго и культурнаго превосходства, во всемъ сохранило главенство и оказало преобладающее вліяніе на всѣ стороны общественной жизни надъ коренными жителями. Эпоха, предшествовавшая началу торговыхъ сношеній съ арабами, была бѣдна драгоцѣнными металлами, и нѣкоторыя общины сѣверной и средней Руси, для мѣстныхъ торговыхъ нуждъ и размѣна крупныхъ цѣнностей шкурокъ цѣнныхъ звѣрей, могли пользоваться условными знаками, замѣнявшими размѣнную монету. Конечно, распространеніе условныхъ денежныхъ знаковъ ограничивалось только предѣлами общинъ, которые вводили подобныя деньги. Значительная изолированность областей, отсутствіе тѣсной связи между ними, недостатокъ объединяющей власти дѣлали невозможнымъ обращеніе условныхъ денегъ въ широкихъ размѣрахъ. Но мѣстное употребленіе ихъ не могло встрѣтить препятствій; такъ что эта эпоха является единственною въ жизни русскаго народа, когда возможно было введеніе и пользованіе кожаными и всякими другими условными деньгами въ общинахъ, имѣвшихъ между собою торговую или иную связь.

Черезъ четыре вѣка, именно въ половинѣ XI столѣтія, вскорѣ послѣ перерыва торговыхъ сношеній съ Восточнымъ Халифатомъ, когда прекратился притокъ монеты и серебра изъ Азіи въ сѣверную и среднюю Русь, несомнѣнно населеніе Россіи испытывало большой недостатокъ въ монетѣ. Торговыя сношенія съ западною Европою не могли возмѣстить пріостановку торговли съ арабами, и привозъ драгоцѣнныхъ металловъ въ монетѣ и слиткахъ изъ Европы далеко не равнялся количеству серебра, получаемаго до начала XI вѣка изъ Азіи. Длинный рядъ усобицъ, возникшихъ между русскими князьями послѣ смерти Вел. Кн. Ярослава и сопряженныхъ съ усобицами разореніе народа и подрывъ торговли, пагубно отражались на экономическомъ благосостояніи страны и расшатывали денежную систему, извлекая изъ обращенія золото и серебро на наемъ иноземныхъ дружинъ и другія денежныя затраты, неизбѣжныя при частыхъ внутреннихъ войнахъ. Въ это время, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной и средней Руси, особенно потерпѣвшихъ отъ пріостановки выгодной торговли съ Азіею, торговое и промышленное населеніе могло чувствовать большой недостатокъ въ монетѣ, и для облегченія торговыхъ разсчетовъ и мелкихъ уплатъ могло ввести въ обращеніе условные денежные знаки. Подобная мѣра могла явиться, по почину частныхъ лицъ или мѣстныхъ торговыхъ корпорацій; но правительства отдѣльныхъ княжествъ не имѣли возможности прибѣгать къ такимъ мѣропріятіямъ, по причинѣ установившагося обычая перемѣщаться изъ одной области въ другую, по смерти одного изъ князей. Порядокъ перемѣщенія князей совершался на основаніи правъ родоваго старшинства, и почти постоянно сопровождался враждою и раздорами между князьями. Такая неустойчивость правительства въ областяхъ и возможность смѣны одного князя другимъ, не говоря уже о другихъ обстоятельствахъ, представляли важное препятствіе для выпуска условныхъ денежныхъ знаковъ князьями отдѣльныхъ областей: условныя деньги, выпущенныя тѣмъ или другимъ княземъ, не могли войти въ обращеніе даже въ предѣлахъ одного княжества, потому что онѣ не представляли продолжительной и надежной обезпеченности въ оплатѣ дѣйствительною цѣнностью, присвоенному тому или другому денежному знаку. Первымъ условіемъ для свободнаго обращенія въ народѣ условныхъ денегъ полагается довѣріе къ нимъ, т. е. полная увѣренность, что въ каждое время условный денежный знакъ можно легко и безпрепятственно обмѣнить на соотвѣтствующее его условной цѣнности количество золота или серебра, или какую нибудь иную дѣйствительную цѣнность. На Руси, со смертію старшаго князя, другіе князья перемѣщались изъ одного удѣла въ другой, по степенямъ старшинства. Выпущенныя однимъ княземъ условныя деньги, являлись бы долговымъ обязательствомъ для его преемника; при княжескихъ раздорахъ и несогласіяхъ, мудрено предположить, чтобы княжескіе выпуски условныхъ денегъ не представляли опасности потерять всякое значеніе. Наконецъ, могло возникнуть множество другихъ злоупотребленій условными деньгами какъ въ размѣрахъ ихъ выпуска, такъ и въ обезпеченности оплаты. При употребленіи подобныхъ условныхъ денегъ, неизбѣжно явилась бы разстройство въ денежной системѣ и полный упадокъ довѣрія къ нимъ. Итакъ, въ XI и XII столѣтіяхъ, не смотря на существованіе многихъ условій, благопріятствовавшихъ появленію условныхъ денежныхъ знаковъ, политическій строй Россіи препятствовалъ князьямъ ввести ихъ въ обращеніе.

ваетъ намъ на ограниченность ихъ употребленія среди племенъ древней Руси. При повсемѣстномъ и общемъ пользованіи вѣсами во всѣхъ денежныхъ разсчетахъ, маленькіе вѣсы должны были-бы имѣть обширное распространеніе и несомнѣнно ихъ находили бы въ большомъ числѣ въ древнихъ могилахъ, потому что употребленіе вѣсовъ въ древне—славянской жизни являлось бы насущною потребностью, при одной вѣсовой системѣ обращенія монеты и серебряныхъ слитковъ. Похоронный обрядъ того времени требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣломъ умершаго были положены въ могилу какъ орудія жизненной дѣятельности усопшаго, такъ и нѣкоторые предметы изъ его домашняго обихода; благодаря этому обычаю, въ древнихъ могилахъ мы находимъ разныя бытовыя вещи нашихъ предковъ.

Мѣра, вѣсъ и денежная система существовали у славянскихъ племенъ задолго до призванія князей. Обычаи старины, по отношенію къ пользованію мѣрою и вѣсомъ, при первыхъ Кіевскихъ князьяхъ были закрѣплены княжескими уставами и строго охранялись отъ злоупотребленій. «Св. Владиміръ въ своемъ церковномъ уставѣ объявилъ мѣру и вѣсъ чѣмъ то священнымъ и неприкосновеннымъ, и передалъ наблюденіе за ними духовной власти и надзору, говоря: «а мѣры и вѣсы святителямъ блюсти» (35). «Пискупу блюсти безъ пакости, ни умаляти, ни умножати, за все то дади ему слово въ день суда великаго, якоже и о душахъ человѣческихъ» (36). Наши древнія лѣтописи часто упоминаютъ о мѣрѣ, вѣсѣ, денежныхъ единицахъ, а также о вѣсцахъ, и обозначаютъ размѣръ платы общественному вѣсцу за взвѣшиваніе того или другого предмета... «Латинескому дати отъ двою канію вѣску вѣсци купа Смоленская. Купить латинескій гривну злата, даетъ вѣсити, дати ему вѣсцѣ ногата Смоленская, аже продасть не дати ничегоже. Аже Латинскій купить суды серебренные, дати ему вѣсцю отъ гривны серебра по ногатѣ Смоленской; аже продасть не дати ничего же. Аже Латинескій купить гривну серебра, дати ему вѣсцю двѣ вѣкши; аже продасть, недати ничего же. Аже Латинескій дастъ серебро пожегати, дати ему отъ гривны серебра куна Смоленская» (37).

Въ монетныхъ кладахъ, открываемыхъ въ средней Россіи, находили и находятъ, кромѣ денегъ собственно русскаго чекана, большое количество татарской монеты; на югѣ и юго-западѣ Россіи нерѣдко попадались клады, состоявшіе изъ однѣхъ византійскихъ, римскихъ и западно-европейскихъ монетъ. Многіе изъ нашихъ историковъ и нумизматовъ не сомнѣваются, что какъ клады съ русскими монетами, такъ и клады съ одними византійскими, западно-европейскими и татарскими монетами представляютъ деньги, имѣвшія въ разныя эпохи обращеніе на Руси, въ видѣ ходячей монеты, а не товара. Въ монетныхъ же кладахъ IX-го, X-го и начала XI-го столѣтій, состоящихъ изъ арабскихъ монетъ, большинство нашихъ нумизматовъ не рѣшалось видѣть остатковъ и представителей металлической ходячей монеты, которою древняя Русь пользовалась не менѣе трехъ вѣковъ; не рѣшалось только потому, что арабскіе клады, разсыпанные по всѣмъ областямъ древней Руси, содержали почти исключительно одни куфическія монеты, тогда какъ нашимъ нумизматамъ желательно было найти или металлическую русскую монету, или хотя какое нибудь своеобразное, условное подраженіе ей, въ родѣ кожаныхъ лоскутковъ, мордокъ и т. п. Къ сожалѣнію, ни клады IX и X-го столѣтій, ни всѣ позднѣйшіе, до XIV столѣтія, кромѣ кіевской монеты В. К. Владиміра, Святополка и Ярослава,—ничего подобнаго намъ не доставили. Вообще, до начала XI вѣка, монетъ русскаго чекана мы не знаемъ (серебряныя гривны—слитки нельзя относить къ монетѣ опредѣленнаго чекана); да ихъ не могло и быть, вслѣдствіе обособленности древне-русскихъ областей и отсутствія общаго для всей Руси правительства. Когда же началось сліяніе отдѣльныхъ русскихъ областей въ одинъ государственный организмъ, когда древняя Русь получила объединяющаго представителя власти въ лицѣ В. К. Кіевскаго, и когда явилась нужда въ размѣнныхъ деньгахъ (частяхъ кунной гривны), начался чеканъ русской монеты. Распространеніе южно-русской монеты въ сѣверной и средней Руси, вѣроятно, было весьма ограниченно, потому что въ извѣстныхъ монетныхъ кладахъ XI-го вѣка, найденныхъ въ названныхъ областяхъ, до настоящаго времени не было открыто ни одной цѣлой монеты южно-русскаго чекана, если не считать одинъ кусочекъ монеты Владиміра, найденный въ кладѣ, вырытомъ въ Псковской губерніи и разобранномъ Ю. Б. Иверсенымъ въ 1880 году (38). Такъ что въ XI стол., въ сѣверной и средней Руси по прежнему продолжали обращаться арабскіе диргемы и серебряные слитки, да небольшое количество западно-европейской и отчасти византійской серебряной монеты. Слѣдовательно, съ VIII-го и до конца XI-го столѣтія, въ сѣверной и средней Руси арабская монета сохранила свое пре-

(35) В. Н. Лешковъ—«Русскій народъ и Государство». Москва, 1858 г., стр. 173-ья.

(36) Дополненіе къ Актамъ историческимъ. Томъ I-й, стр. 2-ая.

(37) Собраніе Государств. Грам. и Догов. Томъ II, № 1-й.

(38) „Весь кладъ состоялъ изъ подобныхъ кусочковъ монетъ, между которыми были опредѣлены остатки монетъ: Константина XI-го (976—1025 г.), Іоанна Цимисхія (969—976), Василія и Константина (976—1025), Оттона III-го и Адельгейды (983—996), много монетъ Этельреда (978—1016) и ни одной Канута (1016—1035), наконецъ кусокъ монеты Болеслава Чешскаго (999—1002), вѣсомъ въ 9-ть долей". Древнѣйшія русскія монеты Вел. Кн. Кіевскаго.—Графа Ив. Ив. Толстаго. Стр. 14-ая.

обладающее значеніе и продолжала служить нашимъ предкамъ обыкновенною ходячею монетою, остатки которой мы находимъ въ кладахъ той эпохи. Иной взглядъ на клады съ куфическими монетами представляетъ явную непослѣдовательность, потому что относительно причинъ ихъ нахожденія въ Россіи, между учеными существуетъ почти полное сходство взглядовъ: за рѣдкими исключеніями, всѣ ученые приписывали нахожденіе кладовъ съ диргемами торговымъ сношеніямъ сѣверо-восточной Европы съ востокомъ; но только немногіе изъ нашихъ ученыхъ утверждали, что арабская монета была ходячею русскою монетою (Х. М. Френъ, П. С. Савельевъ, Б. В. Кёне, И. А. Бартоломей и особенно И. Е. Забѣлинъ). Между тѣмъ основательно доказано и большинствомъ ученыхъ признано, что въ древней Руси была значительная внутренняя торговля и обширныя внѣшнія торговыя сношенія съ востокомъ, западомъ и югомъ, было общественное и экономическое развитіе, существовали промыслы, были мѣры, вѣсъ, денежная система, множество монеты, сначала одной арабской, позднѣе появились—западно-европейская и византійская. Было на Руси, какъ оказывается, все что обыкновенно бываетъ у народовъ, стоящихъ на значительной ступени развитія. Самый же факторъ, главный нервъ внутренней и внѣшней торговли и экономическихъ отношеній, деньги, какъ бы отсутствовали на Руси.

Выше была разсмотрѣна несостоятельность предположеній объ употребленіи на Руси условныхъ кожаныхъ знаковъ вмѣсто денегъ, и такъ какъ съ VIII ст. древняя Русь не имѣла условныхъ денежныхъ знаковъ, что можно считать вполнѣ доказаннымъ, то несомнѣнно она пользовалась металлическою монетою и и слитками. Нельзя же серьезно думать, что народъ, давно вышедшій изъ дикаго состоянія, осѣвшій на рѣчныхъ путяхъ, связующихъ сѣверо-восточную Европу съ Азіей, сѣверную, среднюю и южную Русь съ западною Европою, Византіею и Восточнымъ Халифатомъ, имѣвшій, благодаря торговлѣ, много иноземной монеты и благородныхъ металловъ,—ухитрялся производить всѣ сложныя функціи металлическихъ денегъ одними звѣриными шкурками, да лоскутками условныхъ кожаныхъ денежныхъ знаковъ и вѣсовымъ употребленіемъ серебра. Такое представленіе о русской денежной системѣ, VIII-го, IX-го и послѣдующихъ вѣковъ, нетолько не согласуется съ наличными остатками указанной эпохи и лѣтописными свидѣтельствами, но прямо имъ противорѣчитъ.

Извѣстные клады IX-го, X и XI-го столѣтій раскрываютъ передъ нами, въ серебряныхъ слиткахъ опредѣленнаго вѣса, диргемахъ и частяхъ диргемовъ, дѣйствительные капиталы нашихъ предковъ и характерныя особенности древне-русской денежной системы. Было открыто нѣсколько кладовъ, которые содержали образцы русскихъ денегъ, начиная съ высшей монетной единицы (гривны) и кончая мелчайшими вѣсами. Въ этихъ кладахъ были цѣлые серебряные округло-четырегранные прутики (древнѣйшія гривны восточной отливки) и части ихъ (половины, четверти), диргемы и разнообразныя части диргемовъ, правильной обрѣзки и опредѣленнаго вѣса, служившія размѣнною монетою диргемовъ (кунъ). Къ сожалѣнію, въ этихъ интересныхъ находкахъ не хотѣли видѣть подлинныхъ представителей древне-русской ходячей монеты, и потому много рѣдкаго и важнаго матеріала безвозвратно утрачено ([39]).

Отрицать важное значеніе кладовъ съ куфическими монетами въ разрѣшеніи вопроса о древне-русской денежной системѣ—невозможно: такое отрицаніе было бы понятно и, пожалуй, основательно, при наличности въ этихъ же или другихъ современныхъ имъ кладахъ металлической монеты русскаго чекана или какихъ либо знаковъ изъ другого матеріала, которые можно было-бы принять за русскія условныя деньги той эпохи. Но до сего времени ничего подобнаго не было найдено (мы говоримъ о сѣверной и средней Руси). Наши лѣтописи и другіе источники вполнѣ убѣждаютъ насъ въ существованіи внѣшней торговли и разноцѣнныхъ монетныхъ единицъ на Руси. Безспорно—монета была на Руси,—и мы находимъ ее въ кладахъ IX, X и XI столѣтій. За кладами съ арабскими монетами нужно признать ихъ истинное значеніе и разсматривать серебряные слитки, диргемы и части ихъ, какъ русскую ходячую монету, которая начала обращаться на Руси съ VIII столѣтія.

Древне-русская денежная система имѣла повсемѣстно одноименную основную и высшую монетную единицу (гривну), которая при сходствѣ отношеній между своими составными мелкими частями представляла вѣсовыя различія въ разныхъ областяхъ древней Руси. Такъ—мы замѣчаемъ вѣсовое отличіе между кіевскою гривною и старою новгородскою (кунною). Въ послѣдствіи, въ XII ст. возникло новое вѣсовое различіе между гривною серебра, которую приняли Новгородцы (марочная гривна въ $^1/_2$ ф. серебра) и кунною гривною, продолжавшею обращаться какъ у Новгородцевъ, такъ въ средней и сѣверо-восточной Руси. До XII ст. на Руси употреблялась кунная гривна, содержащая въ себѣ опредѣленное число кунъ (диргемовъ).

Кромѣ того существовали мѣстныя особен-

([39]) Весьма желательно, чтобы наши ученыя архивныя комиссіи, повозможности, внимательно слѣдили за кладами съ куфическими монетами и оберегали ихъ отъ истребленія, и публиковали свѣдѣнія объ этихъ находкахъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда найденныя монеты не поступали въ распоряженіе комиссій. Клады съ арабскими монетами представляютъ цѣнный матеріалъ для уясненія многихъ бытовыхъ сторонъ древне-русской жизни, о которыхъ мы не имѣемъ никакихъ письменныхъ памятниковъ.

ности въ денежной системѣ, которыя вытекали главнымъ образомъ изъ географическаго положенія славянскихъ областей, а также изъ временныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, которыя совершались въ той или другой древне-русской области. Такъ что древняя русская денежная система не имѣла постояннаго тожественнаго сходства и повсемѣстнаго однообразія въ обращающейся монетѣ. Мы видимъ, что въ средней и сѣверной Руси почти исключительно обращалась одна серебряная арабская монета и серебряные слитки, первоначально восточной отливки (длинные четырегранные серебряные прутики кладовъ IX, X и начала XI вѣка). Покрайней мѣрѣ находки золотыхъ арабскихъ монетъ, золотыхъ слитковъ, византійскихъ и западно-европейскихъ монетъ неизвѣстны и до сего времени не оказывались въ кладахъ IX и X-го столѣтія, найденныхъ въ Окскомъ, верхне-и-средне Волжскомъ и верхне-Днѣпровскомъ бассейнахъ. Такое предпочтеніе серебра и серебряной арабской монеты объясняется преобладающимъ направленіемъ торговыхъ сношеній: здѣшняя внѣшняя торговля велась преимущественно съ востокомъ; серебро и монета шли сюда изъ Восточнаго Халифата. У арабовъ же чеканили въ большомъ количествѣ серебряную монету, золотой монеты выпускали мало, особенно въ Мавераннегрѣ при Саманидахъ. Затѣмъ для Окскаго, верхне и средне-Волжскаго бассейновъ, сверхъ торговыхъ условій, можно допустить еще и мѣстное племенное предпочтеніе серебра золоту, которое сохранили и, быть можетъ, отчасти передали славянамъ коренные жители этихъ областей,—финны и чудь. Въ эту эпоху торговля съ западною Европою и Византіею сравнительно была незначительна. Ока и Волга представляли удобный путь къ городамъ—Булгару и Итилю, гдѣ славяне находили постоянный и большой спросъ на свои товары и ежегодно привозили ихъ для продажи въ эти города.

Тѣ же рѣки служили и булгарскимъ купцамъ открытою дорогою къ областямъ, заселеннымъ славянскими и финскими племенами, для торговыхъ цѣлей. Вотъ чѣмъ объясняется въ арабскихъ кладахъ нахожденіе одного серебра.

Въ Кіевской Руси, вмѣстѣ съ диргемами, была въ обращеніи и византійская монета, вмѣстѣ съ серебромъ обращалось и золото, благодаря близости Византіи. Но и въ здѣшнихъ монетныхъ находкахъ золото встрѣчается очень рѣдко.

Тоже было въ Новгородской и Поморской Руси, съ тою разницею, что, нѣсколько позднѣе, вмѣстѣ съ диргемами у Новгородцевъ и Поморцевъ обращалась въ значительномъ количествѣ западно европейская монета, преимущественно—германская (императ. Оттоновъ и Генриха), англійская (Этельреда II и Кнута) и позднѣе—датская и отчасти шведская.

Но преобладающей и повсемѣстно распространенной на Руси монетой, съ VIII-го и до конца XI-го столѣтія, была арабская монета.

Это мнѣніе было высказано еще упокойнымъ Х. М. Френомъ, посвятившимъ всю жизнь изученію восточной нумизматики. Знаменитый оріенталистъ утверждалъ, что *Славяноруссы X-го вѣка употребляли у себя арабскіе диргемы на ряду съ монетами византійскими* (40).

П. С. Савельевъ также придавалъ кладамъ съ арабскою монетою, находимыхъ въ Европейской Россіи, важное значеніе и сверхъ того предугадывалъ прямое отношеніе диргемовъ и частей ихъ къ древне-русской денежной системѣ (41).

Б. В. Кене раздѣлялъ тоже мнѣніе,—онъ писалъ: «Западно-европейскія монеты, также какъ и *арабскіе диргемы были для Россіи древнѣйшими металлическими деньгами*»..... «Вообще арабскіе диргемы находятъ въ такомъ множествѣ на сѣверѣ, что можно думать, что *здѣсь они нѣкогда составляли государственную монету*» (42).

И. А. Бартоломей, въ письмѣ къ г. Кунику отъ 12 января 1861 года, писалъ: «Въ Россію начали привозить куфическіе диргемы въ VIII столѣтіи; этотъ привозъ усилился въ IX, еще болѣе усилился въ первой половинѣ X-го»... и далѣе,—«Слѣдовательно, при Св. Владимірѣ большіе тонкіе саммапидскіе диргемы, которые такъ часто находятъ въ русскихъ кладахъ, *были еще въ значительномъ обращеніи*»... Къ этимъ выдержкамъ нашъ извѣстный знатокъ русской нумизматики, графъ Ив. Ив. Толстой, отъ себя прибавляетъ: «Глубже изслѣдовать этотъ вопросъ мы не можемъ, не будучи знакомы съ восточной нумизматикой; *но обращаемъ на него вниманіе спеціалистовъ, такъ какъ рѣшеніе его можетъ повести къ интереснымъ открытіямъ*» (43).

Наблюдательный умъ нашего археолога и нумизмата давно постигъ важность изслѣдованій кладовъ съ куфическими монетами для уясненія древне-русской денежной системы.

Уважаемый историкъ—И. Е. Забѣлинъ о значеніи арабской монеты пишетъ: „Наиболѣе многочисленны монеты 8, 9 и 10 в.в... Онѣ попадаются цѣлыми и рѣзаными на куски, половины, четверти. *Очень вѣроятно и даже очевидно, что эти диргемы и ихъ обрѣзки ходили по всей Руси, какъ своя народная мо-*

---

(40) Frähn—„Ibn Foszlan"

(41) Записки Импер. Арх. Общ. томъ V, отд. 2-е, стр. 58-я. Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстны мысли П. С. Савельева, высказанныя имъ по поводу найденнаго клада съ большимъ количествомъ дробленныхъ диргемовъ,—объ отношеніи этихъ дробей диргемной единицы къ древне-русской монетной системѣ.

(42) Б. В. Кене—„Описаніе европейскихъ монетъ, найденныхъ въ Россіи."—Записки Импер. Арх. Общ. томъ IV-й, стр. 2—3 и 36-я.

(43) Графъ Ив. Ив. Толстой—„Древнѣйшія русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго", стр. 136-я.

нета, и непремѣнно обозначались русскими именами, въ родѣ кунъ, рѣзанъ, виверицъ, вѣжицъ и т. п." (44). Кажется, никто изъ русскихъ ученыхъ съ большею ясностью и опредѣленностью не предрѣшалъ этого важнаго вопроса.

Нашъ извѣстный оріенталистъ и нумизматъ В. К. Трутовскій, насколько мнѣ извѣстно, раздѣляетъ тоже воззрѣніе на роль диргемовъ въ древне-русской денежной системѣ.

Общественный строй славянскихъ племенъ и естественныя условія областей, занятыхъ ими, не представляли благопріятныхъ условій для установленія и введенія однообразной русской металлической монеты. Русь еще не сложилась въ одно сплоченное цѣлое, не имѣла тѣсной, прочной связи и широкаго единенія между своими составными частями. Каждая область представляла, хотя и незначительныя, географическія, племенныя и этнографическія особенности, которыя, при сравнительно рѣдкомъ населеніи и отсутствіи постоянныхъ обширныхъ сношеній съ дальними своими соплеменниками, раздѣляли древнюю Русь на обособленныя части Это обстоятельство препятствовало введенію въ обращеніе однообразной русской монеты, хотя въ то время не было ни малѣйшаго недостатка въ серебрѣ: благородные металлы шли въ Россію съ востока, юга и запада, благодаря постояннымъ торговымъ сношеніямъ съ сосѣдними и отдаленными странами. Тѣмъ не менѣе время чекана русской монеты еще не приспѣло.

Но этотъ повидимому важный недостатокъ одного изъ главныхъ факторовъ экономическихъ отношеній и торговли ничему не мѣшалъ и былъ удовлетворительно замѣщенъ арабскою монетою, которая ежегодно переходила въ большомъ количествѣ изъ Азіи въ сѣверо-восточную Европу. Нашимъ предкамъ оставалось только приспособить готовую монету иноземнаго чекана къ издавна установившимся отношеніямъ своихъ денежныхъ цѣнностей.

Древняя Русь такъ и поступила: она соразмѣрила свои гривны, ногаты, куны, рѣзаны, виверицы и проч. съ арабскими диргемами и приняла ихъ за свою ходячую монету, подъ именемъ кунъ и рѣзанъ. Русь не знала еще монетныхъ дворовъ и министерства финансовъ, то и другое было предоставлено заботамъ арабовъ; но это обстоятельство нисколько не мѣшало диргему сдѣлаться совершенно русскою монетою.

Почти всѣ народы какъ азіатскіе, такъ и европейскіе, до введенія въ обращеніе денегъ собственнаго чекана, пользовались, иногда цѣлые вѣка, монетой сосѣднихъ народовъ, ранѣе сложившихся въ организованное государственное тѣло, и употребляли чужую монету какъ свою собственную. На Руси повторилось тоже явленіе, и Русь, болѣе трехъ вѣковъ, для своего денежнаго хозяйства имѣла иностранную монету, которая свободно обращалась въ нашемъ отечествѣ, благодаря тому, что была вполнѣ приспособлена къ древне-русскимъ денежнымъ цѣнностямъ.

Въ VIII вѣкѣ диргемъ представлялъ монетную единицу значительной цѣнности; для размѣна, торговли и повседневнаго обихода нужны были болѣе мелкія деньги, которыя могли бы замѣнить прежнія небольшія условныя цѣнности, употреблявшіяся нашими предками до введенія металлическихъ денегъ, и извѣстныя подъ именемъ бѣлей, векшицъ и проч. Затрудненіе въ недостаткѣ мелкой ходячей монеты было устранено довольно просто: диргемы рубили или обрѣзали на части, соотвѣтствовавшія по вѣсу (конечно приблизительно) стоимости мелкихъ условныхъ цѣнностей и, такимъ образомъ, получалось нужное количество размѣнныхъ серебряныхъ денегъ, въ видѣ половинокъ, третей, четвертей и т. д. Клады съ куфическими монетами нерѣдко содержатъ большое количество подобной мелочи. Въ моей многолѣтней практикѣ часто случалось видѣть и опредѣлять вѣсъ такихъ рѣзанцевъ.

Нахожденіе въ нашихъ кладахъ съ арабскими монетами болѣе или менѣе значительнаго количества обрѣзныхъ, рубленыхъ и ломаныхъ частей диргемовъ также служитъ доказательствомъ тому, что диргемы и части ихъ употреблялись на Руси, какъ общепринятая ходячая монета.

Вопросъ о назначеніи частей диргема служить размѣнною монетою только слегка затрогивался въ нашей нумизматической литературѣ, но никѣмъ не разсматривался подробно; поэтому я позволю себѣ остановиться на немъ и изложить главные доводы въ его пользу, оставляя подробности до слѣдующей моей статьи — «Отношеніе диргемовъ къ древнерусскимъ цѣнностямъ», — которая будетъ опубликована въ непродолжительномъ времени.

П. С. Савельевъ, по поводу частей диргемовъ, писалъ: „Другая отличительная черта кладовъ съ куфическими монетами, находимыхъ въ сѣверо-восточной Европѣ, состоитъ въ большомъ числѣ монетъ ломанныхъ или рубленыхъ — явленіе, котораго *вовсе не представляютъ подобныя находки въ Азіи, Африкѣ, на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ Сициліи. Что эти обломки монетъ не случайно погребены вмѣстѣ съ цѣльными, доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ кладахъ ихъ несравненно болѣе, нежели цѣльныхъ:* на островѣ Эландѣ, напримѣръ, вырытъ былъ кладъ, заключавшій въ себѣ до осьми сотъ обломковъ и только сорокъ цѣльныхъ монетъ. Въ другихъ найдено почти равное число цѣльныхъ и ломанныхъ. *Явно, что обломки эти обязаны своимъ происхожденіемъ не простому случаю.* Попадают-

(44) П. Е. Забѣлинъ — „Исторія Русской жизни", Томъ II, стр. 373-ья.

ся даже нѣкоторыя цѣльныя монеты, нарочно надрубленныя на-двое или на четвертинки, такъ что легко раздѣлить ихъ на части. Иныя согнуты, и также легко могли быть разломаны пополамъ..... *Все это показываетъ, что и обломки монетъ имѣли значеніе въ торговлѣ Востока съ Сѣверомъ: по недостатку въ мелкой серебряной и мѣдной монетѣ, они употреблялись для уплаты цѣнностей менѣе дирема*, или для пополненія вѣса, когда диргемы принимались на вѣсъ... *Для изображенія цѣнностей менѣе дирема въ иноземной торговлѣ придумали рубить диргемы на двѣ, на три, на четыре части, и, такимъ образомъ, получали полудиргемы, треть диргемы, четверть диргемы, и такъ далѣе.* Купцы Бухары и Самарканда надрѣзывали или надламывали часть диргемовъ, которые брали съ собою въ Булгарію, и, смотря по нуждѣ, могли уплачивать ими цѣну цѣльнаго диргема или дроби его... Итакъ мы видимъ, что серебряныя монеты рубились или надрѣзывались на мѣстѣ, передъ отправленіемъ въ Русь. Кромѣ употребленія въ торговыхъ сношеніяхъ, ломанные диргемы предназначались, *можетъ быть*, также для уплаты пошлины владѣтелямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя должны были проходить караваны». (45).

Предположенія П. С. Савельева о назначеніи дробленой монеты для оплаты предметовъ, стоимость которыхъ была менѣе диргема,—совершенно справедливы; но нельзя согласиться съ тѣмъ, что заготовка частей диргемовъ производилась исключительно въ Бухарѣ, Самаркандѣ или другихъ городахъ Восточнаго Халифата. Въ то время мѣстная азіатская торговля не нуждалась въ рубленыхъ частяхъ диргемовъ, потому что въ обращеніи имѣлась мѣдная размѣнная монета,—фельсы. Въ азіатскихъ кладахъ съ куфическими монетами до сего времени нигдѣ не было открыто ломаныхъ и рубленыхъ частей диргемовъ, на что П. С. Савельевъ указывалъ, какъ на отличіе этихъ кладовъ отъ найденныхъ въ сѣверо—восточной Европѣ. Въ кладахъ, найденныхъ въ Азіи за послѣднія тридцать лѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, также не попадались части диргемовъ. Покрайней мѣрѣ, извѣстныя коллекціи восточныхъ монетъ генерала А. В. Комарова (46) и Н. П. Линевича, (47) собранныя въ предѣлахъ Закаспійскаго края и подробно изслѣдованныя и описанныя нашимъ извѣстнымъ оріенталистомъ—нумизматомъ, барономъ В. Г. Тизенгаузенъ, не представили никакихъ частей, нетолько рубленыхъ и ломаныхъ, но даже правильно обрѣзанныхъ въ видѣ кружечковъ. Если-бы въ Хивѣ и Бухарѣ встрѣчались въ кладахъ подобные вырѣзки или части диргемовъ, то они могли попасть въ названныя большія коллекціи, и конечно не ускользнули бы отъ изощреннаго опытомъ и знаніями взгляда В. Г. Тизенгаузена.

Въ началѣ 1890 года мнѣ пришлось пріобрѣсти у полковника Г. А. Арендоренко небольшую коллекцію золотыхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ восточныхъ монетъ, собранную имъ, въ теченіе 17-ти лѣтней службы, въ разныхъ мѣстахъ Закаспійскаго края. Г. Арендоренко, какъ любитель старины, получалъ монеты, вмѣстѣ съ разными древними предметами, изъ случайно найденныхъ кладовъ, городищъ и могильниковъ. Въ окрестностяхъ Хивы, Бухары, Самарканда и Ташкента нерѣдко находятъ клады съ куфическими монетами; нѣсколько монетъ изъ этихъ кладовъ поступило въ коллекцію г. Арендоренко; но ему не случалось ни видѣть, ни слышать, чтобы въ подобныхъ кладахъ, вмѣстѣ съ цѣлыми диргемами, находили дробленыя части монетъ. Замѣчательно, что въ нашихъ юго-восточныхъ губерніяхъ, до настоящаго времени, также неизвѣстны арабскіе клады, въ которыхъ содержались бы рубленыя или обрѣзныя части диргемовъ.

Итакъ мы пока еще не имѣемъ никакихъ основаній предполагать заготовку рѣзанцевъ для торговыхъ и иныхъ нуждъ въ самой Азіи. Если же въ Азіи не было въ обращеніи дробленыхъ диргемовъ, то, понятно, они не могли оттуда переходить въ Русь вмѣстѣ съ цѣлыми диргемами. Изготовленіе въ Азіи этихъ частей спеціально для торга съ Русью нельзя допустить по тому простому соображенію, что арабскимъ купцамъ незачѣмъ было преждевременно портить монету: разрубить нѣсколько диргемовъ на части они легко могли въ г. Итилѣ или Булгарѣ, когда являлась надобность въ мелочи. Арабскіе купцы имѣли дѣло не съ мелкими прочышленниками, но съ торговцами, которые привозили въ Итиль или Булгаръ значительное количество товаровъ для продажи, и вѣроятно сбывали его арабамъ не поштучно, а цѣлыми партіями, за которыя арабы уплачивали довольно крупныя суммы; но, во всякомъ случаѣ, не части диргемовъ. Намъ извѣстно, что Булгары зорко блюли за тѣмъ, чтобы арабскіе купцы не вздумали проникать въ глубь Руси, въ верхне—Волжскій или Окскій бассейны. Такія попытки со стороны арабовъ были-бы не въ интересахъ Булгаръ и они усердно запугивали арабовъ разсказами небылицъ о невѣроятной дикости и свирѣпости племенъ, доставлявшихъ шкурки цѣнныхъ звѣрей и другіе товары. Арабы не рѣшались пускаться далѣе города Булгара и потому не могли производить мелочной скупки товаровъ на мѣстѣ ихъ добычи или производства и такимъ путемъ заносить на Русь дро-

(45) П. С. Савельевъ— «Мухаммеданская Нумизматика», стр. XXVIII-ая и слѣд.

(46) В. Г. Тизенгаузенъ— «Новое собраніе восточныхъ монетъ А. В. Комарова». Записки Восточн. Отд. Импер. Арх. Общ. Томъ III-й, Вып. I-й и II-й.

(47) В. Г. Тизенгаузенъ— «Восточныя монеты Н. П. Линевича». Записки Вост. Отд. Импер. Арх. Общ. Томъ IV. Вып. III и IV-й.

бленыя части диргемовъ; слѣдовательно, и заранѣе заготовлять серебряную мелочь они не имѣли надобности. Развѣ только при торговыхъ разсчетахъ въ Итилѣ или Булгарѣ, уплачивая серебромъ на вѣсъ, могли рубить диргемы, когда не доставало какой нибудь мелкой вѣсовой единицы; но для этого требовалось немного обломковъ и обрѣзковъ.

Объяснять происхожденіе частей диргемовъ мѣстными сборами пошлинъ также невозможно. Мы не знаемъ существовалъ ли сборъ пошлинъ у племенъ, заселявшихъ средне-и верхне Волжскій и Окскій бассейны, до прибытія южнорусскихъ князей; да если и взимали пошлины съ иноземныхъ купцовъ (Булгаръ), которые часто привозили по Волгѣ и Окѣ товары, то можно положительно утверждать, что каждый булгарскій купецъ привозилъ товара не на одинъ или нѣсколько диргемовъ, а вѣроятно на тысячи, и пошлину съ товаровъ,—если только такое постановленіе было,—приходилось уплачивать не частями диргема, но десятками или сотнями цѣлыхъ диргемовъ.

А. Ѳ. Лихачевъ, въ своемъ интересномъ и богатомъ новымъ матеріаломъ изслѣдованіи биларскаго клада, пишетъ: «Самые арабскіе диргемы, которые могли бы играть роль монетныхъ единицъ, принимались въ торговлѣ не по счету, а на вѣсъ, и для того, чтобы пригнать его точнѣе, диргемы разрѣзывались и ломались на половинки, на три и на четыре части. Въ кладахъ съ куфическими монетами такихъ разрѣзанныхъ, или разломанныхъ диргемовъ встрѣчается множество; иногда ихъ численность значительно превосходитъ число цѣльныхъ монетъ. Такъ напр. по свидѣтельству Ледебура въ 1771 году на островѣ Оландѣ (Эландѣ) въ одномъ кладѣ съ арабскими диргемами найдено только 40 штукъ цѣльныхъ монетъ, тогда какъ обломковъ оказалось до 780. Въ кладахъ съ арабскими деньгами, находимыхъ въ Россіи, встрѣчались тоже подобные факты, и намъ лично случилось видѣть одинъ кладъ, относившійся ко второй половинѣ X вѣка, состоявшій изъ диргемовъ Саманидовъ и Бундовъ, найденный въ 1882 году, въ Нижегородской губерніи, въ которомъ количество обломковъ до такой степени преобладало, что цѣльныя монеты среди нихъ казались рѣдкими. Большинство рѣзанцевъ состояло изъ такихъ мелкихъ частицъ, что намъ не удалось извлечь ничего полезнаго для науки и пересмотръ ихъ былъ до того утомителенъ, что не достало терпѣнія ихъ всѣхъ пересчитать. Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что ломаные диргемы встрѣчаются только въ кладахъ Россіи и восточной Европы, что даетъ поводъ думать, что ломаные диргемы исключительно принадлежатъ къ тѣмъ капиталамъ, которые ввозились изъ Азіи въ Европу чрезъ Волжскую Булгарію, откуда переходили въ Россію и, черезъ Новгородъ, попадали на прибрежья Балтійскаго моря. Обычай употребленія ломаной серебряной монеты долженъ былъ возникнуть вслѣдствіи потребности въ мелкой размѣнной монетѣ, которую представляютъ собой мѣдныя деньги. Въ то же время употребленіе ломаной монеты свидѣтельствуетъ о томъ, что монета не имѣла значенія денежнаго знака, а играла роль товара, т. е. важна была не самая монета, а тотъ кусокъ металла, изъ котораго она была сдѣлана. Надписи, покрывавшія монету въ большинствѣ случаевъ даже не могли быть читаемы чужеземцами и, слѣдовательно, цѣлость монеты не имѣла для нихъ обязательнаго значенія и вся ея цѣнность сводилась къ тому количеству металла, которое заключала въ себѣ ея пластинка. Поэтому въ странахъ, гдѣ не существовало въ обращеніи мѣдныхъ денегъ и гдѣ серебряныя деньги принимались не счетомъ единицъ, а по вѣсу металла, было не трудно ввести употребленіе ломки монеты на части, смотря по надобности. Такимъ образомъ въ Волжской Булгаріи серебряная восточная монета въ торговлѣ имѣла не исключительное значеніе денегъ, въ смыслѣ платы, но скорѣе играла роль обмѣннаго товара» ([48]).

Выше мы разсматривали характеръ обращенія арабской монеты на Руси и пришли къ тому заключенію, что диргемы употреблялись какъ ходячая монета, а не какъ товаръ; при чемъ было упомянуто, что въ крупныхъ денежныхъ разсчетахъ несомнѣнно практиковался пріемъ монеты и слитковъ на вѣсъ. Въ Волжской Булгаріи употребленіе было то же самое, какое и на Руси. Если-бы Булгары производили уплаты диргемами исключительно только на вѣсъ, то имъ не зачѣмъ было-бы, при введеніи своего чекана, выпускать монету вполнѣ сходную по вѣсу и наружному виду съ арабскими диргемами.

Относительно мѣста заготовки частей диргемовъ мы также изложили свое мнѣніе, при разборѣ предположеній, высказанныхъ П. С. Савельевымъ. Поэтому мы не будемъ останавливаться на этихъ вопросахъ и перейдемъ къ выясненію назначенія дробленыхъ диргемовъ.

Части диргема не служили только довѣсками для уравненія вѣса отдѣльныхъ монетъ или большого числа ихъ. Это предположеніе вполнѣ опровергается характерными особенностями крупныхъ и мелкихъ частей диргемовъ. Онѣ найдены во многихъ извѣстныхъ кладахъ ([49])

([48]) А. Ѳ. Лихачевъ—«Драгоцѣнный кладъ, найденный въ Казанской губерніи въ 1882 году». Труды седьмаго Археологическаго съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г. Томъ II, стран. 184-ая.

([49]) Извѣстны слѣдующіе клады, содержавшіе большое количество рубленой монеты: Нижегородскій (сообщ. А. Ѳ. Лихачева); Московскій, найденный въ 1850 году въ имѣніи князя М. А Оболенскаго; Коростовскій кладъ, найденный въ 1891 году близъ г. Рязани, содержалъ на 15 цѣлыхъ монетъ болѣе 900 частей; Ораніенбаумскій кладъ, открытый лѣтомъ 1846 года, заключалъ въ себѣ болѣе тысячи ломаныхъ и рубленыхъ монетъ арабскихъ, англосаксонскихъ и нѣмецкихъ; Псковскій, описанный Ю. Б.

въ такомъ большомъ количествѣ, что, принимая рубленые и обрѣзные кусочки монетъ за простые довѣски, трудно объяснить причины такого скопленія ихъ въ кладахъ, въ которыхъ на одну цѣлую монету приходится по нѣсколько десятковъ мелочи. Для уравненія вѣса при уплатахъ не могло требоваться такой массы мелкихъ частей, какую случалось находить въ нѣкоторыхъ кладахъ. Подобные клады убѣждаютъ насъ въ томъ, что доли диргемовъ собирались и накоплялись, какъ мелкая ходячая монета, мѣстными промышленниками или мелкими торговцами, которые прятали въ землю собранный, можетъ быть многими годами, денежный капиталъ. Будь эта мелочь только довѣсками, то не находили бы кладовъ, въ которыхъ на нѣсколько цѣлыхъ диргемовъ имѣлись сотни мелочи.

Наружный видъ многихъ частей диргемовъ обнаруживаетъ очевидное стремленіе придать имъ правильную форму и опредѣленное вѣсовое отношеніе къ цѣлому диргему. Въ кладахъ съ арабскими монетами найдено множество правильныхъ половинокъ, третей, четвертей, восьмыхъ и болѣе мелкихъ частей диргемовъ. Сверхъ того, нерѣдко встрѣчаются между мелочью части диргемовъ, которымъ обрѣзкою придана форма кружечковъ или, вѣрнѣе, многоугольниковъ разнаго вѣса. Мнѣ случалось видѣть такіе кружечки, составлявшіе по вѣсу $^1/_3$ диргема. Въ Коростовскомъ кладѣ оказалось двадцать штукъ правильно обрѣзанныхъ кружковъ, изъ нихъ два были разрублены на половинки; вѣсъ ихъ былъ по 5 гранъ, а цѣлыхъ отъ 9 до 10 гранъ.

Даже допуская что $^1/_2$, $^1/_3$, $^1/_4$ и $^1/_8$ диргема получались случайно, при разрубаніи монетъ для уравненія вѣса въ торговыхъ разсчетахъ, никакъ нельзя думать, чтобы тратили время и трудъ на вырѣзку кружечковъ разной величины съ единственною цѣлью пользоваться ими какъ довѣсками, при уплатахъ серебромъ: для вывѣски серебра былъ пригоденъ всякій обломокъ и не было никакой надобности хлопотать о правильности ихъ формы и однообразіи вѣса. Въ кладахъ встрѣчаются подобные привѣски, представляющіе простой ломъ серебряныхъ вещей и монетъ; при этомъ нужно замѣтить, что число такихъ довѣсковъ бываетъ незначительное. По моему мнѣнію, нахожденіе въ кладахъ частей диргемовъ правильно обрѣзанныхъ служитъ яснымъ доказательствомъ, что этими кружками, а равномѣрно—половинками, третями, четвертями и болѣе мелкими частями диргемовъ, наши предки пользовались какъ мелкою ходячею монетою, представлявшею извѣстныя доли диргема (куны).

Потребность въ мелкой монетѣ для торговли и другихъ житейскихъ нуждъ существовала постоянно и это обстоятельство побуждало нашихъ предковъ рубить цѣлыя монеты на части разной величины. Такою мѣрою устранялась нужда въ размѣнной монетѣ и въ позднѣйшія эпохи: въ XI и XII вѣкахъ, когда притокъ арабской монеты прекратился, рубили на опредѣленныя части западно-европейскія и византійскія серебряныя монеты; при татарахъ дѣлалось тоже самое, и кромѣ того, быть можетъ, отчасти пользовались мелкою серебряною татарскою монетою; въ XV вѣкѣ—ломали и рубили на части серебряныя мордки и деньги и такимъ путемъ получали серебряную мелочь. Сверхъ того, уже были введены въ обращеніи мѣдные пулы ([50]). Такой порядокъ домашняго приготовленія размѣнной монеты держался на Руси до XVIII столѣтія и вызывался недостаткомъ мелкой ходячей монеты. Та же самая причина вынуждала нашихъ предковъ въ VIII, IX и X ст. рубить и обрѣзать диргемы.

Въ Русской Правдѣ говорится о рѣзахъ и рѣзничествѣ (процентахъ и ростовщичествѣ): «Аще кто куны даетъ въ рѣзы».. Отдавать куны въ рѣзъ значило отдавать деньги въ ростъ. Это выраженіе несомнѣнно первоначально имѣло буквальный смыслъ: отдавать куны въ рѣзъ—значило ссужать диргемами для дробленія ихъ на мелкія части. Въ древней Руси не было ссудныхъ учрежденій; мелкіе торговцы обращались за ссудами къ богатымъ людямъ того времени; брали у нихъ за опредѣленный процентъ куны на время производства своихъ торговыхъ оборотовъ, именно—на скупку у мѣстныхъ промышленниковъ шкурокъ звѣрковъ и другихъ предметовъ торговли того времени. Какъ и въ настоящее время кулаки разъѣзжаютъ по деревнямъ и селамъ и закупаютъ по мелочамъ ленъ, шерсть, льняное сѣмя

Иверсеньмъ въ 1880 году, состоялъ исключительно изъ рубленыхъ византійскихъ и западно-европейскихъ монетъ; Могилевскій,—описанный Х. М. Френомъ, состоялъ изъ 1300 цѣлыхъ монетъ и нѣсколько сотъ рубленыхъ диргемовъ; кладъ, найденный въ 1796 году въ Курляндіи, близъ городка Гробина, содержалъ болѣе ста куфическихъ монетъ, изъ которыхъ большая часть была разрубленныхъ, пополамъ. У г. Ледебура описано множество арабскихъ кладовъ, найденныхъ въ Прибалтійскихъ областяхъ Швеціи Даніи, Германіи и на островахъ Балтійскаго моря. Клады особенно богатые частями диргемовъ были найдены близъ древнихъ городовъ поморскихъ славянъ.

([50]) Въ 1891 году, въ Рязанской губ., въ Спасскомъ уѣздѣ, въ селѣ Запольѣ былъ найденъ кладъ серебряныхъ мордокъ В. К. Рязанскаго Ивана Федоровича; въ числѣ 45 монетъ, доставленныхъ изъ этой находки въ Рязанскую Архивную Комиссію, оказалось тринадцать монетъ, у которыхъ третья часть была отрублена, въ двухъ или трехъ изъ обрубленныхъ мордокъ оказался правильный налломъ пополамъ. Повидимому мордки раздѣляли на три равныя части. Извѣстны мелкія серебряныя монеты Рязанскаго княжества, вѣсомъ около трехъ гранъ („Описаніе неизданныхъ русскихъ монетъ, принадлежащихъ собранію князя С. Б. Долгорукова", стран 38-ая, №№ 16 и 17-й. Записки Импер. Археол. Общества Томъ III-й) Если эти монеты подлинныя и чеканились Рязанскими князьями, то онѣ приблизительно составляли шестую часть серебряныхъ мордокъ Вел. Князя Ивана Федоровича. Раздѣляя мордки на три части, получали доли монеты вѣсомъ около шести грановъ, которыя, быть можетъ, совсѣмъ не чеканились или чеканились въ маломъ количествѣ. Недостатокъ въ такой монетѣ вынуждалъ рубить и ломать серебр. мордки на три части.

и проч. Мелочная покупка товара требовала мелкихъ денегъ. Мелкіе скупщики рѣзали на части полученные въ ссуду диргемы и обращали ихъ въ мелкую ходячую монету. Такъ мы понимаемъ начальное происхожденіе слова «рѣзъ». Отдача денегъ въ ростъ не могла предшествовать появленію денегъ, и была уже слѣдствіемъ вошедшей и установившейся въ обращеніи металлической монеты и различія въ степени матеріальнаго обезпеченія отдѣльныхъ членовъ населенія. Монету рѣзали на соотвѣтственныя мелкимъ цѣнностямъ—части; и названіе «рѣзана» также произошло отъ слова рѣзать. Въ послѣдствіи, при большемъ развитіи торговыхъ оборотовъ и скопленіи капиталовъ у нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, появились ссуды денегъ за проценты. На эту новую промышленность было перенесено названіе, которое шло отъ начальной потребности въ мелкой монетѣ, вынуждавшей рѣзать диргемы на части,—и явилось выраженіе—«отдавать куны въ рѣзъ». Названіе древне-русской монеты «рѣзана», выраженіе—«отдавать куны въ рѣзъ»—указываютъ намъ на цѣль, съ которою дробилась серебряная монета и отчасти выясняетъ прямое назначеніе рубленыхъ и обрѣзныхъ частей диргемовъ: происхожденіе рубленыхъ и обрѣзанныхъ частей диргемовъ дѣлается понятнымъ и естественнымъ, когда мы разсматриваемъ ихъ какъ мелкую монету. Приготовленіе этой мелочи главнымъ образомъ производили наши предки. Даже части диргемовъ, обрѣзанныя въ видѣ правильныхъ кружковъ, изготовлялись, если не на Руси, то скорѣе въ городѣ Булгарѣ, а не въ Мавераннегрѣ.

Мнѣ никогда не случалось видѣть частей мельче одной сороковой диргема. Въ Коростовскомъ кладѣ, который повидимому содержитъ образцы почти всѣхъ долей диргема, бывшихъ въ X вѣкѣ въ обращеніи на Руси, между частями диргемовъ самыхъ мелкихъ нашлось 44 штуки; вѣсъ ихъ отъ $1^1/_8$ до $1^1/_3$ грана; во всѣхъ 44-хъ было 57 грановъ. За этими долями слѣдовало 150 штукъ, средній вѣсъ которыхъ равнялся $2^1/_8$ грана; во всѣхъ 150 и было 320 грановъ. Остальныя части имѣли большій вѣсъ и представляли болѣе крупныя доли диргема. Судя по имѣющимся въ кладѣ цѣлымъ диргемамъ, средній вѣсъ которыхъ былъ 53 грана, мельчайшія части клада равнялись приблизительно $^1/_{40}$ диргема, и слѣдующія за ними 150 штукъ составляли $^1/_{24}$ диргема.

Принимая въ соображеніе указаніе лѣтописей и выводы изъ изысканій нашихъ ученыхъ объ отношеніяхъ меньшей монеты къ кунѣ, можно предположить, что части, равнявшіяся $^1/_{24}$ диргема, представляютъ самую мелкую единицу древне-русской ходячей монеты, если только не существовало болѣе мелкихъ частей, на что указываютъ 44 штуки вѣсомъ отъ $1^1/_8$ до $1^1/_3$ грана. Впрочемъ, эти послѣднія части могли принадлежать ко второй группѣ, какъ маловѣсныя. Неполновѣсность монетъ часто встрѣчается въ позднѣйшіе вѣка и легко могла быть въ IX и X столѣтіяхъ, особенно при томъ примитивномъ способѣ, какимъ наши предки производили свою мелкую монету.

По лѣтописямъ самою мелкою монетою была векша. Въ посланіи Симона къ Поликарпу мы читаемъ: «Бысть черноризецъ, именемъ Арефа, родомъ новочанинъ, много богатства имый въ келіи своей, никогда же не подаде ни единоя векши оубогимъ, ни хлѣба». Здѣсь на векшу указывается—какъ на самую мелкую монету.

Такъ что векшу можно разсматривать какъ одну двадцать четвертую часть куны (диргема). Серебряная мелочь извѣстна была на Руси подъ общимъ названіемъ «бѣль». Въ лѣтописи есть извѣстіе о бѣли: «дворъ-жь княжь разграбиша, бещисленое множьство злата и сребра, купами и бѣлью» (51). Память о древней «бѣли» сохранилась до настоящаго времени въ нашемъ народѣ (52).

Мы уже говорили о самой крупной денежной единицѣ (гривнѣ), теперь, на основаніи мелкихъ частей диргемовъ, можемъ составить приблизительное понятіе о самой мелкой серебряной монетѣ—«векшѣ».

Такимъ путемъ наши предки установили свою первоначальную металлическую денежную систему, которая выполняла всѣ функціи правильной монетной системы болѣе близкихъ къ намъ временъ (53).

Металлическая денежная система, установленная на такихъ основаніяхъ, оказалась довольно устойчивою. Она держалась въ средней и сѣверной Руси до конца XI вѣка безъ рѣзкихъ колебаній. Въ теченіе трехъ вѣковъ, на основаніи вещественныхъ памятниковъ (54), въ

(51) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археогр. Ком. стр. 167.

(52) Привожу дословно разсказъ одного крестьянина, который мнѣ пришлось слышать въ Каширскомъ уѣздѣ: „Пахалъ на огородѣ полоску подъ картофель и забиралъ поглубже.. Прошелъ бороздъ десятокъ, на поворотѣ соха запнулась... Что за пригча?!.. Гляжу—подъ задними ногами мерцна „бѣль“... Оробѣлъ даже... Думаю-къ добрули?... Снялъ шапку, перекрестился на церковь, сотворилъ молитву... Робость-то и прошла. Собралъ этой самой бѣли близу полуфунта“. Случайно вывороченная сошниками бѣль—были серебр. деньги и копейки Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Въ народной памяти крѣпко держится давно прошедшее, и съ словомъ «бѣль» народъ сохраняетъ представленіе о мелкой серебряной монетѣ, а не о пушной рухляди.

(53) Клады съ арабскими диргемами мы считаемъ остатками первоначальной русской металлической денежной системы только потому, что болѣе древніе клады, находимые въ предѣлахъ древней Руси, не представляютъ такого обильнаго и разнообразнаго матеріала и не обнаруживаютъ замѣтныхъ слѣдовъ приспособленія къ мѣстной денежной системѣ, какіе мы находимъ въ кладахъ съ куфическими монетами. Извѣстныя находки греческихъ, римскихъ, босфорскихъ и сассанидскихъ монетъ бѣдны по количеству и не такъ многочисленны, по крайней мѣрѣ въ сѣверной и средней Россіи, чтобы можно было въ нихъ видѣть остатки монеты, имѣвшей значительное обращеніе среди племенъ, заселявшихъ среднюю и сѣверную Русь.

(54) Характерныя особенности кладовъ и вѣсъ древнихъ

ней незамѣтно перемѣнъ, и можно предположить лишь незначительныя вѣсовыя измѣненія гривны. Колебанія вѣса гривны вызывались отчасти перемѣнами въ политическомъ строѣ средней и сѣверной Руси (прибытіе на сѣверъ южныхъ князей), затѣмъ уклоненіями отъ нормальнаго вѣса при чеканѣ диргемовъ и, быть можетъ, повышеніями и пониженіями цѣнъ на пушной товаръ. Нѣкоторые халифы и представители вновь возникавшихъ въ Восточномъ Халифатѣ династій допускали измѣненія вѣса диргемовъ, то уменьшая, то увеличивая его и понижали доброкачественность серебра, употреблявшагося на чеканъ монеты. Въ X вѣкѣ, когда политическое могущество халифовъ было подорвано, когда намѣстники отдѣльныхъ областей, не признавая своей зависимости отъ халифовъ, основывали новыя династіи (Дейлемиты, Тагириды, Саффариды, Буиды, Саманиды) и выпускали въ обращеніе монеты своего чекана, при чемъ отступали отъ ранѣе установленной нормы вѣса и чистоты металла (55). Появленіе на Руси диргемовъ новыхъ династій, вѣроятно, производило небольшое и скоро-преходящее замѣшательство среди русскаго торговаго люда, который, безъ сомнѣнія, быстро освоивался съ вѣсовыми особенностями новыхъ монетъ и опредѣлялъ отношеніе ихъ къ установившимся единицамъ своей денежной системы.

Въ самомъ началѣ XI вѣка Кашгарскіе Тюрки овладѣли Бухарою и Самаркандомъ. Вскорѣ затѣмъ Тюрки Сельджуки разоряютъ Мавераннегръ. Почти одновременно съ разгромомъ Мавераннегра, появилось Тюркское племя Гузовъ, которое заняло степныя пространства почти отъ Волги до Аму-Дарьи. Торговые пути изъ Азіи въ сѣверо-восточную Европу были заняты воинственными кочевниками и потеряли прежнюю безопасность. Движеніе торговыхъ каравановъ прекратилось по этому пути. Вмѣстѣ съ этимъ оборвались торговыя сношенія русскихъ съ арабами, и приливъ арабской монеты на Русь упалъ, сравнительно, до ничтожной величины. Съ этого времени пошатнулась устойчивость сѣверной и средне-русской денежной системы, и въ ней начинаютъ обнаруживаться признаки разстройства, повлекшаго, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, важныя измѣненія какъ въ однообразіи, такъ и въ самыхъ основахъ денежной системы.

Съ половины XI столѣтія экономическое благосостояніе Руси и вмѣстѣ съ нимъ денежная система подвергались частымъ потрясеніямъ, возникавшимъ въ разныхъ областяхъ древней Руси. Начало потрясеній открылось упадкомъ торговыхъ сношеній съ востокомъ, вызвавшимъ особенно важныя послѣдствія въ экономическомъ состояніи средней и сѣверной Руси. Прошло немало времени, пока въ Мавераннегрѣ и Прикаспійскихъ областяхъ Азіи водворилось спокойствіе и снова оживились торговыя сношенія этихъ областей съ сѣверо-восточною Европою. Затѣмъ послѣ смерти Вел. Кн. Ярослава начались междоусобія русскихъ князей и частые набѣги Половцевъ, раскинувшихъ свои кочевья между южными предѣлами Кіевской Руси и Чернымъ моремъ. Дикіе кочевники преграждали свободный путь изъ Кіева въ Византію и сильно вредили торговымъ сношеніямъ Руси съ греками. Нашъ знаменитый историкъ, Н. Карамзинъ, справедливо замѣтилъ: «Древняя Россія погребла съ Ярославомъ свое могущество и благоденствіе» (56).

Сильное сокращеніе торговли съ востокомъ и расширеніе торговыхъ сношеній съ западомъ, съ которымъ Новгородъ издавна имѣлъ торговыя связи, вызвали у Новгородцевъ замѣну прежней денежной системы новою. Въ XII столѣтіи Новгородцы ввели въ обращеніе новыя гривны, вѣсъ которыхъ соотвѣтствовалъ западно-европейской маркѣ—полуфунту серебра. Съ этого времени старая кунная гривна теряетъ здѣсь свое первенствующее значеніе и постепенно вытѣсняется полуфунтовою гривною серебра, приспособленною къ измѣнившимся мѣстнымъ условіямъ внѣшней торговли. Введеніе новой основной единицы въ денежную систему повлекло значительное колебаніе кунной гривны по отношенію къ гривнѣ серебра. Кунная гривна въ силу вѣковой привычки и большого количества бывшихъ въ обращеніи диргемовъ, долго еще держалась въ Новгородской области, но уже не представляла твердой устойчивости и отъ разныхъ причинъ постепенно падала.

Въ верхне-Днѣпровскомъ, Окскомъ и средне-Волжскомъ бассейнахъ кунная гривна держалась въ обращеніи также очень долго, не смотря на перерывъ торговыхъ сношеній съ востокомъ и прекращеніе привоза монеты изъ Азіи. Въ этихъ областяхъ употребленіе кунной гривны закончилось, вѣроятно, не ранѣе конца XIII ст.

Въ Кіевской Руси, въ самомъ началѣ XI вѣка, Вел. Кн. Владиміръ сдѣлалъ первый опытъ чекана русской монеты. Образцомъ впервые выпущенной монеты, судя по среднему вѣсу и величинѣ русскихъ сребрениковъ, служили саманидскіе диргемы. Изображеніе Спасителя на лицевой сторонѣ однихъ монетъ и Великаго Князя Владиміра на другихъ было заимствовано съ византійскихъ монетъ. Чеканъ русской монеты могъ быть вызванъ разными причинами, въ числѣ которыхъ недостатокъ размѣнной металлической монеты занималъ непослѣднее мѣсто.

Замѣна ранѣе существовавшихъ на Руси

гривенъ, находимыхъ въ предѣлахъ сѣверной и средней Руси.

(55) При халифѣ Абдулль—Малекѣ вѣсъ диргема равнялся 50²/₅ хабба (грана).

(56) Исторія Государства Россійскаго. С. П. Б. 1833 г. Томъ II, стр. 64-ая.

денежныхъ цѣнностей диргемами и частями ихъ составляетъ второе весьма важное значеніе кладовъ съ куфическими монетами.

Разработка вопроса о древне-русскихъ деньгахъ въ связи съ изслѣдованіемъ кладовъ, содержащихъ диргемы и части ихъ, должна привести насъ къ болѣе точнымъ опредѣленіямъ дѣйствительной цѣнности древнихъ денежныхъ единицъ: гривны, ногаты, куны и проч. Вмѣстѣ съ этимъ многія стороны общественныхъ и экономическихъ отношеній древней Руси получатъ болѣе вѣрное освѣщеніе и мы будемъ имѣть точное понятіе о нихъ. До настоящаго времени выводы нашихъ ученыхъ изслѣдователей о взаимномъ отношеніи древне-русскихъ денежныхъ единицъ и дѣйствительной стоимости ихъ представляютъ такое разнообразіе, которое, подрывая достовѣрность самыхъ выводовъ, лишаетъ возможности воспользоваться ими для выясненія экономическихъ и другихъ сторонъ древне-русской жизни. Для примѣра привожу нѣсколько опредѣленій стоимости гривны и частей ея.

По опредѣленію г. Карамзина:

Гривна серебра равнялась—$^1/_2$ фунта сереб. (10 р. с.)

Гривна кунъ равнялась—$^1/_8$ фунта серебра=$^1/_4$ гривны серебра=(2 р. 50 к. с.)

Гривна кунъ имѣетъ—20 ногатъ, ногата=($12^1/_2$ к. с.)

Гривна кунъ имѣетъ—25 кунъ, куна=(10 к. с.)

Гривна кунъ имѣетъ—50 рѣзанъ, рѣзана=(5 к. с.)

Куна имѣла—10 векшей, векша=(1 к. с.) (57).

Въ опредѣленіи стоимости денежныхъ знаковъ по Карамзину, отношеніе его кожанныхъ денегъ къ гривнѣ серебра переведено на современную монету. Тоже самое сдѣлано и въ опредѣленіяхъ другихъ сторонниковъ кожанныхъ денегъ: г. Бекетова, барона Шодуара и г. Лешкова.

По опредѣленію г. Бекетова:

Гривна кунъ=$^1/_2$ фунту серебра (10 р. с.)

Гривна кунъ им.—20 ногатъ, ногата=(50 к.)

Гривна кунъ им.—50 кунъ или рѣзанъ, куна=(20 к.)

Куна или рѣзана им.—18 векшей, векша=($1^1/_9$ к. с.) (58).

По опредѣленію барона Шодуара:

Гривна серебра=1 фунту серебра (20 р. с.)

Гривна кунъ=$^1/_4$ фунту серебра (5 р. с.)

Гривна кунъ им.—20 ногатъ, ногата=(25 к. с.)

Гривна кунъ им.—50 кунъ или рѣзанъ, куна=(10 к. с.)

Куна или рѣзана им.—18 векшей, векша=($^5/_9$ к. с.) (59).

По опредѣленію г. Бѣляева:

Гривна серебра равнялась 72 золотн. сереб. (15 р. с.)

Гривна кунъ равнялась 18 золотн. серебра=$^1/_4$ гривны серебра=(3 р. 75 к. с.)

Гривна кунъ им. 50 кунъ, куна=($7^1/_2$ к. с.)

Гривна кунъ им. отъ $62^1/_2$ до 75 ногатъ, ногата=(около 6 к. с.)

Гривна кунъ им. 163 рѣзаны, рѣзана=(около $2^1/_3$ к. с.)

Куна имѣла 10 или 12 бѣлей, бѣлка=(около $^7/_{10}$ к. с.)

Число векшъ въ кунѣ г. Бѣляеву неизвѣстно (60). И. Д. Бѣляевъ сторонникъ металлической монеты.

По опредѣленію г. Казанскаго:

Гривна серебра равнялась $^1/_2$ фун. серебра (10 р. с.)

Гривна кунъ (счетная—50 монетъ)=(2 р. 50 к. с.)

Гривна кунъ им. 20 ногатъ, ногата=($12^1/_2$ к. с.)

Гривна кунъ им. 50 кунъ или рѣзанъ, куна, или рѣзана=(5 к. с.)

Куна им. отъ 5 до 8 векшей, векша=(отъ $2^5/_8$ до 1 к. с.)

П. С. Казанскій отвергалъ употребленіе кожаныхъ денегъ на Руси и признавалъ металлическую монету (61).

По опредѣленію г. Лешкова.

Гривна серебра равнялась—$^1/_2$ фун. серебра (10 р. с.)

Гривна кунъ (считая ихъ $7^1/_2$ въ гривнѣ серебра)=$^2/_{15}$ гривны серебра=(1 р. 33 к. с.)

Гривна кунъ им. 20 ногатъ, ногата=($6^2/_3$ к. с.)

Гривна кунъ им. 50 кунъ или рѣзанъ, куна=($2^2/_3$ к. с.) (62).

По опредѣленію г. Погодина:

Гривна серебра равнялась 1 фун. серебра (20 р. с.)

Новгородская гривна кунъ (денегъ)=$^1/_2$ фун. сереб. (10 р. с.)

Кіевская гривна кунъ (сереб.)=$^3/_8$ фун. сер. (7 р. 50 к. с.)

Смоленская гривна кунъ (денегъ)=$^1/_4$ фун. сер. (5 р. с.)

Новгородская ногата (20 въ грив. кунъ)=(50 к. с.)

---

(57) Карамзинъ—„Исторія Государства Россійскаго“. С.-пб. 1833 г. томъ I, примѣчанія—290 и 475. Томъ II, примѣч. 78 и 99.

(58) И. Бекетовъ—„Краткое обозрѣніе древнихъ ходячихъ монетъ, подъ названіемъ кунъ бывшихъ въ употребленіи въ Россіи“ стр. 147, 159—160.

(59) Баронъ С. де Шодуаръ—„Обозрѣніе русскихъ и иностранныхъ въ Россіи денегъ“. С.-пб. 1838 г. стр. съ 19—46.

(60) И. Д. Бѣляевъ—„Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси“. Чтенія въ Импер. общ. ист. и древностей Россійскихъ при Московск. Университетѣ № 3, стр. 5—19.

(61) П. С. Казанскій—„Изслѣд. о древ. русской монетной системѣ“. Записки Импер. Археолог. общества. Томъ III, стр. 99, 135 и 139.

(62) В. Лешковъ—„Русскій Народъ и Государство“ стр. 182-ая.

Кіевская ногата (20 въ грив. кунъ)=(40 к. с.)

Смоленская ногата (20 въ грив. кунъ)=(25 к. с.)

Новгородская куна (25 въ гривнѣ кунъ)=(40 к. с.)

Кіевская куна (25 въ грив. кунъ)=(30 к. с.)

Смоленская куна (25 въ грив. кунъ)=(20 к. с.)

Новгородская рѣзана (50 въ грив. кунъ)=(25 к. с.)

Кіевская рѣзана (50 въ грив. кунъ)=(15 к. с.)

Смоленская рѣзана (50 въ грив. кунъ)=(10 к. с.) (63).

М. П. Погодинъ выводилъ свои заключенія изъ вѣсовыхъ отношеній древнихъ серебряныхъ гривенъ, найденныхъ въ разное время, въ разныхъ мѣстахъ и утверждалъ, что древняя Русь употребляла металлическую монету.

По опредѣленію г. Прозоровскаго:

Гривна (Русской Правды)=около 42 золотн. серебра (отъ 7 р. до 8 р. 30 к. с.)

Гривна им. 20 ногать, ногата=(отъ 35 к. до 41 к. с.)

Гривна им. 50 рѣзанъ, рѣзана=(отъ 14 к. до 16 $^1/_2$ к. с.)

Куна (Русской Правды)=отъ $6^2/_3$ к. до $6^3/_5$ к. с.)

Векша—самая малая денежн. единица=($1^1/_{27}$ к.) (64).

Д. И. Прозоровскій считаетъ 30 векшъ въ ногатѣ и признаетъ древне-русскія деньги металлическими.

По опредѣленію г. Усова, который, разсматривая заключенія весьма обстоятельнаго и подробнаго изслѣдованія П. Н. Мрочекъ—Дроздовскаго по вопросу о деньгахъ Русской Правды, высказываетъ свои догадки о происхожденіи (генезисѣ) древне русскихъ денегъ и, на основаніи выводовъ П. Н. Дроздовскаго объ относительной стоимости частей гривны, приводитъ опредѣленія пушныхъ древне-русскихъ цѣнностей (шкурокъ), по существующимъ въ настоящее время цѣнамъ на шкурки соболя, голубой бѣлки и горностая:

Гривна=20 и цѣлымъ шкуркамъ собола=180 р. с.

Ногата (20 въ гривнѣ)=одной шкуркѣ соболя=9 р.

Куна (25 въ гривнѣ)=одному хребту собольей шкурки=7 р. 20 к.

Рѣзана (50 въ гривнѣ)=одному череву собольей шкурки=3 р. 60 к.

Виверица (24-е въ кунѣ)=одной шк. голубой бѣлки=30 к.

Бѣль (48 въ кунѣ)=одной шкуркѣ горностая=15 к.

Цѣнность векши (шкурка рыжей бѣлки) С. А. Усовъ считаетъ ничтожной (65).

Сравнивая стоимость частей гривны, по опредѣленіямъ нашихъ извѣстныхъ изслѣдователей, невольно приходитъ на память мнѣніе М. П. Заблоцкаго, который почти сорокъ лѣтъ тому назадъ писалъ: «Читая отечественныя бытописанія и встрѣчая многочисленныя указанія о различныхъ цѣнностяхъ тогдашней жизни, мы остаемся почти въ полномъ невѣдѣніи значенія цѣнъ того времени по отношенію къ нашимъ. Цифра древней цѣны въ отношеніи внутренняго смысла ея есть, можно сказать, то же самое, что іероглифъ на египетской пирамидѣ: мы видимъ символическое изображеніе и не понимаемъ внутренняго его значенія»... и далѣе: «Объясненіе взаимныхъ отношеній различнаго наименованія монетныхъ цѣнностей, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ памятникахъ того времени, доселѣ остается только въ сферѣ догадокъ и предположеній. Труды всѣхъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ историческихъ изысканій не привели доселѣ ни къ какому положительному результату. Такъ, напримѣръ, размѣръ, повидимому, основной единицы тогдашняго счета, куны, намъ остается неизвѣстенъ, не говоря о другихъ, монетныхъ величинахъ: ногатахъ, бѣлкахъ, рѣзанахъ, векшахъ и проч. И думаемъ даже, что точное изслѣдованіе въ этомъ отношеніи едва-ли когда нибудь будетъ возможно: мы не имѣемъ въ наличности упоминаемыхъ въ актахъ вещественныхъ знаковъ цѣнностей и должны, во всѣхъ своихъ выводахъ, ограничиваться темными и сбивчивыми указаніями лѣтописей объ ихъ размѣрѣ» (66).

Содержаніе арабскихъ кладовъ и вѣсъ древнѣйшихъ гривенъ, по моему мнѣнію, помогутъ изслѣдователямъ, если невполнѣ разрѣшить, то ввести вопросъ о гривнѣ, стоимости и взаимномъ отношеніи частей ея въ опредѣленныя границы, которыя довольно ясно будутъ обозначаться вѣсомъ серебряныхъ слитковъ (древнихъ гривенъ) и вѣсомъ диргемовъ (кунъ), обращавшихся на Руси съ VIII-го и до XII столѣтія. Клады съ куфическими монетами и древнѣйшими гривнами доставляютъ намъ такой вещественный матеріалъ для разрѣшенія вопроса о древне-русской денежной системѣ, который исключаетъ возможность увлеченій и не допускаетъ произвольныхъ толкованій, какое замѣчается при объясненіяхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ о денежныхъ единицахъ. Этотъ важный фактическій матеріалъ современемъ, несомнѣнно, приведетъ изслѣдователей къ правильному пониманію истиннаго значенія древне-русскихъ денежныхъ единицъ, и тѣмъ окажетъ большую услугу Русской исторіи.

(63) М. П. Погодинъ—„Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи о Русской Исторіи". Томъ VII, стр. 332—343-ья.

(64) Д. И. Прозоровскій—„Монеты и вѣсъ Россіи до конца XVIII ст." Записки Импер. Археолог. Общества. Томъ XII-й.

(66) М. П. Заблоцкій—„О цѣнностяхъ въ древней Руси". С.-пб. 1854 г., стр. 2 и 10-ая.

(65) С. А. Усовъ—Замѣтка о древнихъ русскихъ деньгахъ по Русской правдѣ". Древности томъ IX, вып. II и III-й, стр. 89—104-ая.

Привожу приложеніе вещественнаго матеріала на примѣрѣ, для котораго беру выводы П. Н. Дроздовскаго о соотношеніи частей кіевской гривны временъ Русской Правды и раздѣнку составныхъ частей гривны С. А. Усова, по теперешней цѣнѣ пушнаго товара. Кіевская гривна временъ Русской Правды содержала около 38 золотниковъ серебра (67). Выражая части гривны соотвѣтственнымъ имъ вѣсомъ серебра, получимъ примѣрную стоимость частей гривны и цѣны шкурокъ соболя, голубой бѣлки и горностая, бывшія въ X и началѣ XI стол.

По Дроздов.—гривна=20 ногатамъ=38 зол. сереб.=7 р. — 60 к.

По Усову гривна=20 шкурк. соболя=38 зол. сер.=7 р. 60 к.

По Дроздов.—ногата=$^{38}/_{20}$ золот. сер.=38 к.

По Усову—ногата (цѣлая шкурка соболя)=$^{38}/_{20}$ зол. сер.=38 к.

По Дроздов.—куна=$^{38}/_{25}$ золотн. серебра=$30^{2}/_{5}$ к.

По Усову—куна (хребетъ шкурки соболя)=$^{38}/_{25}$ з. с.=$30^{2}/_{5}$ к.

По Дроздов.—рѣзана=$^{38}/_{50}$ зол. сер.=$15^{1}/_{5}$ к.

По Усову—рѣзана (черево шкурки соболя)=$^{38}/_{50}$ зол. сер.=$15^{1}/_{5}$ к.

По Дроздов.—виверица=$^{38}/_{600}$ зол. сер.=$1^{4}/_{15}$ к.

По Усову—виверица (шк. голубой бѣлки)=$^{38}/_{600}$ зол. сер.=$1^{4}/_{15}$ к.

По Усову—бѣль (шкурка горностая)=$^{38}/_{1200}$ зол. сер.=$^{19}/_{30}$ к.

Вещественный матеріалъ древнихъ кладовъ X и XI ст. (диргемы, гривны и сребренники В. К. Владиміра) не согласуется съ только что приведенными отношеніями кунъ и рѣзанъ къ гривнѣ и даетъ намъ поводъ предполагать неправильность какъ въ заключеніяхъ П. Н. Дроздовскаго, такъ и въ добавленіяхъ С. А. Усова объ отношеніяхъ частей кіевской гривны, временъ Русской Правды (68).

Въ кіевской гривнѣ того времени не могло быть 25 кунъ,—ихъ въ гривнѣ было не менѣе 50. Покрайней мѣрѣ, мы имѣемъ монеты, обращавшіяся въ ту эпоху въ Кіевской Руси, которыхъ по вѣсу въ гривнѣ дѣйствительно содержалось 50, и не знаемъ такихъ серебряныхъ монетъ, которыя по вѣсу равнялись бы $^{1}/_{25}$ гривны или $1^{13}/_{25}$ золотника серебра.

Части диргемовъ, часто находимыя въ кладахъ, своими вѣсовыми отношеніями къ цѣлому диргему наводятъ на догадку, что куна (диргемъ) въ концѣ десятаго вѣка имѣла не болѣе шести виверицъ, если только въ Кіевской Руси существовала такая монетная единица и по своей стоимости не равнялась векшѣ, но въ четыре раза превосходила цѣну послѣдней. На томъ же основаніи—куна не могла имѣть болѣе 12 бѣлей. Если бѣли не представляли самую мелкую денежную единицу, то такою мельчайшею монетою была векша; число векшъ въ кунѣ, вѣроятно, не превышало 24 (69).

Сравнивая стоимость мѣховыхъ цѣнностей, выведенную С. А. Усовымъ изъ теперешнихъ цѣнъ на шкурки соболя, голубой бѣлки и горностая, съ приблизительно вычисленною мною стоимостью гривны и частей ея, видно, что пушной товаръ сильно возросъ въ цѣнѣ. Допуская, что серебро въ X вѣкѣ было въ четыре раза дороже, чѣмъ теперь, окажется, что въ X вѣкѣ 20 собольихъ шкурокъ стоили на наши деньги 30 р. 40 к.; теперь же цѣна ихъ 180 р. с., т. е. шкурки соболя вздорожали въ шесть разъ; шкурки голубой бѣлки (считая въ кунѣ 6 виверицъ) и шкурки горностая (считая въ кунѣ 12 бѣлей) въ три раза (70).

---

(67) Кіевская гривна X и начала XI вѣка имѣла отъ отъ 36-и до $39^{1}/_{2}$ золотниковъ серебра; средній вѣсъ ея можно принять въ 38 золотниковъ или 2600 грановъ. Средній вѣсъ саманидскихъ диргемовъ, которыми въ X вѣкѣ особенно была богата Кіевская Русь, приблизительно равнялся 53 гранамъ. Хорошо сохранившіеся сребренники В. К. Владиміра, описанные графомъ Ив. Ив. Толстымъ, имѣютъ свыше 50 грановъ вѣса. Слѣдовательно, въ Кіевской гривнѣ какъ диргемовъ, такъ и сребренниковъ могло быть не менѣе 50-и. Кунами назывались серебряныя монеты; кромѣ диргемовъ и сребренниковъ мы не знаемъ другихъ серебряныхъ монетъ той эпохи и относимъ названіе «куна» къ диргему.

Считая золотникъ лигатурнаго серебра по 20 к. с., получимъ, по существующей теперь цѣнѣ на серебро, стоимость диргема (куны) въ 15 к. с., а кіевской гривны въ 7 р. 60 к

(68) П. Н. Дроздовскій полагаетъ въ кіевской гривнѣ 20 ногатъ, или 25 кунъ, или 50 рѣзанъ, или 600 виверицъ; при чемъ считаетъ векшу и виверицу за одну и ту же монетную единицу. (см. изслѣдованія о Русской Правдѣ. Выпускъ I, стр. 125-ая).

С. А. Усовъ принимаетъ векши П. Н. Дроздовскаго за виверицы (шкурки голубой бѣлки) и добавляетъ отъ себя меньшую денежную единицу—бѣль (бѣлая шкурка горностая), полагая стоимость виверицы равною стоимости двухъ бѣлей.

(69) Во многихъ арабскихъ кладахъ, между разнаго вѣса долями, встрѣчаются части диргемовъ, имѣющія $^{1}/_{6}$, $^{1}/_{12}$ и $^{1}/_{24}$ часть вѣса цѣлаго диргема. Въ Коростовскомъ кладѣ нашлось 20 правильно обрѣзанныхъ кружковъ; вѣсъ 4-хъ изъ нихъ почти по 9-и грановъ, т. е. эти части представляютъ какъ бы $^{1}/_{6}$ диргема, которые въ то время преимущественно обращались въ Кіевской Руси; два кружка, перерубленныхъ пополамъ, вѣсятъ приблизительно по 5 гранъ, пять цѣлыхъ кружковъ имѣютъ около 5 грановъ въ каждомъ т. е. составляютъ какъ бы $^{1}/_{12}$ диргема; и болѣе мелкія части (свыше 150 штукъ) имѣютъ вѣсъ отъ $2^{1}/_{3}$ до $2^{1}/_{4}$ гр., т. е. равняются $^{1}/_{24}$ части диргема; средній вѣсъ которыхъ, какъ мы упоминали, даетъ около 53 грановъ.

(70) Стоимость серебра значительно измѣнялась въ разныя эпохи: въ VII и VIII ст., цѣна серебра, безъ сомнѣнія, была выше чѣмъ въ IX вѣкѣ; въ IX вѣкѣ была выше, чѣмъ въ X и началѣ XI ст. Стоимость серебра въ X вѣкѣ мною принята въ четыре раза выше современной, на основаніи отношенія цѣны серебра къ цѣнѣ золота: въ X вѣкѣ золото было въ 12 или 13 разъ дороже серебра, въ настоящее же время-золото въ 24 раза дороже серебра. Затѣмъ, безъ сомнѣнія, и цѣнность золота также понизилась; но такъ какъ мы не имѣемъ подъ руками никакихъ данныхъ для опредѣленія степени пониженія стоимости золота, то и остановились на вѣроятномъ предположеніи, что настоящая цѣна золота почти вдвое меньше цѣны на золото въ X вѣкѣ. И такимъ путемъ вывели, что серебро въ X вѣкѣ было въ четыре раза дороже современной цѣны его.

Когда будетъ достовѣрно выяснена стоимость денежныхъ единицъ древней Руси, тогда явится возможность за послѣдовательный рядъ столѣтій опредѣлить цѣны домашняго скота, земледѣльческихъ продуктовъ, платы за трудъ и стоимость другихъ предметовъ. Подобныя изслѣдованія освѣтятъ экономическое состояніе древней Руси въ разныя эпохи.

IV.

Значеніе кладовъ съ куфическими монетами не исчерпывается тѣмъ, что они даютъ намъ ясныя свидѣтельства о трехвѣковыхъ торговыхъ сношеніяхъ древней Руси съ арабами, и о непосредственномъ отношеніи диргемовъ къ древне-русской денежной системѣ; сверхъ этого, они представляютъ намъ немало косвенныхъ указаній на многія другія стороны древне-русской жизни.

При сравненіи извѣстныхъ кладовъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи, между ними обнаруживается замѣтныя различія какъ по разнородности содержащихся въ кладахъ арабскихъ монетъ, разнообразію времени и мѣста ихъ чекана, такъ по количеству монетъ, присутствію или отсутствію въ кладахъ серебряныхъ прутиковъ, дробленыхъ диргемовъ, византійскихъ и западно-европейскихъ серебряныхъ денегъ и украшеній.

Въ большемъ числѣ кладовъ средней Россіи преобладаютъ аббасидскіе диргемы VIII и IX ст.; значительное число подобныхъ кладовъ состоитъ исключительно изъ однихъ халифскихъ монетъ VIII и IX вѣка. Вмѣстѣ съ цѣлыми диргемами въ нихъ часто находятся въ большомъ количествѣ дробленые диргемы, нерѣдко попадаются серебряные прутики и небольшое число серебряныхъ украшеній.

Клады съ одними саманидскими диргемами встрѣчаются рѣже, точно также какъ и смѣшанные, т. е. содержащіе монеты аббасидскаго, саманидскаго и чекана другихъ династій. Это обстоятельство какъ бы указываетъ на болѣе раннія сношенія сѣверной и средней Руси съ арабами.

Въ западной и югозападной Россіи, въ болѣе позднихъ кладахъ съ арабскими монетами находили и находятъ вмѣстѣ съ диргемами значительное количество западно-европейскихъ монетъ, преимущественно германскихъ и англосаксонскихъ, отчасти датскихъ и изрѣдка шведскихъ. Въ этихъ кладахъ, между арабскими монетами особенно часто находятся саманидскіе диргемы X вѣка; вмѣстѣ съ цѣлыми арабскими монетами встрѣчаются, нерѣдко въ большомъ количествѣ, дробленые диргемы; изрѣдка попадаются серебряные прутики и серебряныя украшенія, послѣднія иногда въ большомъ количествѣ.

Въ извѣстныхъ кладахъ съ куфическими монетами, найденныхъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи (Кіевской, Полтавской, Харьковской), не оказывалось западно-европейскихъ монетъ X и XI ст. и большого количества дробленыхъ диргемовъ; покрайней мѣрѣ, о нахожденіи тѣхъ и другихъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Въ арабскихъ кладахъ юго-восточной Россіи, начиная съ Симбирской губерніи и кончая Астраханскою, до настоящаго времени находили преимущественно одни цѣлые диргемы; находки съ рублеными диргемами неизвѣстны.

Въ кладахъ поволжскихъ губерній, начиная съ Нижегородской губерніи и до Каспія, западно-европейскихъ монетъ не оказывалось.

Приведенныя мною особенности русскихъ кладовъ съ куфическими монетами, хотя не устанавливаютъ между ними рѣзкаго разграниченія, соотвѣтственнаго мѣстонахожденію кладовъ, тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ нѣкоторыя различія между ними, которыя замѣтно выступаютъ при внимательномъ обзорѣ цѣлыхъ группъ арабскихъ кладовъ, открытыхъ въ разныхъ мѣстахъ Европейской Россіи.

Очень возможно, что наблюдаемыя нами въ настоящее время различія между кладами съ куфическими монетами—явленіе случайное, и съ открытіемъ многихъ новыхъ находокъ подобнаго рода, существующія въ кладахъ отличія сгладятся или совершенно видоизмѣнятся; но мы сравниваемъ только извѣстные намъ клады и, по имѣющимся въ нихъ признакамъ, раздѣляемъ ихъ на однородныя группы, изъ которыхъ дѣлаемъ свои заключенія, не принимая въ разсчетъ возможности будущихъ перемѣнъ въ характеристикѣ кладовъ.

Клады съ арабскими монетами Тульской и Рязанской губерній представляютъ признаки свойственные большинству подобныхъ кладовъ, открытыхъ въ средней Россіи. Въ нихъ мы можемъ отмѣтить слѣдующія особенности:

1) *Значительное число кладовъ* и, сравнительно съ кладами другихъ мѣстъ, *небольшая величина ихъ по количеству монеты, почти постоянное нахожденіе въ нихъ дробленыхъ диргемовъ, а въ нѣкоторыхъ—серебряныхъ прутиковъ и украшеній.*

2) *Замѣтная скученность кладовъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ.*

3) *Преобладаніе диргемовъ VIII и IX вѣка, отсутствіе византійскихъ и западно-европейскихъ монетъ* въ кладахъ IX и X вѣка; въ кладахъ XI ст. начинаютъ появляться въ небольшомъ числѣ византійскія и западно-европейскія монеты.

Особенности кладовъ съ куфическими монетами Рязанской и Тульской губерній, въ связи съ находками въ могильникахъ той же эпохи, приводятъ насъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Въ VIII столѣтіи берега Оки и ея главныхъ притоковъ, въ предѣлахъ Тульской, Рязанской и прилегающихъ къ нимъ частяхъ

Калужской, Московской и Владимірской губерній, были уже значительно заселены. Порѣчное населеніе этой мѣстности занималось звѣроловствомъ, рыболовствомъ, пчеловодствомъ, земледѣліемъ, выдѣлкою простыхъ тканей, гончарныхъ издѣлій, желѣзныхъ орудій и оружія, и, быть можетъ, незамысловатыхъ бронзовыхъ украшеній и торговлею. Большое число мелкихъ кладовъ съ диргемами и остатки бытовыхъ предметовъ, найденныхъ въ могильникахъ VIII, IX и X-го вѣка, свидѣтельствуютъ какъ о распространенности и развитіи промысловъ, такъ и о достаткѣ и зажиточности мѣстныхъ жителей.

Матеріальное благосостояніе населенія Окскаго бассейна,—судя по числу арабскихъ кладовъ и близкому сходству между ними по количеству содержимой монеты,—было довольно однообразное и, какъ кажется, не представляло рѣзкихъ и частыхъ различій въ средѣ порѣчнаго населенія. Небольшіе клады съ увѣренностію можно отнести къ сбереженіямъ мелкихъ мѣстныхъ промышленниковъ, которые составляли большую часть здѣшняго населенія. Большое количество дробленыхъ диргемовъ, находимыхъ въ здѣшнихъ кладахъ, служитъ какъ бы указаніемъ,—что эти клады были денежными капиталами небогатаго люда, собранными по грошамъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Богатые и вліятельные люди этого края не стали бы откладывать въ свои сбереженія мелкія части диргемовъ, имѣя возможность отдѣлять въ запасъ цѣлые диргемы или серебро въ слиткахъ.

По Окѣ изрѣдка находятъ клады, состоящіе только изъ однихъ цѣлыхъ диргемовъ, серебряныхъ украшеній и серебряныхъ прутиковъ; въ нихъ или совсѣмъ не оказывалось дробленыхъ диргемовъ или было очень мало серебряной мелочи. Въ подобныхъ кладахъ можно видѣть сбереженія болѣе зажиточныхъ людей.

Повидимому, здѣсь было мало богачей въ VIII и IX столѣтіяхъ. Здѣшніе клады, въ большинствѣ случаевъ, содержатъ менѣе фунта монеты; клады въ два, три фунта и болѣе находятъ рѣдко.

До настоящаго времени, въ Окскомъ бассейнѣ извѣстенъ только одинъ значительный кладъ—Муромскій, содержавшій болѣе 11000 монетъ (свыше двухъ пудовъ); но этотъ кладъ не изъ древнѣйшихъ: онъ относится къ концу X вѣка.

Въ кладахъ Окскаго бассейна почти постоянно находятъ рубленыя и ломаныя части диргемовъ. О значеніи этихъ частей мы подробно говорили ранѣе; теперь же скажемъ нѣсколько словъ о серебряныхъ прутикахъ, которые иногда находятъ вмѣстѣ въ диргемами ([71]). Тщательность отливки и опредѣленность вѣса, замѣчаемая въ цѣлыхъ прутикахъ, обнаруживаетъ восточное происхожденіе ихъ. Древняя Русь получала прутики вмѣстѣ съ диргемами отъ арабовъ. На Руси они, вѣроятно, служили крупными денежными единицами, гривнами и частями ея, и, быть можетъ, впослѣдствіи частію употреблялись на мѣстную выдѣлку серебряныхъ украшеній.

Прутики, о которыхъ у меня имѣются свѣдѣнія, имѣли по $9^1/_2$ и по 12 дюймовъ длины,—вѣсъ первыхъ былъ свыше 13 золотниковъ, вѣсъ вторыхъ—около 27 зол. Одни изъ нихъ представляли прямую округло—четырегранную палочку, другіе, той же формы, были изогнуты въ видѣ наружнаго очертанія вдоль разрѣзанной груши или ямѣли, какъ мнѣ передавали очевидцы, кольцо-образную форму. Вѣсъ прутиковъ, повидимому, совпадаетъ съ вѣсомъ древне-арабской законной уніціи серебра, которая въ VIII ст. равнялась 27 золотн. ([72]).

([71]) Нѣтъ сомнѣнія, что подобные прутики находили во многихъ кладахъ, открытыхъ въ разное время въ сѣверной, средней и западной Россіи, а также по берегамъ Балтійскаго моря. Къ сожалѣнію, изслѣдователи кладовъ съ куфическими монетами не давали себѣ труда подробно описывать найденные прутики и часто ограничивались простымъ причисленіемъ ихъ къ „другимъ серебрянымъ вещамъ". Въ 1796 году, въ Курляндской губерніи, въ окрестностяхъ городка Гробина былъ найденъ кладъ съ арабскими монетами и одинъ кусокъ литаго серебра.

Въ 1819 году, въ Швеціи, близъ мѣстечка Лекаленга было вырыто три большихъ кольца, много мелкихъ вещей и двѣ арабскія монеты.

Въ 1739 году, на остр. Готландѣ, близъ г. Висби нашли кладъ, вѣсившій 136 лотовъ серебра, вмѣстѣ съ монетами арабскими и другими находилось шесть большихъ сереб. колецъ (они одни вѣсили 177 золотниковъ).

Въ 1829 году, на Готландѣ, близъ Оркисгорда нашли куфическія монеты и куски серебра въ слиткахъ.

Въ 1712 году, въ Даніи, близъ Шлезвига крестьянинъ нашелъ въ землѣ серебр. монеты и слитки серебра, изъ которыхъ одни были длиною и толщиною въ палецъ и кончались остріемъ, а другіе были витые и имѣли форму (8) цифры восемь. Слитковъ было очень много. Монеты были саманидскія, халифа Насра, сына Ахмедова.

Въ 1827 году, на островѣ Лангеландѣ былъ открытъ кладъ, состоявшій изъ серебряныхъ прутьевъ, колецъ и куфическихъ монетъ X вѣка.

Въ 1832 году, въ Пруссіи, на лѣвомъ берегу Вислы, близъ Мюнстервальде нашли разбитый сосудъ и въ немъ серебряный слитокъ спиральной формы въ полтора локтя длиною, металлическую сѣкиру, разныя серебряныя вещи и арабскія монеты, вмѣстѣ съ которыми находилось болѣе двухъ фунтовъ разрубленныхъ на части диргемовъ.

Очень вѣроятно, что тяжелыя серебряныя кольца, вѣсившія до 30 золотниковъ, были кольцо-образно изогнутые серебряные прутики.

Вообще въ Прибалтійскихъ областяхъ, гдѣ прежде обитали Поморскіе славяне, и также въ Даніи, Швеціи, на островахъ Балтійскаго моря находятъ множество кладовъ съ куфическими монетами, въ которыхъ почти постоянно бываетъ масса рубленыхъ диргемовъ и нерѣдко серебряные прутики разной формы и вѣса. Приведенныя мною указанія заимствованы изъ статьи г. Ледебура, помѣщенной въ сочиненіи П. С. Савельева „Мухаммеданская нумизматика" стр. 28, 59, 65, 66, 75, 77 и 82-ая.

([72]) Законная арабская унція серебра, при халифѣ Абдулль—Малекѣ, равнялась вѣсу 40-а диргемовъ, каждый диргемъ долженъ былъ имѣть $^7/_{10}$ миткаля серебра или $50^2/_5$ хабба (грана). Сорокъ диргемовъ начала VIII вѣка, найденныхъ въ кладахъ, при наилучшей своей сохранности, вѣсятъ около 27 золотн.

Подробности о древне-арабскихъ вѣсовыхъ единицахъ золота и серебра приведены въ соч. барона В. Г. Тизенгаузена,—«Монеты Восточнаго Халифата» стр. XI, XII и XIII-ая.

И въ тоже время имѣетъ большое сходство съ частями древне-бухарской вѣсовой единицы (ансырь). Вѣсъ бухарскаго ансыря, въ XI и XII вѣкѣ, приблизительно имѣлъ 136 золот.

Такимъ образомъ вѣсъ серебряныхъ прутиковъ (въ 27 золот.) представляетъ съ одной стороны полное сходство съ законною арабскою унціею серебра, — съ другой—равенъ одной пятой бухарскаго ансыря. Небольшіе серебряные прутики (свыше 13 золотн.) по вѣсу сходны съ арабскимъ *нашемъ* (въ арабской унціи серебра было два *наша*) и вполнѣ совпадаютъ съ вѣсомъ десятой части бухарскаго ансыря (73).

Нельзя думать, чтобы такое близкое сходство вѣса серебр. прутиковъ съ восточными вѣсовыми единицами было дѣломъ простого случая.

Прутики переходили въ сѣверо-восточную Европу изъ Азіи, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они представляютъ по вѣсу части существовавшихъ въ то время въ Азіи вѣсовыхъ единицъ.

Обстоятельное изслѣдованіе серебряныхъ прутиковъ, совмѣстно съ открытыми, въ разныхъ мѣстахъ Россіи, древними гирьками, несомнѣнно, приведетъ насъ къ точному понятію вѣсовыхъ единицъ, которыми пользовалась сѣверная и средняя Русь съ VIII-го по XII столѣтіе.

2) Значительное число арабскихъ кладовъ, найденныхъ въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другого, можетъ быть объяснено тѣмъ, что промышленный и мелкій торговый людъ селился поблизости крупныхъ торговыхъ поселковъ той эпохи, чтобы имѣть возможность легкаго и выгоднаго сбыта продуктовъ своего промысла или труда. Кругомъ значительнаго торговаго селенія были разбросаны мелкія поселки.

Скученность арабскихъ кладовъ, замѣчаемая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Окскаго бассейна, почти постоянно сопровождается древними городищами и могильниками той же эпохи, къ которой относятся и арабскіе клады. Да иначе и быть не можетъ: клады зарывались въ землю не въ пустынныхъ мѣстахъ, но въ поселкахъ, близъ жилищъ или недалеко отъ нихъ. Гдѣ жили люди,—тамъ были могилы и другіе остатки осѣдлаго населенія. Находя арабскіе клады, иногда открываютъ слѣды древнѣйшихъ поселеній, основаніе которыхъ на нѣсколько вѣковъ предшествовало княжескому періоду исторіи Окскаго края. Рядомъ съ кладами и остатками поселковъ нерѣдко находятъ и могильники.

Такъ что клады съ куфическими монетами, въ большинствѣ случаевъ, довольно опредѣленно обозначаютъ мѣста древнѣйшихъ поселковъ, и своимъ числомъ отчасти указываютъ на сравнительную густоту древнихъ поселеній, существовавшихъ въ разныхъ областяхъ древней Руси, въ эпоху торговыхъ сношеній съ арабами.

По берегамъ Оки, во многихъ пунктахъ, замѣчаются слѣды большого числа древнихъ селеній, раскинутыхъ на малыхъ разстояніяхъ одно отъ другого. Изъ такихъ пунктовъ можно обозначить въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, предѣлами которыхъ ограничивались мои непосредственныя наблюденія, слѣдующія мѣста: близъ нынѣшней Каширы, затѣмъ верстахъ въ 20 къ востоку отъ нея, въ сѣверо-восточномъ углу Тульской губерніи по Окѣ и Снедвѣ; въ Рязанской губерніи, по обѣ стороны села Бѣло-Омута (на р. Окѣ); близъ г. Рязани, вверхъ и внизъ отъ нея по берегамъ Оки; по обѣ стороны Старой Рязани и подъ Касимовымъ.

На обозначенномъ протяженіи береговъ Оки, намъ извѣстны остатки только небольшой части древнихъ поселковъ и небольшая часть древнихъ кургановъ и могильниковъ. Слѣды многихъ поселковъ и многіе курганы и могильники уничтожены распашкою земли, истреблены и расхищены кладоискателями или размыты водою, при измѣненіяхъ направленія русла рѣкъ, или сильными весенними разливами водъ. Вѣроятно многіе могильники и остатки древнихъ поселковъ намъ еще неизвѣстны и будутъ открыты современемъ. Но и тѣ немногочисленные остатки окской старины, которые уже найдены и отчасти изслѣдованы и цѣлый рядъ извѣстныхъ, но еще не обслѣдованныхъ остатковъ осѣдлости, неопровержимо свидѣтельствуютъ о значительной густотѣ населенія береговъ Оки и ея главныхъ притоковъ въ VIII и IX ст.; а также—и о томъ, что береговое населеніе Окскаго бассейна той эпохи не имѣло ничего общаго съ первобытными дикарями, въ видѣ которыхъ его изображаютъ нѣкоторые историки; наоборотъ,—населеніе Оки уже обладало многими признаками народа, давно вышедшаго изъ дикаго состоянія.

Скудныя свѣдѣнія нашей лѣтописи о средней Руси и къ тому же пристрастныя, вслѣдствіе понятнаго отвращенія лѣтописца христіанина и монаха къ язычникамъ и всѣмъ проявленіямъ ихъ жизни, и воззрѣнія части нашихъ историковъ на древне-Окскій край и его населеніе—идутъ въ разрѣзъ съ выводами, къ которымъ приводятъ насъ наличные вещественные памятники. Но это противорѣчіе нисколько не умаляетъ значенія и полной достовѣрности показаній вещественныхъ памятниковъ о характерѣ отдаленной эпохи Окскаго края.

3) Отсутствіе византійскихъ и западно-европей-

(73) Въ письменныхъ памятникахъ XVI столѣтія встрѣчаются свѣдѣнія объ ансырѣ, который имѣлъ въ XVI вѣкѣ 128 золотниковъ и назывался старымъ бухарскимъ. Въ XI и XII вѣкѣ бухарскій ансырь былъ тяжелѣе. Это слѣдуетъ изъ того, что древнія гирьки, находимыя въ могильникахъ и городищахъ средней Россіи и несомнѣнно представляющія цѣлыя части ансыря, опредѣляютъ его вѣсъ приблизительно въ 136 золотниковъ. Затѣмъ, древній бухарскій ансырь имѣлъ прямое отношеніе къ вѣсу арабской унціи и повидимому содержалъ въ себѣ пять арабскихъ законныхъ унцій серебра, т. е. около 136 золотн.

скихъ монетъ въ древнѣйшихъ арабскихъ кладахъ Тульской и Рязанской губ. даетъ право предполагать, что здѣшній край не имѣлъ правильно установившихся торговыхъ сношеній съ Византіею и не зналъ частаго непосредственнаго соприкосновенія съ греками до XI столѣтія. Тоже самое можно сказать и о западѣ или, вѣрнѣе, о Норманнахъ, пребываніе которыхъ въ средней и сѣверной Руси пріурочиваютъ къ началу IX вѣка.

Судя по свидѣтельству древнихъ памятниковъ окской старины и монетныхъ кладовъ, можно думать, что населеніе Окскаго бассейна не вело прямыхъ сношеній съ Скандинавіею и Германіею и рѣдко видало на берегахъ Оки норманновъ, до времени водворенія здѣсь Кіевскихъ князей, т. е. до XI столѣтія.

Вмѣстѣ съ Кіевскими князьями или уже послѣ ихъ водворенія, въ Окскомъ краѣ могли появиться западно-европейскія и византійскія монеты въ значительномъ количествѣ, потому что здѣсь, со времени прибытія южныхъ князей, послѣдовали значительныя перемѣны какъ въ бытовыхъ условіяхъ жизни населенія здѣшняго края, такъ и въ торговыхъ сношеніяхъ.

До настоящаго времени, въ Тульской и Рязанской губ., древнѣе XI вѣка неизвѣстно ни одной крупной находки съ византійскими или западно-европейскими монетами. Въ первый разъ мнѣ пришлось видѣть серебряную монету Цимисхія (969—976 г. по Р. Х.) и двѣ монеты германскаго императора Оттона I (962—973 г. по Р. Х.) въ Коростовскомъ кладѣ. Эти монеты, вѣроятно, только потому нашлись въ кладѣ съ диргемами, что онъ изъ самыхъ позднѣйшихъ и былъ зарытъ въ землю не ранѣе XI столѣтія.

Византійскія монеты XII и XIII вѣка изрѣдка находятъ въ Рязанской и Тульской губерніяхъ, но всегда въ небольшомъ количествѣ и преимущественно мѣдныя.

Въ 1888 году А. В. Селивановъ, производя раскопки въ Старой Рязани, нашелъ въ средней части открытаго имъ храма, въ слоѣ мусора, гдѣ сохранились слѣды кирпичнаго пола, 12 мѣдныхъ византійскихъ монетъ XII ст. и одинъ серебряный пфеннигъ англійскаго короля—Этельреда II (царств. съ 978 по 1016 г. послѣ Р. Х.).

Въ числѣ древнихъ находокъ въ Окскомъ бассейнѣ иногда попадаютъ украшенія, которыя относятъ къ византійской работѣ; но эти рѣдкія находки едвали могутъ служить доказательствомъ непосредственныхъ торговыхъ сношеній Окской области съ Византіею; онѣ могли заходить сюда въ IX и даже началѣ X вѣка, какъ предметы обмѣна и торговли съ Днѣпровскою Русью.

Византійскія же издѣлія XII, XIII и начала XIV вѣка изъ мѣди, серебра и золота довольно часто находятъ здѣсь въ древнихъ могилахъ и городищахъ.

Что же касается древнихъ издѣлій запада, то въ VIII и IX вѣкѣ онѣ, повидимому, рѣдко проникали въ верхнюю и среднюю часть Окскаго бассейна.

Даже и тѣ предметы, происхожденіе которыхъ относятъ къ западу или вѣрнѣе, занесеніе которыхъ на Русь приписываютъ норманнамъ, скорѣе были мѣстной выдѣлки или получались изъ сѣверо-западной Руси или, послѣднее пожалуй вѣроятнѣе, зашли сюда съ востока.

Большую часть общеупотребительныхъ желѣзныхъ орудій (топоры, сошники, серпы, косы, крючки, ножницы для стрижки овецъ) и оружія (ножи, стрѣлы, наконечники копій) можно отнести къ мѣстному производству. Въ здѣшнихъ могильникахъ и вблизи ихъ находятъ желѣзные шлаки; да и самое изобиліе разнообразныхъ и довольно грубыхъ издѣлій изъ желѣза служатъ признакомъ существованія въ VIII и IX вѣкѣ, въ Окскомъ краѣ, обработки желѣза. Въ матеріалѣ недостатка не было: Тульская и Рязанская губерніи настолько богаты желѣзною рудою, что ея съ избыткомъ доставало на потребности мѣстнаго населенія.

Очень вѣроятно, что общераспространенныя въ средѣ здѣшняго древняго населенія бронзовыя украшенія, простыя по замыслу и довольно грубыя по выполненію, также дѣлались мѣстными мастерами изъ привознаго матеріала. Древнія металлическія вещи, находимыя въ Окскомъ бассейнѣ и относящіяся къ одной и той же эпохѣ, представляютъ большое различіе какъ въ способахъ самой выдѣлки вещей, такъ въ степени сложности и изящества работы. Все это даетъ поводъ предполагать, что болѣе грубыя и въ тоже время болѣе распространенныя желѣзныя и бронзовыя вещи принадлежатъ къ мѣстнымъ издѣліямъ. Металлическіе предметы болѣе искусной и тонкой работы, бывшіе въ употребленіи у жителей Окскаго края, получались преимущественно съ востока.

Въ основѣ моихъ соображеній, главнымъ образомъ лежатъ наблюденія надъ кладами съ куфическими монетами, и я, конечно, далекъ отъ мысли считать свои предположенія вполнѣ безошибочными; и думаю, что рѣшительный отвѣтъ о размѣрахъ сношеній съ западомъ и о степени вліянія запада въ VIII, IX и началѣ X ст. на окское населеніе получится только тогда, когда древніе бытовые предметы, найденные въ могильникахъ средней Россіи и въ настоящее время разбросанные по нашимъ общественнымъ музеямъ и частнымъ собраніямъ, будутъ систематично изучены и сравнены съ одновременными и несомнѣнными предметами восточнаго и западнаго издѣлія, и вмѣстѣ съ этимъ будетъ обращено серіезное вниманіе на содержаніе кладовъ съ куфическими монетами.

Но еще важнѣе для правильнаго рѣшенія этого вопроса дальнѣйшее и обстоятельное изслѣдованіе могильниковъ и древнихъ горо-

дицъ, имѣющихся въ Окскомъ бассейнѣ. Эти изслѣдованія, кромѣ выясненія степени вліянія запада, быть можетъ, дадутъ возможность установить болѣе вѣроятное подраздѣленіе племенъ, вошедшихъ въ разныя эпохи въ составъ населенія Окскаго бассейна, и приблизительно обозначить время прибытія разноплеменныхъ насельниковъ, оставившихъ здѣсь свои осадки, которые впослѣдствіи слились съ славянскимъ племенемъ. Славянскій элементъ оказалъ преобладающее вліяніе на строй жизни здѣшняго края и будущее осталось за нимъ.

Принимая въ соображеніе только извѣстные намъ монетные клады и древніе бытовые предметы той же эпохи (IX, X и начало XI в.), найденные въ Тульской и Рязанской губерніяхъ, и, допуская, что для разсматриваемой нами области—составъ и характеръ монетныхъ и иныхъ находокъ,—какъ справедливо замѣтилъ упокойный графъ А. С. Уваровъ,—довольно точно указываетъ на время, размѣры и направленіе сношеній, которыя въ далекомъ прошломъ тотъ или другой народъ велъ съ ближними или отдаленными народами: то съ полною увѣренностію можно утверждать, что до XI столѣтія для населенія Окскаго бассейна востокъ имѣлъ важное и многостороннее значеніе, которое вліятельно отражалось на экономическихъ и бытовыхъ сторонахъ жизни нашихъ предковъ.

При изслѣдованіи далекаго прошлаго обитателей Окскаго бассейна, многія стороны его мы можемъ понять и выяснить, обращаясь за отвѣтами къ исторіи Востока.

Вотъ къ какимъ заключеніямъ приводитъ насъ знакомство съ куфическими кладами, и какія бытовыя стороны древне-русской жизни они раскрываютъ передъ нами и какія—только намѣчаютъ намъ.

Главною задачею моего сжатаго очерка было желаніе обратить вниманіе провинціальныхъ нумизматовъ и археологовъ на клады съ куфическими монетами, подробное изслѣдованіе которыхъ, въ связи съ изученіемъ остатковъ мѣстной старины, обѣщаетъ дать немаловажные результаты какъ для русской Нумизматики, такъ и для древней Исторіи Россіи. Смѣю думать, что моя небольшая и во многихъ отношеніяхъ слабая работа вызоветъ интересъ къ восточнымъ кладамъ и не окажется совершенно безполезною при дальнѣйшей разработкѣ вопроса о древне-русской денежной системѣ.

№ 5107

Замѣченныя погрѣшности.

Напечатано.	Слѣдуетъ читать.	Стр.	Столб.	Строки.
къ изслѣдователямъ	къ изслѣдователямъ,	2	2	12 сверху.
мнѣ неизвѣстны	мнѣ неизвѣстны;	3	1	7 снизу.
подвѣски, повидимому	подвѣски, съ изображеніемъ птицы, напоминающей павлина или фазана, и повидимому	4	2	15 сверху.
отъ 1— грана до $1^1/$	отъ $1^1/_8$ грана до $1^1/_3$ гр.	4	2	30 сверху.
Абу-Джафари	Абу-Джафара	5	1	24 снизу.
населявшія Русь	населявшія сѣверную и среднюю Русь	8	2	24 сверху.
серебряныя	серебряные	9	1	33 сверху.
вѣроятно, въ пять, шесть разъ	вѣроятно, раза въ четыре	12	1	28 сверху.
засѣлявшія	заселявшія	12	2	25 сверху.
Монголію	Монголіи	16	2	16 сверху.
могла явиться,	могла явиться	21	2	13 сверху.
мѣдныя деньги;	мѣдныя деньги:	23	2	11 сверху.
затѣмъ особенности	затѣмъ въ особенности	24	1	8 снизу.
золотой и серебряной монеты	золота и серебра въ монетѣ или слиткахъ опредѣленнаго вѣса	24	2	20—21 сверху.
въ историческомъ	въ Историческомъ	24	2	9 снизу.
въ тверскомъ музеѣ	въ Тверскомъ Музеѣ	24	2	7 снизу.
въ рязанскомъ музеѣ	въ Рязанскомъ Музеѣ	24	2	4 снизу.
деньги,	деньги	26	1	30 сверху.
монетою диргемовъ	монетою для диргемовъ	26	2	9 сверху.
финны и чудь	Финны и Чудь	27	1	27 снизу.
историкъ	историкъ и археологъ	27	2	7 снизу.
седьмаго	Седьмаго	30	2	12 снизу.
отъ 9 до 10 гранъ	въ 5 гр. и отъ $8^1/_2$ свыше 9 гран.	31	1	30 снизу.
поморскихъ	Поморскихъ	31	1	1 снизу.
приготовленія	приготовленія серебряной	31	2	23 сверху.
имѣетъ	имѣла	34	1	24 снизу.
имѣетъ	имѣла	34	1	26 снизу.
имѣетъ	имѣла	34	1	28 снизу.
50 монетъ)	50 монетъ=$^1/_4$ гривны серебра	34	2	21 сверху.
отъ $2^5/_8$ до 1 к. с	отъ 1 к. с. до $^5/_8$ к. с.	34	2	28 сверху.
(25 к. с.)	(20 к. с.)	36	1	10 сверху.
по Дроздов	по Дроздову	36	1	14 сверху.
изслѣдованія	Изслѣдованія	36	1	2 снизу.

Замѣченныя опечатки.

Напечатано.	Слѣдуетъ читать.	Стр.	Строка.	Сверху.
въ высѣдовательныхъ	въ изслѣдовательныхъ	2	2	12 снизу.
мѣдь ремѣсленной	мѣдь ремѣсленной	3	1	7 снизу.
потребекъ, поскольку	потребекъ, съ изображеніемъ птицы, изломанной пальмы или фазана, и подкидномъ	4	3	15 сверху.
отъ 1— грана до 1¼	отъ 1¼ грана до 1¼ гр.	4	3	30 сверху.
Абу-Джафара	Абу-Джафара	5	1	24 снизу.
высѣчанія 1 гра.	высѣчанія сферично и сплошно			
Ітеа	Ітеа	8	2	24 сверху.
серебрянные	серебрянные	9	1	33 сверху.
вѣроятно, на нѣтъ, иметъ раза	вѣроятно, раза въ четыре	12	1	28 сверху.
заостренія	заостренія	12	3	25 сверху.
Моетоліи	Моетоліи	16	2	16 сверху.
молча вантеся	молча вантеся	21	3	13 сверху.
мѣдные деньги	мѣдные деньги	23	2	11 сверху.
нитью, не особенности	нитью, не особенности	24	1	8 снизу.
золота и серебрянной монеты	золота и серебра въ монетѣ или слиткахъ опредѣленнаго вѣса	24	2	20—21 сверху.
въ хронологическомъ	въ Нетоническомъ	24	3	9 снизу.
въ сливковомъ музеѣ	въ Тосфиковомъ Музеѣ	24	2	7 снизу.
въ ранковомъ музеѣ	въ Ганковомъ Музеѣ	24	2	4 снизу.
денгіи	денгіи	25	1	30 сверху.
монетою кратковѣкъ	монетою или принцемонъ	26	3	9 сверху.
фиппи и Чуда	Фиппи и Чуда	27	1	22 снизу.
исчадіи	исторіи и ирсеолоіи	27	3	7 снизу.
содержо	Содержо	30	2	12 снизу.
отъ 9 до 16 грана	въ 5 гр. и отъ 8¼ самые 9 грам.	31	1	30 снизу.
неморскихъ	Немоскихъ	31	1	1 снизу.
принтотолоіи	принтотолоіи серебрянной	31	2	23 сверху.
пмѣсть	пмѣсть	34	1	24 снизу.
пмѣсть	пмѣсть	34	1	26 снизу.
пмѣсть	пмѣсть	34	1	28 снизу.
30 монетъ	30 монетъ=½ грамма серебра	34	2	21 сверху.
отъ 2½ до 1 г. с.	отъ 1 г. с. до ½ г. с.	34	2	28 сверху.
(25 г. с.)	(20 г. с.)	36	1	10 сверху.
по Дюсдону	по Дюсдону	36	1	14 сверху.
Настѣлоеаія	Настѣлоеаія	36	1	2 снизу.